

Андрей Белый

Петербург

Историческая драма

Москва
ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА
2010

УДК 821.161.1-21Белый А.
ББК 84(2Рос=Рус)1-6я44
Б43

При содействии журнала
«Новое Время»

Подготовка текста и примечания —

А. В. Лавров

Вступительная статья —

А. В. Лавров и Джон Малмстад

На фронтисписе —

Андрей Белый. Фотография М.С. Напельбаума. 1926

Художник

В.Н. Сергутин

Андрей Белый.

Б43 **Петербург** : ист. драма / А. Белый ; [подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова ; вступ. ст. А. В. Лаврова и Джона Малмстада]. — М. : Прогресс-Плеяда, 2010. — 304 с., ил. — ISBN 978-5-904995-07-2

Историческая драма Андрея Белого «Петербург», написанная в 1924 году по сюжету знаменитого романа, при жизни автора опубликована не была, а ее постановка 1925 года в МХТ-2 с Михаилом Чеховым в роли Аполлона Аполлоновича Аблеухова осталась единственной. Но пьеса Андрея Белого представляет интерес не только как своеобразный драматургический опыт выдающегося писателя, но и как выразительная авторская интерпретация одного из самых ярких новаторских романов в русской литературе XX века.

В настоящем издании текст первой полной редакции драмы впервые воспроизводится по автографу, сохранившемуся в архиве Р. В. Иванова-Разумника в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

УДК 821.161.1-21Белый А.

ББК 84(2Рос=Рус)1-6я44

© Прогресс-Плеяда, 2010

© А. В. Лавров, вступ. ст., подгот. текста и примеч., 2010

© Аршинов А.А., наследники, илл., 2010

© В.Н. Сергутин, оформ., 2010

ISBN 978-5-904995-07-2

Театральная версия романа Андрея Белого «Петербург»

Драму на сюжет своего знаменитого романа Андрей Белый написал в 1924 году, на следующий год была осуществлена ее постановка. При жизни автора драма «Петербург» (или «Гибель сенатора») осталась неопубликованной. В новейшее время об инсценировке «Петербурга» впервые вспомнили в работах о Михаиле Чехове – исполнителе роли Аполлона Аполлоновича Аблеухова¹. На материале писем Андрея Белого к Р. В. Иванову-Разумнику была построена статья Л. К. Долгополова о постановке пьесы², за ней последовала публикация писем Белого к М. А. Чехову, в которых нашла отражение та же тема³. Обстоятельства работы над пересозданием романа в драму, а также история ее постановки составили содержание главы IV монографии Татьяны Николеску, посвященной анализу роли театра в творческой биографии Андрея Белого⁴. В 1986 г. текст инсценировки романа «Петербург» был опубликован одним из авторов этих строк в отдель-

---

¹ См.: Громов В. Михаил Чехов. М., 1970. С. 134–150; Кнебель М. Одна роль Михаила Чехова // Театр. 1971. № 6. С. 94–102.

² См.: Долгополов Л. К. А. Белый о постановке «исторической драмы» «Петербург» на сцене МХАТ–2 (по материалам ЦГАЛИ) // Русская литература. 1977. № 2. С. 173–176.

³ См.: «Меня удивляет этот человек...» (Письма Андрея Белого к Михаилу Чехову) / Публ. М. Г. Козловой // Встречи с прошлым. Вып. 4. М., 1995. С. 97–127.

⁴ См.: Николеску Татьяна. Андрей Белый и театр. М., 1995. С. 97–127.

ном издании – по неавторизованному машинописному тексту из архива Андрея Белого, содержащему множество ошибочных прочтений исходной рукописи, пропусков и опечаток⁵. Рукописный текст пьесы остался тогда недоступен публикатору. Ныне драма Андрея Белого «Петербург» впервые воспроизводится по автографу, сохранившемуся в архиве Р. В. Иванова-Разумника в Пушкинском Доме.

* * *

Магия театрального зрелища поразила Андрея Белого еще в детыском возрасте, когда, девяти лет от роду, он впервые увидел спектакль Малого театра. В гимназические годы, под влиянием вдохновенных уроков Льва Поливанова, который ставил с учениками отрывки из Шекспира, увлечение театром переросло в серьезный интерес. Школьные постановки произвели на молодого Бориса Бугаева такое впечатление, что он начал со своим другом Сергеем Соловьевым ставить домашние спектакли (столь же сильно ими увлекался тогда и молодой Александр Блок). Вскоре после школьного знакомства с Шекспиром и древнегреческим театром юноша открыл для себя пьесы Ибсена: «...я не просто ознакомился с драмами Ибсена, <...> я, читающий драмы Ибсена, сам был героем одной из ибсеновских драм; оттого-то они меня до такой степени вывели из себя, что некоторое время я развивал фантазию: тайно бежав в Норвегию, добиться того, чтобы быть принятым в дом Ибсена в качестве лакея его»⁶.

---

⁵ См.: *Андрей Белый. Гибель сенатора (Петербург). Историческая драма / Редакция и послесл. Джона Мальмстада. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1986 («Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts». Vol. 12).*

⁶ *Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 320.*

Весной 1898 года это увлечение приняло новую форму: семнадцатилетний Борис Бугаев, к тому времени уже писавший стихи и «отрывки в прозе», впервые решил попробовать свои силы в драматическом жанре: «...я разрабатывал проект написания мистерии “Пришедший”, увиденный, как мой “Фауст”. Тема – пришествие Антихриста под маской Христа»⁷. Со столь масштабной темой начинающий автор тогда не сумел совладать и переключился на опыты в стихах и особой «симфонической» прозе. В 1902 году Борис Бугаев дебютировал в печати как писатель «Симфонией» (второй, «Драматической») под псевдонимом «Андрей Белый». Однако о своем «мистериальном» замысле он не забыл: «...в 1903 году я испортил его, подготавливая к напечатанию в “Северных Цветах”; было стыдно выставить год написания, 1898; я выставил год правки, 1903»⁸. Еще через три года Белый поместил другой отрывок, восходящий к теме «Пришедшего», под заглавием «Пасть ночи», в первом номере журнала «Золотое Руно» за 1906 г. Хотя оба драматургических фрагмента, ввиду своей тематики, представляют значительный интерес для исследователей творчества Белого, они занимают более чем скромное место как в общем своде его сочинений, так и в более широком контексте символистского театра России.

---

⁷ Там же. С. 380.

⁸ Там же. См.: *Андрей Белый. Пришедший. Отрывок из ненаписанной мистерии // Северные Цветы. Третий альманах книгоиздательства «Скорпион»*. М., 1903. С. 2–25. Рукописные фрагменты «мистерии», сохранившиеся в архиве Андрея Белого, см. в кн.: *Андрей Белый. Антихрист. набросок к ненаписанной мистерии / Публ., вступ. ст. и примеч. Даниелы Рицци. Университет Тренто: Департамент Истории Европейской Цивилизации, 1990. Развернутый анализ текстов, относящихся к замыслу «мистерии», см. в кн.: *Николеску Татьяна. Андрей Белый и театр*. С. 33–67.*

Как ни часто обращался Белый в своих критических опытах к разговору об Ибсене и других представителях «нового театра» – о Метерлинке и Гауптмане, о Чехове и Андрееве, – сам он не пытался писать для театра вплоть до 1924 г. Инсценировка «Петербурга» – первый большой творческий замысел Белого по возвращении из Германии в конце октября 1923 г. Собственно, это даже не был его личный замысел, а, скорее всего, своего рода «заказ», исполнение которого давало хотя бы иллюзию обретения твердой почвы под ногами после двухлетнего пребывания за границей в подозрительном статусе полуэмигранта.

17 декабря 1923 г. Белый сообщал Р. В. Иванову-Разумнику: «...мне предложили работу, могущую дать заработок в будущем; именно: переработать “Петербург” в драму, которую наперерыв друг у друга оспаривают Мейерхольд, Завадский (III студия Художественного театра) и Чехов (I-ая студия); это забота об обеспечивании материального будущего <...>»⁹. Идея инсценировки «Петербурга» принадлежала М. Ф. Кokoшкиной, вдове члена Государственной думы Ф. Ф. Кokoшкина (зверски убитого красноармейцами в январе 1918 г.); с обоими Белый регулярно общался

---

⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада. Подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб., 1998. С. 270. Ср. свидетельство К. Н. Бугаевой: «Б. Н. не считал себя драматургом. А к переделкам для сцены относился неодобрительно, говоря, что “привкус” романа все же всегда остается, и что нельзя одинаково: драму “переделать” в роман, а роман – в драму. Драматическая вещь строится по совсем иным законам и должна быть задумана и написана самостоятельно, заново. Поэтому сам он, по собственной инициативе, никогда не предпринял бы никакой переделки; хотя, с другой стороны, его привлекала мысль увидеть своих героев на сцене. Фактически обе “драмы” (“Петербург” и “Москва”) были вызваны к жизни определенными предложениями со стороны» (РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 12 об.).

в Москве в месяцы, предшествовавшие Февральской революции¹⁰. П. Н. Зайцев свидетельствует, что еще осенью 1922 г. – когда Белый жил в Берлине и планов возвращения на родину не вынашивал – М. Ф. Кокошкина при встрече сообщила ему, что «сейчас занята инсценировкой “Петербурга” Андрея Белого». «Когда осенью 1923 года, – продолжает Зайцев, – Борис Николаевич вернулся в Москву, я при случае сообщил ему о замысле Кокошкиной»¹¹. Свои свидетельства зафиксировала и Кокошкина в мемуарном очерке о Белом: «Я как-то, просматривая <...> “Петербург”, заметила, что он весь почти построен на диалогах. И тут же решила переписать его, выпустив все отступления. И убедилась, что получается готовое сценическое произведение. Как только Б<орис> Н<иколаевич> приехал из-за границы, я поставила его в известность о произведенной работе. Он очень заинтересовался и приехал ко мне. Мы весь день проговорили с ним на эту тему. Я помню, как сказала, что ничего бы не изменила, только немного любви прибавила бы. Он соглашался. Он фантазировал, как он себе представляет “Петерб<ург>” в постановке. По его мнению, все должно обозреваться якобы через окно кареты. Словом, карета у него была на первом плане. <...> Он говорил намеками, оцупью, – и все-таки получалось ясное представление того, что ему рисовалось»¹².

Как сообщает в том же очерке Кокошкина, их совместная работа над «Петербургом» в дальнейшем разладилась, поскольку они не смогли прийти к общему мнению относительно того, какому постановщику

---

¹⁰ См.: *Сливак Моника*. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 122–131.

¹¹ *Зайцев П. Н.* Воспоминания. М., 2008. С. 54.

¹² *Кокошкина М. Ф.* Из воспоминаний: Бугаев-Белый // *Сливак Моника*. Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 151.

предложить будущую пьесу: Кокошкина настаивала на В. Э. Мейерхольде (возглавлявшем тогда ТИМ – Театр им. Мейерхольда), но встретила резкое сопротивление Белого; предложила Ю. А. Завадского (руководителя с 1924 г. 3-й Студии Московского Художественного театра), но Белый от встречи с ним уклонился, выдвинув, со своей стороны, кандидатуру М. А. Чехова – которая, в свою очередь, показалась неприемлемой для Кокошкиной¹³. Впрочем, даже если бы в выборе режиссера и театра Белый и Кокошкина пришли к согласию, маловероятно, что их последующая совместная работа оказалась бы продуктивной: слишком «монологичен» был автор «Петербурга» по природе своего дарования. «Совместная работа с Кокошкиной подвигалась медленно, туго, – вспоминает Зайцев, – Кокошкина отступила, и Андрей Белый сам занялся инсценировкой»¹⁴. Плодотворная работа над театральной версией могла быть дополнительно стимулирована уже имевшимся у Белого опытом претворения повествовательной структуры романа в другую жанровую форму – в киносценарий «Петербург», написанный в конце 1910-х гг.¹⁵

Предпочтение, отданное Белым М. А. Чехову, актеру 1-й Студии МХТ и ее директору с 1922 г., в 1924–1928 гг. художественному руководителю МХАТа 2-го, сам он объяснил Кокошкиной как дань личным отношениям: «Меня к тому обязывает наша с ним дружба»¹⁶.

¹³ См.: Там же. С. 151–152. Ср. запись Белого, характеризующую январь 1924 г.: «Усаживаюсь за переработку “Петербурга” в драму; переговоры с Чеховым, Мейерхольдом, Завадским, Таировым» (*Андрей Белый. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 117 об.*).

¹⁴ *Зайцев П. Н. Воспоминания. С. 54.*

¹⁵ См.: РГБ. Ф. 516. Карт. 3. Ед. хр. 37; *Цивьян Ю. Г. Историческая рецензия кино. Кинематограф в России, 1896–1930. Рига, 1991. С. 230–238; Николеску Татьяна. Андрей Белый и театр. С. 124–127.*

¹⁶ *Спивак Моника. Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 151.*

Почва для этой дружбы была духовная и глубоко идейная. Чехов был приверженцем антропософии, Андрея Белого он почитал как своего учителя, наставника на пути к Р. Штейнеру¹⁷. В начале марта 1925 г., восторженно отзываясь в письме к Иванову-Разумнику о постановке «Гамлета» с Чеховым в главной роли, Белый признавался: «...я уже сердцем говорил этому делу “да”, особенно сойдясь в прошлом году с Мих<аилом> Алек<сандровичем> Чеховым на почве “нашей с ним общей, не театральной” работы; увидев в нем человека, глубокого, мятущегося, “нашего” (<...> мог бы сказать, “а<нтропософ>ского”), я его просто полюбил; мне показалось, что он вошел в нашу семью <...>»¹⁸. Перспектива совместной творческой работы с единомышленником, – что было особенно драгоценно в условиях советской России с ее декретивной материалистической доктриной, – воодушевляла Белого, была стимулирующим началом огромной силы.

В записях «Ракурса к Дневнику», относящихся к 1924 году, фиксируются различные этапы авторской работы над драмой «Петербург»: январь, «около 13-го» – «Беседа у Чехова о том, как ставить “Петербург”»; март – «Пишу отрывки “Петербурга-драмы”»; апрель – «...кое-как пишу “Петербург-драму”. <...> Беседа с мхатцами о “Петербурге”»; 3 мая – «Чтение “Петербурга” (отрывков) у Чехова»; 4 мая – «Беседа с артистами о “Петербурге”»; май – «Пишу с бешеной скоростью всю

---

¹⁷ См.: Бюклинг Лийса. Михаил Чехов и антропософия: из истории МХАТ Второго // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. IV. «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту, 1995. С. 248–249. Ср. недатированное письмо Чехова к Белому (не ранее 15 октября 1921 г., Москва): «Я в настоящее время очень интересуюсь д-ром Штейнером и в связи с этим имею ряд вопросов, на которые очень хотел бы получить ответ лично от Вас» (Чехов Михаил. Литературное наследие. М., 1995. Т. 1. С. 292).

¹⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 313.

драму и сдаю “Мхату”»¹⁹. 21 мая 1924 г. Чехов сообщил Белому: «Первую половину “Петербурга” получили – ждем вторую. Актерам буду читать по получении всей пьесы. С восторгом читали то новое, что вы добавили нам. Спасибо, дорогой наш Борис Николаевич»²⁰.

25 мая состоялось авторское «чтение сцен “Петербурга” в кружке поэтов», 27 мая – «чтение сцен “Петербурга” у Пильняка». Поселившись в июне 1924 г. у М. А. Волошина в Коктебеле, Белый прочитал драму хозяину и его гостям целиком, за три вечера: «Чтение драмы с прениями»²¹. Судя по всему, Белый был удовлетворен результатом проделанной работы и надеялся на ее удачное сценическое претворение.

* * *

Романом «Петербург» – в том виде, в каком он впервые вышел в свет в 1913–1914 гг. в трех сборниках «Сирин», – Андрей Белый остался недоволен и в последующие годы неоднократно предпринимал попытки усовершенствовать свое произведение – главным образом посредством его сокращения, – в резуль-

---

¹⁹ *Андрей Белый*. Ракурс к Дневнику. Л. 117 об., 118 об.

²⁰ *Чехов Михаил*. Литературное наследие. Т. 1. С. 305.

²¹ *Андрей Белый*. Ракурс к Дневнику. Л. 118 об. Это чтение, ознаменовавшееся конфликтом между Белым и Волошиным (который в своем отзыве о пьесе, «внешне вполне корректном и очень добродушном», допустил «несколько насмешливых колкостей») описал в воспоминаниях Н. К. Чуковский (*Чуковский Николай*. О том, что видел. М., 2005. С. 158–159). Волошин сообщал Е. Ланну 3 декабря 1925 г.: «Текст пьесы я знаю – А. Белый <...> ее читал в Коктебеле. Я пробовал тогда же ему указывать на ее сценические недочеты. Ведь известные логические театральные линии должны быть вычерчены правильно заранее – как перспектива в большой картине, – иначе все перепутается, но литераторы обычно этого не понимают и не хотят знать, и Белый только разбиделся на меня» («...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Лани. Письма. Документы. Материалы. М., 2007. С. 78–79).

тате чего появилась редакция текста, опубликованная отдельным изданием в двух томах в Берлине в 1922 г.²² По-видимому, на первых этапах работы над драмой он воспринимал инсценировку «Петербурга» как еще одну возможность приблизить его к тому идеальному замыслу, который постоянно жил в его воображении и который ему не удавалось надлежащим образом осуществить. Вскоре, однако, он столкнулся с проблемами, которые в свое время сформулировал Достоевский в письме от 20 января 1872 г. княжне В. Д. Оболенской, в ответ на ее просьбу разрешить инсценировку «Преступления и наказания»: «Есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической. Я даже верю, что для разных форм искусства существуют и соответственные им ряды поэтических мыслей, так что одна мысль не может никогда быть выражена в другой, не соответствующей ей форме. Другое дело, если Вы как можно более переделаете и измените роман, сохранив от него лишь один какой-нибудь эпизод, для переработки в драму, или, взяв первоначальную мысль, совершенно измените сюжет?...»²³

В процессе работы над пьесой в апреле 1924 года Белый сам ощутил необходимость такого коренного пересмотра романа, о чем признавался в одном из писем к Иванову-Разумнику (17 июля 1924 г.): «...эта переработка привела к написанию “Петербурга” № 2, где

---

²² Подробнее см.: *Долгополов Л. К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // *Андрей Белый*. Петербург. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 574–583 («Литературные памятники»); *Иванов-Разумник*. К истории текста «Петербурга» // *Андрей Белый: pro et contra*. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. Антология. СПб., 2004. С. 598–610.

²³ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 225.

изменена отчасти и фабула. «“Петербург”. Историческая драма» – не «“Петербург”. Роман». Там, где приходилось читать отрывки драмы, везде подымались споры на тему, что *центральнее*: “Петербург-драма” или “Петербург-роман”. <...> Почему-то мне указывали у Волошина (где я “драму” прочел), что это не драма, а “трагедия” – сочетание Шекспира с Островским и Гоголем. Так механическая переработка превратилась в органическое написание “Петербурга” № 2»²⁴.

Перед Белым стояла задача непомерная; трудность заключалась не только в требованиях нового для него жанра, в который предстояло преобразить роман, лишенный структуры сценического действия, – несмотря на то, что действие в нем разворачивалось в течение всего нескольких дней, а сюжет, построенный вокруг кочующего пакета и важного письма, по видимости давал основу для развития драматургической интриги. Может быть, в данном случае основная сложность художественного задания была обусловлена как раз новаторской природой романа Белого.

Модернизм нес с собою, прежде всего, революцию в области мировосприятия. В «Петербурге» Белый, подобно его современникам – Прусту, Джойсу, Вирджинии Вулф, – создал новую «объяснительную парадигму» (пользуясь термином, введенным Томасом Кьюном в его «Истории научных революций»). Эта особенность романа проявляется в ряде ныне вполне привычных, но тогда, в начале XX века, дерзко новаторских приемов, в частности, – в сдвиге от взгляда на мир, находящийся вне наблюдателя, к взгляду внутрь человека, внутрь механизма восприятия; центр тяжести с объекта восприятия переместился на процесс восприятия. Бытие предстает сквозь призму воспринимающе-

²⁴ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 294–295.

го, динамичного сознания, одновременно искажающую и преобразующую; при этом пульсации сознания корректируются и регулируются токами, идущими из глубин подсознания.

Белый, несомненно, ощущал принципиальную новизну «Петербургга». В декабре 1913 г., закончив работу над романом, он писал Иванову-Разумнику: «... весь роман мой изображает в символах места и времени подсознательную жизнь искаженных мысленных форм <...> Мой “Петербург” есть, в сущности, зафиксированная мгновенно жизнь подсознательная людей, сознанием оторванных от своей стихийности <...> подлинное местодействие романа – душа некоего не данного в романе лица, переутомленного мозговой работой; а действующие лица – мысленные формы, так сказать, недоплывшие до порога сознания. А быт, “Петербург”, провокация с происходящей где-то на фоне романа революцией – только условное одеяние этих мысленных форм»²⁵.

Впервые сходство между романом Белого и кубистскими полотнами Пикассо отметил Бердяев в 1916 г.²⁶ Бердяев не стал подробно развивать наблюдения об этом сходстве, возникшем как следствие общности современного взгляда на сознание. Как и кубисты, разлагающие и расслаивающие предметный мир, Белый строит свой роман из фрагментов, очерчиваемых в разных перспективах. Мотивы, кажущиеся центральными, внезапно прерываются, а затем вновь возникают в свете неожиданных аналогий. Решающие для развития действия сцены, будь то длинная беседа Дудкина и Николая Аполлоновича во второй главе или встреча Николая Аполло-

²⁵ Там же. С. 35.

²⁶ См.: Бердяев Николай. Астральный роман (Размышление по поводу романа А. Белого «Петербург») // Андрей Белый: pro et contra. С. 411–418.

новича с Лихутиным в седьмой, неожиданно обрываются, оставляя читателя в напряженном недоумении. Герои книги перемещаются в бессмысленном потоке настоящего, высвечиваемого вспышками из иррационального мира снов и видений. Мир, окружающий героев, и феномены, порождаемые галлюцинирующим сознанием, пронизывают друг друга, формируя уникальную художественную реальность «Петербург».

Подобно кубистским полотнам, «Петербург» – это совокупность ребусов. (Позже, в «Записках чудака», Белый писал: «Так – всякий роман: игра в прятки с читателем он»)²⁷. Читателю предоставляется возможность самостоятельно составить осмысленную картину из отдельных сегментов. Но едва удастся сложить какую-то часть этой умопостигаемой картины в нечто единое, как составные части расходятся, распадаются в груды несвязных обломков. При этом рассказчик, ведущий у Белого повествование, с обескураживающей скоростью мечется между крайностями иронии и мифопоэтического гиперболизма, создавая беспокойную нестабильность, нечеткость интонационного рисунка. В отличие от романов, где автор пытается осмыслить увиденное, у Белого (как иногда у Гоголя) рассказчик либо сам не понимает, что происходит, либо не хочет поделиться своим знанием с читателем, ограничиваясь намеками на то, что «ответ», быть может, скрыт в каких-то иных плоскостях реальности.

В декабре 1926 г. Белый писал Мейерхольду: «...динамизировать – задача искусства»²⁸. Характерное для творчества Белого стремление к «жизнетворческому» единству никогда не оборачивается стремлением к статике, которая, однако, становится объектом изображе-

²⁷ Андрей Белый. Записки чудака. М.; Берлин, 1922. Т. 1. С. 63.

²⁸ Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С. 258.

ния под самыми разными личинами. Застой, воплощенный в романе, с одной стороны, в образцовом бюрократе Аполлоне Аполлоновиче, а с другой – в провокаторе Липпанченко, который хочет контролировать революцию, – подавляет, душит и приводит к гибели. Кроме того, застой обречен на гибель не поддающимися управлению динамическими силами, которые, однако, в финале романа у Белого выявляют лишь свой деструктивный аспект, который не успевает перейти в созидательный. Впрочем, трудно себе представить стойкое конструктивное начало в изменчивом и непостоянном мире Белого! (Поэтому любимой фигурой Белого является не круг, но бесконечная спираль). Один из парадоксов модернистского мировидения заключается именно в том, что жизнь без смысла – невыносима, но жизнь с сознанием конечного смысла, если вообще такой смысл может быть обретен, – неполноценна. Это ощущение прекрасно передано в нестабильной художественной субстанции романа. Революция, движимая провокаторами и полубезумными террористами, – не просто фон, но своего рода выражение того умонастроения, которое для Белого скрыто в слове «провокация».

Белому нужно было найти драматургическое выражение для этих качеств романа, нужно было обрести такой путь, который позволил бы сохранить всю его сложность и специфику, не оборачиваясь сценической перегруженностью, и в то же время избежать буквального следования за повествовательным текстом. В прозе Белый взорвал изнутри форму традиционного романа XIX века, создав произведение, которое ломало привычные каноны жанра. Однако, переделывая свой роман для сцены, Белый не раз попадал в ловушку условностей нового для него драматургического жанра.

С самого начала он с полным доверием готов был опираться на советы Михаила Чехова, вместо того, чтобы дать волю воображению и сделать с формой драматической нечто подобное тому, что было им сделано с традиционным романом. Михаила Чехова держал в плену древний Аристотелев императив катарсиса, – Белый писал Иванову-Разумнику 17 июля 1924 г.: «М. А. Чехов вызвал эту переработку, выдвинув передо мною вопрос о “катарсисе”: “будет ли катарсис?” В романе “катарсиса” нет; в драме – “есть” <...> вообще Чехов меня увлек; писал роль сенатора для него <...> Теперь понимаю, что для драматурга нужна сцена, как палитра и кисть, набрасывающая краски; для меня этою кистью явился М. А. Чехов»²⁹. Отсюда и возникло важнейшее изменение в сюжете: безумие (а не просто нервный припадок) Николая Аполлоновича в финале и убийство Аполлона Аполлоновича. Хотя в заключительной главе романа катарсиса нет, она отличается стремительным темпом и напряжением: читатель знает, что взведенная бомба осталась в доме Аbbleуховых и вот-вот взорвется, а герои об этом и не подозревают. В то время как дом постепенно возвращается к нормальной жизни, медленно и неотвратимо надвигается мгновение взрыва. Взрыв бомбы никого не убивает, все проблемы остаются неразрешенными, но все же это – развязка, хотя, как и всё остальное в романе, достаточно неопределенная и от катарсиса весьма далекая. Катарсис в традиционном смысле в целом чужд миру «Петербурга» (что не исключает обнаружения в тексте романа отдельных эпизодов и мотивов, созвучных содержанию этого понятия)³⁰. Теперь

²⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 295.

³⁰ См.: Максимов Д. О романе-поэме Андрея Белого «Петербург». К вопросу о катарсисе // Максимов Д. Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 240–348; *Dissertationes Slavicae*. XVII. Szeged, 1985. С. 31–166.

мы привыкли к таким финалам в пьесах Сэмюэла Беккета и Гарольда Пинтера, но для Михаила Чехова подобное решение было бы немыслимо, и он старался убедить Белого в своей правоте.

Это кардинальное изменение повлекло за собой общую переработку сюжета. Сенатора нужно было убить, и орудием убийства должна была стать бомба – любимое оружие террористов и, одновременно с этим, – эффектный символ. Но Белый не хотел (а может быть, по причинам лично-психологическим, не мог допустить), чтобы отец погиб, в соответствии с провокаторским умыслом, от руки сына. Аполлона Аполлоновича за сценой убивает бомба, брошенная неизвестным террористом. Но тогда нужно было что-то изменить в коллизии с первой бомбой, которую, как и в романе, приносит в дом Аблеуховых Дудкин. Ведь этой бомбе принадлежит важнейшая роль в развитии сюжета: с нею связаны и обещание Николая Аполлоновича содействовать революционной организации, и заговор, жертвой которого он оказывается. В пьесе бомба превращается в комический «кукиш с маслом». Взрывное устройство, которое своим тиканьем отсчитывает время романа, которое символизирует и исторический процесс, начатый Петром, и общественно-политический кризис, нарастающий на улицах города, и семейный кризис у Аблеуховых, – теперь оборачивается фарсом. В романе шутовская видимость бомбы – «сардинница ужасного содержания» – лишь усиливает ее жуткую суть; бомба – прием, который эффективно объединяет все линии сюжета: личный и общественный, романический и политический. Замечательное единство идеологического и личностного уровней романа в пьесе утрачивается. Правда, Белый связывает с мотивом бомбы момент высокого драматического напряжения, когда

«сардинница» вылетает из рук бегущего Николая Аполлоновича и ударяется о стенку: зрители ждут взрыва, который не происходит.

С самого начала, со сцены в квартире Лихутиных, Белый ведет пьесу в направлении традиционной комедии нравов, с одной стороны, и фарса, с другой: «...драма до последней сцены рассеивается, переходя в “водевиль”, течет, как комедия, à la “Женитьба” Гоголя»³¹. Домашняя комедия, в которой действуют семейства Лихутиных и Аبلеуховых, в пьесе занимает значительно более видное место, нежели в романе; чисто фарсовый характер получают революционные махинации Липпанченко и его приспешников, а также поведение Софьи Петровны (которая в пьесе еще глупее, чем в романе) и, в особенности, Лихутина: Белый вводит комический мотив с флейтой, чижиком и птицами, а попытка самоубийства Лихутина, — в романе поданная с иронией и сарказмом, — в пьесе становится однозначно смешной.

Конечно, и в романе ощущается элемент водевиля, но там неоднородность интонации рассказчика постоянно поддерживает ощущение напряженности, окрашивая повествование мрачными, угрожающими обертонами. В пьесе же Белый как будто не может решить, какой именно тональности отдать предпочтение. И если роман сознательно фрагментарен, и объединяющим элементом в нем являются рассказчик, виртуозно управляющий различными стилевыми регистрами, и ритмическая организация текста, то пьеса выстраивается лишь как набор эпизодов; ей постоянно грозит опасность распасться на составные, относительно самостоятельные части.

---

³¹ Письмо Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 295.

Ощущение «атомарности» сценической композиции возникает не только из-за колебаний Белого между комедией и трагедией. Решение убить Аполлона Аполлоновича и изменить ситуацию с бомбой повлекло за собой множество доработок в сюжете. С мелкими переделками Белый справился без труда – ему удалось свести воедино все нити интриги. Но существенные изменения в сюжете неизбежно влияли и на обрисовку взаимоотношений между главными героями, и на характеры этих героев. Желание втиснуть в пьесу как можно больше эпизодов из романа вело к тому, что Белый иногда «спрессовывал» непосредственно не связанные друг с другом фрагменты романа в одной сцене пьесы, не всегда одинаково удачно.

Так, Белому прекрасно удалось «спрессовать» несколько эпизодов, касающихся ссоры в семействе Лихутиных. В романе Софья Петровна рассказывает мужу о том, как Николай Аполлонович появился перед ней в костюме домино, за день до бала. Муж считает, что ей не нужно ехать на этот бал, и между ними происходит ссора. Затем, день спустя, мы видим, как она одевается, чтобы ехать на бал, и когда Лихутин запрещает ей возвращаться домой, она пренебрегает его угрозами. В пьесе Белый превращает эти две сцены в одну (четвертая картина). В ту же сцену он включает еще один эпизод из романа: появление у Лихутиных Варвары Евграфовны – очень важное, потому что она приносит записку, которую Софья Петровна должна на балу передать Николаю Аполлоновичу. В романе этот эпизод происходит до супружеской ссоры, то есть за день до бала. Такое уплотнение времени в драме меняет мотивировку поступков Софьи Петровны. В романе она решает пренебречь угрозами мужа и отправиться на бал, потому что тем самым она сможет отомстить

Николаю Аполлоновичу, передав ему записку, которую она вскрыла и прочла после ссоры с мужем. Таким образом, ее месть в романе оказывается более продуманной и расчетливой, нежели в пьесе, где она узнает содержание записки, будучи уже готовой ехать на бал.

Пожалуй, ярче всего трудности, с которыми столкнулся Белый в процессе инсценировки, отразились в изменениях, коснувшихся образа Дудкина и его сюжетных функций. Дудкина наравне с отцом и сыном Аблеуховыми можно назвать главным героем романа; он, вместе с Липпанченко, воплощает важнейшую для Белого идею «всеобщей провокации». Как и в романе, в пьесе Дудкин приносит бомбу в дом Аблеуховых и оказывается невольным исполнителем интриг, которые Липпанченко плетет вокруг Николая Аполлоновича; когда же Дудкин при встрече пытается обвинить Липпанченко, ему это не удается, и он униженно отступает. Явно обеспокоенный и без того большим количеством коротких сцен, Белый, на сей раз неудачно, перенес это столкновение в «ресторанчик», где в то же самое время встречаются Морковин и Николай Аполлонович. (В романе эти встречи происходят в разных местах и в разное время). Вплоть до указанного момента в пьесе Дудкину несомненно принадлежит важная роль в сюжете. В романе кошмар Дудкина – встреча с Медным Всадником – и, вслед за этим, совершенное им убийство Липпанченко приводят его к ужасному, закономерному концу. В пьесе же, после того как в конце шестой картины Дудкину мерещится Медный Всадник, Белый просто «забывает» про своего героя. В результате место, которое он занимает в начальных эпизодах драмы, кажется неоправданным, а намеченная многозначность этого персонажа не получает никакого развития.

Прочитав пьесу, Чехов обратил внимание на эту неувязку и попросил Белого внести изменения в текст. Определенную роль играли здесь и причины идеологические: ясно, что нельзя было на советской сцене героя-революционера изображать полубезумным невротиком. По просьбе Чехова Белый ввел в число действующих лиц еще одного героя – революционера-террориста по кличке «Неуловимый», который разоблачает каверзы Липпанченко и убивает сенатора: «А. И. Дудкин разрезается в продольном направлении и из него появляются два типа: Неуловимый, положительный, решительный, убивающий сенатора; и “*дряблый интеллигент*”»³². Этот ход, однако, проблемы не решил: в новой редакции драмы Дудкин по-прежнему исчезает после сцены в пивной, а «Неуловимый» предстает революционным *deus ex machina*.

Разрабатывая характеры в пьесе, Белый столкнулся еще с одной проблемой, осложнявшей переделку его прозы в сценическое действие. Самоочевидно, что диалог – это неременное условие театра. В романе Белого диалог с драматургической точки зрения «неполноценен»: герои изъясняются обрывками фраз, междометиями, разнообразными речевыми жестами; в тексте при воспроизведении прямой речи реплики часто прерываются многоточиями и знаками препинания, указывающими на бессловесные реакции персонажей. Театр XX века знает драму молчания и диалогов, в которых малейшее изменение интонации или незначительная, по видимости бессодержательная фраза служат выявлению характеров. Эта «эстетика молчания» современного театрального действия, складывающаяся из фрагментарных, неясных или

---

³² Письмо Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 27 сентября 1925 г. // Там же. С. 332.

бессвязных, а порой и вовсе бессловесных форм выражения, отчасти представлена и в пьесе Белого. В ней множество авторских ремарок, диктующих то или иное выражение лица или глаз, а также регистрирующих индивидуальные речевые особенности персонажей. «Ревизор» Гоголя, как известно, содержит авторское вступление «Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров»; аналогичными указаниями и разъяснениями изобилует весь текст драмы Белого: местами реплики персонажей буквально «утопают» в обволакивающих их ремарках. Характерная для романа «Петербург» «орнаментальная» изобразительная стилистика, с доминантой описательной образности по отношению к динамике действия, получила в тексте инсценировки свой аналог в виде подробных описаний обстановки с указаниями относительно освещения, цвета декораций, контрастного цветового оформления различных элементов данной картины и т. п. Белый – не просто автор пьесы по сюжетной канве романа; в своем воображении он, детально выстраивая сценические картины, выступает и как режиссер-постановщик, и как художник-декоратор.

Иногда Белый практически без изменений переносил в пьесу большие фрагменты диалогического текста. В других случаях он более или менее радикально подправлял их, используя те образные средства, которые способствовали усилению сюжетной динамики, как, например, в эпизоде беседы Морковина и Липпанченко из второй картины пьесы (в романе она происходит в первой главе). В романе Липпанченко говорит:

«Души настроены, как инструменты: и составляют концерт – что такое вы говорите? Дирижеру из-за кулис остается взмахивать палочкой. Сенатору Аблеухову издать циркуляр, Неуловимому же предстоит...

<...> Николаю Аполлоновичу предстоит... Словом: концертное трио, где Россия – партер»³³.

А вот как меняет Белый этот монолог в пьесе:

«...предвидено все; роли – розданы: Аполлон Аполлонович, Николай Аполлонович, Александр Иванович, Софья Петровна; инсценировка – моя; и Россия – партер. <...> А я говорю: всё – по действиям; действие первое – узелок: заготовлен, отдан и будет снесен; действие второе – история с “Домино”: использована. <...> действие третье – мой финиш, который продуман высокохудожественно; и называется он: “Кукиш с маслом”» (С. 90–91 наст. изд.).

Белый зачастую совмещает в связных репликах персонажей обрывки разговоров из разных эпизодов романа. Смена контекста порой приводит в пьесе к едва уловимым переменам в смысловом содержании этих «заимствованных» диалогов. Например, в шестой главе Николай Аполлонович описывает Дудкину странные ощущения, которые он испытывал, заводя часовой механизм бомбы. В пьесе Николай Аполлонович рассказывает об этом Лихутиным (в девятой картине, когда Дудкин уже исчез из поля зрения автора). Заставляя Николая Аполлоновича делиться своими сокровенными переживаниями с этой ординарной и даже комичной парой, Белый выявляет реальную картину умственного расстройства Николая Аполлоновича, приводящего его к безумию в финале драмы.

Иногда Белый идет еще дальше, вкладывая реплики того или иного героя романа в уста другого персонажа пьесы. Например, восклицания Софьи Петровны, приходящей в ужас при виде следов покушения на самоубийство мужа, в пьесе произносятся в конце четвер-

---

³³ Андрей Белый. Петербург. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 38 («Литературные памятники»).

той картины двумя офицерами (по логике действия пьесы, Софья Петровна в это время находится на балу). Часто возникает впечатление, что Белый по ходу работы над инсценировкой стремился как можно меньше дописывать, сочинять новое, и пытался ограничиться исходным диалогическим материалом романа. Более того, и собственно повествовательный текст «Петербурга», излагаемый «от автора», то и дело вводится в прямую речь персонажей или воспроизводится в форме высказываний, звучащих за сценой. Однако «дописывать» роман Белому все же пришлось, в особенности в тех ключевых сценах драмы, которые радикальным образом отличаются от первоисточника. Малоприятное объяснение между отцом и сыном после бала, когда вскрывается пакет, в котором таится «кукиш с маслом», – это самый пространный новый диалог, написанный для пьесы.

Форсированная метафорическая стилистика романа прямому переводу в формы театрального представления не поддавалась и нуждалась в каких-то аналогах, воплотимых на языке драмы. Белый пытался хотя бы отчасти компенсировать неизбежные в этом плане потери за счет интенсивного использования речевых неологизмов и слов, оставшихся за пределами нормативного литературного языка, диалектизмов, устарелых и малоизвестных выражений. Приходится признать, что «живой» и якобы повседневный язык, использованный Белым, породил в результате самые «неестественные» фрагменты диалога. Из воспоминаний второй жены Белого, Клавдии Николаевны Бугаевой, мы знаем, что Белый активно использовал «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и постоянно его читал³⁴.

---

³⁴ См.: *Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл. и коммент. Джона Малмстада. Подгот. текста Е. М. Варенцовой и Джона Малмстада. СПб., 2001. С. 168.

При работе над «Петербургом»-драмой Белый эксплуатировал этот словарь на всех уровнях текста, применительно ко всем героям, вне зависимости от их происхождения и положения. Слова и выражения из Даля составляют самую яркую отличительную лексическую черту в эпизодах, где участвуют простолюдины (уличные сцены, сцены в пивной, речь слуг у Аблеуховых). Но и речь Анны Петровны Аблеуховой не свободна от диалектизмов. Необычное прозвище, которое она дала сыну Николаю («Кука»), Белый наверняка выбрал по ассоциации с одним из ключевых элементов сюжета: в гнезде слова «Кука» (кулак) у Даля значится и «кукиш», с рядом примеров словоупотребления³⁵.

Часто Белый не ограничивается отдельными словами или пословицами и вводит в диалог целые фразы из Даля. Так, в начале четвертой картины Сергей Сергеевич говорит Марфушке: «Нет, что там ни говорите, а канарейка, поющая полным голосом, рóссыпью, дудкою, колокольчиком – знаете <...>» (С. 131 наст. изд.). У Даля в статье «Канарейка» дается такой пример: «Канарейки, поющие полным голосом, россыпью, дудкою, овсянкой и колокольчиком»³⁶. Даже речь Аполлона Аполлоновича порой строится на заимствованиях из Даля. Во второй картине он говорит: «Подайте прошение по форме в законами установленном порядке». Даль определяет «форму» как «установленный порядок» и приводит в пример фразу «*Подать прошение по форме, на гербовой бумаге известной цены, в установленных законом выражениях*»³⁷. Когда чиновник отвечает: «...но у него формуляр», – а Аполлон Аполлонович перебивает его: «Что? Нечист?» (С. 94 наст. изд.), – слова

³⁵ См.: *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 213.

³⁶ Там же. С. 84.

³⁷ Там же. Т. 4. С. 537.

сенатора опять повторяют пример Даля к слову «формуляр»: «У него формуляр нечист»³⁸. Пожалуй, самый яркий пример прямого текстуального заимствования из Даля содержится в шестой картине пьесы:

Второй охранник. Писали писаки — читали собаки. <...>

Писарь. Пп... писано-переписано...

Прыщавый охранник. Писарь, пиши мыслете ногами.

Писарь (*дрожащей рукой пишет по воздуху*). Пп... пп... писано...

Компанион писаря (*с достоинством*). Этого писаря теперь не уймешь... Этот писарь настрочит просьбу, какую хочешь.

Голос: «Строчит в два пера...»

Писарь. Строчу, как хочу.

Голос (*презрительно*): «Писарчишко...»

Компанион писаря (*обиженный за писаря, усаживая последнего*). Не говорите; есть же цветущее состоянье писемьян.

Писарь (*грозит рюмке*). Настрочу: ябед!

(С. 196–197 наст. изд.).

Выделенные отрывки текста практически без изменений взяты из словаря Даля (только у Даля дважды «писака» там, где у Белого «писарь») из статей-гнезд «Писать» и «Строка»³⁹. Даже не до конца понимая точный смысл этих идиом (в основном — синонимов, означающих состояние опьянения), можно оценить игру слов и звуковой ряд, построенный Белым⁴⁰.

³⁸ Даль Вл. Указ. соч. С. 538.

³⁹ См.: Там же. Т. 3. С. 112–114; Т. 4. С. 342.

⁴⁰ Творческое использование словаря Даля характерно и для романов «Москва» и «Маски»: Белый вынашивал замысел первого из них, работая над пьесой. Таким образом, пьеса стала своеобразным переходным этапом между стилем «Петербурга» (присутствующим в обширных отрывках, вошедших в текст инсценировки) и стилем романов Белого 1920-х гг.

Белый переделывал в диалоги также и повествовательные фрагменты – в частности, включающие элементы несобственно прямой речи. Например, в эпизоде из восьмой главы романа слуги припоминают обстоятельства отъезда из дома хозяйки с итальянским учителем пения, случившегося года за два до начала действия:

«Впрочем, был тут лакей <...> этот – помнил, что́ помнил: помнил, какими манерами совершала барыня свой заграничный отъезд – без всякого предупрежденья прислуги <...> накануне ж отъезда – запиралась от барина; дня же два до отбытия все сидел у нее *этот самый, с усами*: черноглазый их посетитель – как его? Миндалини (звали его Манталини), который певал у них нерусские какие-то песни: “Тра-ла-ла... Тра-ла-ла...” И на чай не давал»⁴¹.

А вот как этот эпизод преобразуется в третьей картине пьесы:

Лакей (с интересом). А помнишь?

<...> лакей и мальчик выходят в залу <...>

Мальчик. Так – пискляк, а с усищами; барыня сядет, ему кампанировать; он – глазищи закатывать: «Тралалá – тралалá...». А на чай не давал.

<...>

Мальчик <...>. И такими манерами из дому побежала, с аркистом своим.

(С. 109 наст. изд.)

Точно так же Белый пытался обойтись и с многочисленными замечаниями повествователя – неназванного, но одного из главных персонажей романа. Многие детали авторского описания Аполлона Аполлоновича, равно как и размышления сенатора из первой главы романа, транслируются через беседу чиновников на квартире у Лихутиных в первой картине пьесы. Комическое описание восприятия Аполлоном Аполлоно-

⁴¹ Андрей Белый. Петербург. С. 399–400.

вичем пейзажа Белый перенес в финал пьесы, не слишком убедительно вложив его в уста Анны Петровны. В некоторых случаях прием этот дал удовлетворительные драматургические результаты. Однако в ряде мест Белому пришлось ввести «голос за сценой» (в частности, в процессе обработки текста «Пролога» для первой и второй картин пьесы): эту чисто формальную уступку сценической необходимости нельзя рассматривать как полноценное драматургическое решение проблемы.

По-видимому, Белый с самого начала понимал, что важнейший «герой» романа – город Петербург – никоим образом инсценировке не поддастся. Именно это он имел в виду, когда писал Иванову-Разумнику, что «в романе больше *фона* от “мистического Петербурга”, в “драме” – реальнее прочерчены характеры»⁴². Однако он знал, как тесно город связан не только с мирозерцанием, выраженным в романе (Петербург, этот самый «умышленный» город), но и с центральными для романа темами возмездия и истории. Не зря же в подзаголовке пьесы стоит: «Историческая драма». Чтобы хоть как-то намекнуть на это измерение, Белый еще раз прибегнул к «голосу за сценой» – заставил говорить кариатиды, а реплики Петра Первого, несколько раз появляющегося в сцене в трактире из пятой главы романа, довольно странным образом вложил в уста пьянице в шестой картине пьесы.

Перед Белым стояла и еще одна проблема: что делать с многочисленными фрагментами романа, в которых объясняются мотивировки тех или иных действий и вводятся важные элементы сюжета (в частности, конфликт между отцом и сыном, хронологически предше-

---

⁴² Письмо от 17 июля 1924 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 295.

ствующий действию романа), а также передающими «поток сознания». Кое-где поток сознания конструктивно использован в инсценировке – например, во второй картине, когда Аполлон Аполлонович говорит о том, что его ждет после того, как он уйдет в отставку, своему старому другу графу Лейдену (придуманному специально для этого эпизода). Их беседа рождает определенное сочувствие к Аполлону Аполлоновичу в самом начале пьесы, в отличие от романа, где он предается тем же размышлениям только в седьмой главе после бала. Однако Белый почти без остатка разрушает возникшее сочувствие к сенатору в последней сцене пьесы, когда он «задирает» жену, говоря о дурной наследственности, передавшейся от нее Николаю (в романе эти его размышления даны в предпоследней, седьмой главе). В романе ничего подобного нет: там финал целиком выдержан в атмосфере вновь обретенного семейного благополучия.

Еще один любопытный пример трансформации мыслей романного персонажа в драматургические реплики содержит сцена бала. После того как «Лысый сенатор» указывает на танцующих, Аполлон Аполлонович замечает: «Впрочем я не люблю <...> эти... так сказать... конвульсии ног... Каждый пляшущий – шут гороховый: допусти эти пляски, не дай им границы и меры – появятся пляски... Печальная, знаешь ли-тили, мера предотвращения... государственного преступления» (С. 159–160 наст. изд.).

Начало этого монолога вполне осмысленно, однако, не зная романа, понять последние слова сенатора и воспринять последовательность его ассоциаций невозможно. В романе рассказчик описывает, что именно видит Аполлон Аполлонович и что он думает при виде танцующих: «...неприятнейший объект созерцанья:

конвульсии танцующих ног и кроваво-красные неприятно шуршащие складки арлекинских нарядов; эти красные тряпки он видел когда-то: да, на площади перед Казанским собором; там эти красные тряпки именовались знаменами. <...> конвульсии танцующих ног вызвали в его представлении одну печальную (неизбежно, впрочем) меру для предотвращения государственных преступлений. <...> Пляски красных паяцев для него обернулись в иные, кровавые пляски; пляски эти, как, впрочем, и всё, начинались на улице; пляски эти, как всё, далее продолжались под перекладиной двух небезызвестных столбов. Аполлон Аполлонович думал: допусти только здесь эти с виду невинные пляски, уж, конечно, продолжатся эти пляски на улице; и окончатся пляски, конечно, — там, там»⁴³.

В романе совершенно очевидно, что Аполлон Аполлонович думает о смертной казни для революционеров, в пьесе это остается неразъясненным.

Серьезные трудности, с которыми сталкивался Белый, порождались специфическим характером исходного текста. В романе многие ключевые сцены, формирующие его сюжет, либо воплощены посредством снов и видений, либо протекают лишь в сознании героев, не реализуясь на уровне речи. Диалоги в романе скорее скрывают, нежели выявляют характеры и мотивы поведения персонажей. Героев «Петербурга» роднит страх перед самой мыслью о коммуникации; этот страх вынуждает их маскироваться с помощью уклончивых, формальных или лживых фраз и утаивать то, что в действительности их волнует. Высказывания персонажей превращены в своего рода ритуальный словообмен: выдержанность стиля заменяет отсутствие содержания (характерна, например, тщательно соблюдаемая веж-

⁴³ *Андрей Белый. Петербург. С. 177.*

ливость в беседах отца с сыном). Невысказанные мысли, передаваемые в мастерски выполненном потоке сознания, составляют своеобразный непрерывный контрапункт к словесным маскам персонажей. В этот контрапункт вливаются комментарии рассказчика по поводу героев и их речей; иногда эти комментарии и внутренние монологи окрашиваются в иронические тона. Таким образом, читатель постоянно погружен в течение «невыразимых» мыслей, которые мучают героев. Еще глубже скрыто «немыслимое» – тайные страхи и переживания, вытесненные в сферу подсознательного и вырывающиеся оттуда в виде бреда или кошмаров, которые в романе играют очень важную роль для прояснения поступков героев и их мотивов.

Что было делать с этими невыразимыми мыслями и с видениями, которые Белый в 1913 году описывал как «мысленные формы, так сказать, недоплывшие до порога сознания»?⁴⁴ Он не пошел по пути наименьшего сопротивления – его герои не стали самозабвенно произносить вслух бесконечные внутренние монологи. В то же время привычка героев Белого что-то бормотать вслух легко переносилась на сцену, часто вызывая яркий комический эффект. Наибольшую трудность представляло драматургическое оформление центрального в романе конфликта между отцом и сыном. Белый попытался «материализовать» мысли Николая об убийстве отца в шесть черных домино, которые появляются на балу и произносят то, что вытеснено из его сознания и что в романе в конце концов всплывает у него в мозгу. Когда в пьесе эти домино появляются в финале в доме Аبلеховых, они выступают как предвестие грядущего безумия Николая. Но

---

⁴⁴ Письмо к Иванову-Разумнику от 12/25 декабря 1913 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 35.

глубинные пружины этого конфликта остаются в ней невыявленными.

Инсценируя свой символистский роман, Белый создал пьесу, которая во многих аспектах напоминает модернистский театр с его глобальным смещением акцентов с прямого на косвенное, с демонстрируемого на подразумеваемое. Несмотря на многочисленные «паузы» и «молчания», результат менее всего напоминает русскую символистскую драму, какой она представлена в творчестве А. Блока или Ф. Сологуба. Гораздо более существенно сходство с тем театральным направлением, которое возникло как реакция одновременно и на натурализм, и на символизм: экспрессионизм. Как это ни странно, чаще всего такое сходство обнаруживается, когда Белый начинает послушно следовать за текстом романа. Полная восклицаний речь героев (в особенности в ресторанных сценах) и некоторые пространственные высказывания вызывают непосредственные ассоциации с поэтикой экспрессионизма. Насколько нам известно, Белый не проявлял заметного интереса к экспрессионистскому театру и, видимо, даже не знал его, — несмотря на то, что прожил в Берлине два года. В этом свете интересно было бы уточнить, насколько хорошо Белый был знаком с драматургией Франка Ведекинда, которого экспрессионисты считали своим предтечей⁴⁵. В пьесе Белого немало черт, напоминающих драмы этого немецкого автора. «Заостренный реализм» Ведекинда, выразившийся в гротескно-карикатурных персонажах и положениях, его пристрастие к материализации внутреннего мира героев (сравнимой

---

⁴⁵ Дополнительным стимулом для пробуждения интереса к драматургии Ведекинда могло послужить Белому его беглое знакомство с писателем, состоявшееся в Мюнхене осенью 1906 г. и позднее описанное в отдельной мемуарной главке. См.: *Андрей Белый. Между двух революций*. М., 1990. С. 121–125.

с упоминавшейся сценой в финале у Белого, когда в дом Аبلеуховых вторгаются шесть черных домино, воплощающие мысли Николая об отцеубийстве), введение элементов сна, в которых фантастическое служит гротескным аккомпанементом происходящему, – всему этому можно найти параллели в пьесе Белого. Однако эти отдельные черты сходства, по-видимому, являются лишь совпадением, а не результатом влияния: в целом пьеса Белого, как и роман, по которому она сделана, не имеют аналогий ни в русской, ни в западной литературе.

Многочисленные трудности, связанные с инсценировкой романа, привели к тому, что в пьесе стали доминировать элементы гротеска, а не «реально прочерченные характеры», как поначалу рассчитывал Белый. Он сам признал это в письме к Чехову, написанном 14–15 ноября 1925 г., после премьеры пьесы: «...мне мечталось вложить сверхчеловеческие отношения в отношения людские; душа порывалась к более абстрактному представлению “мистерии”, а рамки романа и романа бытового, отражающего 905 год, не позволяли перепрыгнуть через фабулу; оттого основной текст (включая и все ремарки автора) получился гротеском: порыв к чаемым формам не мог не изломаться в этом направлении; и срывы “ожесточили” проведение темы; “сверхчеловеческое” в иных местах неминуемо стало бы выглядеть в данных условиях сцены бесчеловечным; космическое – “хаотично-расплывчатым”; и перед зрителями стоял бы “урод” с редкими взлетами вверх и с явными падениями вниз»⁴⁶.

В том же письме Белый замечал: «Театральный автор я – робкий, неумелый». Сделать такой вывод его побудила изнурительная, длительная работа над сце-

⁴⁶ Встречи с прошлым. Вып. 4. С. 233.

ническим воплощением «Петербурга» в МХАТ 2-м (так стала называться руководимая М. Чеховым Первая студия с 13 августа 1924 г.).

* * *

У Белого, несмотря на его ранний интерес к театру, никогда прежде не было тесных профессиональных и личных связей с театральным миром; не было у него и опыта практической работы с театром. Неопытную руку новичка, взявшегося за инсценировку своего романа, выдают в первую очередь авторские ремарки, иногда почти буквально повторяющие повествовательный текст; многие из них содержат указания, которым трудно, а зачастую и вообще невозможно подыскать какие-либо зрительные эквиваленты. Когда, например, Белый сообщает, что Морковин «копошится над почками, точно трупный червяк» (С. 189 наст. изд.), приведенное сравнение способен по достоинству оценить только читатель, но никак не зритель театрального представления. Избыточность текста в этом плане, однако, не создавала дополнительных трудностей для постановки. Гораздо более серьезное препятствие заключалось в объеме рукописи. Белый написал пьесу, которая, по мнению Чехова и других членов труппы, потребовала бы для представления двух или трех вечеров. Автору было предложено сократить текст по меньшей мере наполовину. Кроме того, Чехов отметил эпизодическую структуру пьесы и предложил доработать ее ради достижения большего числа внезапных поворотов и впечатляющих сценических моментов.

Сравнение первого, пространного варианта пьесы с сокращенной версией показывает, что Белый подошел к поставленной задаче точно так же, как ранее в ходе переработки романа «Петербург» для берлинско-

го издания. Вместо того чтобы осмыслить новую общую концепцию пьесы в целом, он просто убрал отдельные сцены и сделал обширные сокращения в других сценах, не думая, по-видимому, о том, как эти сокращения скажутся на последовательности событий, мотивировках поступков и убедительности характеров.

18 сентября 1924 г., еще до начала авторской работы над сценической версией пьесы, на заседании режиссеров и правления МХАТ 2-го было принято решение включить в ближайшие планы театра постановку «Петербурга»⁴⁷. Спектакль был приурочен к юбилейной дате – 20-летию революции 1905 года. Первое сообщение в печати о готовящейся постановке появилось 7 октября 1924 г.: «В 2-м Художественном театре начались работы по постановке пьесы Андрея Белого “Петербург”»⁴⁸. Полгода спустя в той же «Вечерней Москве» эта информация была повторена почти дословно: «Сейчас во 2-м Художественном театре идут работы над пьесой Белого “Петербург”, которая пойдет первой новой постановкой в будущем сезоне»⁴⁹. Затягивание с подготовкой спектакля было обусловлено не только причинами творческого характера, и в их числе прежде всего усилиями по подготовке приемлемого для сценического воплощения текста драмы, но и внешними обстоятельствами. Главный репертуарный комитет вознамерился постановку запретить. Положение удалось спасти благодаря заступничеству А. В. Луначарского, народного комиссара просвещения, который направил 29 ноября 1924 г. письмо И. П. Трайнину, председателю Главреперткома при Наркомпросе РСФСР:

«Я прочел пьесу Белого, она действительно плоха.

---

⁴⁷ *Иванова М. С.* Летопись жизни и творчества М. А. Чехова // Чехов Михаил. Литературное наследие. Т. 2. С. 488.

⁴⁸ *Вечерняя Москва.* 1924. № 230, 7 октября. С. 3.

⁴⁹ *Вечерняя Москва.* 1925. № 76, 3 апреля. С. 3.

В общем и целом с оценкой вашей и оценкой ваших сотрудников я не могу не согласиться; тем не менее я не знаю, следует ли запрещать эту пьесу. Насколько я могу судить по некоторым частным разговорам с Белым, настроение его чрезвычайно благоприятное, толкающее его почти целиком на новые пути, насколько это для такого, мягко выражаясь, оригинального человека возможно. С другой стороны, в пьесе есть выигрышные режиссерские и актерские моменты, и, по видимому, театр крепко держится за эту инсценировку». Подчеркивая еще раз, что ему «не хотелось бы, чтобы эта пьеса была запрещена», Луначарский формулировал дополнительные аргументы, переводя проблему в сугубо политическую плоскость: «Возьмите того же Белого. Человек был за границей, эмиграция готова обласкать его, но с эмиграцией он расплевался и вернулся сюда. Он громко заявил, что, какая бы то ни была, революционная Россия милее ему, а теперь он почти пропадает с голоду, потому что какой бы рассказ или роман или пьесу он ни представил бы редакции, цензура как бы априори считает, что пускать его не следует. Это, по-моему, глубочайшее заблуждение. Белый принес бы гораздо больше пользы, чем вреда, заняв своеобразную, но в корне, в конце концов, дружескую к нам позицию и дав возможность производить критику этой позиции не в недрах цензорских кабинетов, а публично перед всеми»⁵⁰.

В результате Главрепертком разрешил приступить к репетициям при декретивных условиях: «в пьесу дол-

---

⁵⁰ Литературное наследство. Т. 82. А. В. Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970. С. 398 / Публикация Л. М. Хлебникова. Ср. сообщение в письме Белого к М. А. Чехову (17–18 ноября 1924 г.): «Анатолий Васильевич Луначарский передал мне экземпляр “Петербург”», указывая на то, что готов всемерно содействовать разрешению “Петербурга”» (Встречи с прошлым. Вып. 4. С. 228).

жно быть введено одно какое-нибудь здоровое революционное начало в противовес бюрократии и толсто-вствующим интеллигентам, которые “революцию не делают”»; при переработке ввести «массовые действия, символизирующие нарастающую революционность народных масс», и смягчить «все истерические моменты, тяжелым роком давящие на героев и намекающие на то, что происходит собственно не Революция, а какая-то сумасшедшая оргия». Указывалось, что «настоящий текст считается предварительным и не утвержденным ГРК. Все же театру разрешается приступить к занятиям с тем, чтобы в ходе работы не позже 2¹/₂ месяцев с настоящего дня представлен был окончательный текст и постановочный план режиссуры»⁵¹. Угроза запрета спектакля висела Дамокловым мечом в течение всего времени, затраченного на постановку. 8 декабря 1924 г. Белый сообщил Иванову-Разумнику: «...ряд неприятностей с “реперткомом” в связи с постановкой “Петербурга” (репертком требует 1) чтобы “сенатор” был изображен Чеховым “антипатично” и чтобы “положительный революционер”, мною введенный в драму, был бы мною “художественнее” развит и чтобы не “положительные” революционеры были бы названы эс-эрами; я – категорически отказываюсь); Чехов и 1-ая студия идут на то, чтобы пьеса в данном тексте репетировалась (Чехов готов идти на скандал снятия с репертуара перед представлением)»⁵². Однако необходимость считаться с требованиями большевистской цензуры и попытки противостоять им оказались не единственным бременем, свалившимся на плечи автора «исторической драмы» «Петербург».

---

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 1990. Оп. 2. Ед. хр. 76. Отзыв цитируется в кн.: *Николеску Татьяна. Андрей Белый и театр. С. 108–109.*

⁵² Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 305.

Если бы у Белого был опыт повседневной работы с театральными постановками, он бы знал, какие превратности подстерегают авторский текст в коллективном сотворении театрального спектакля. Но, вероятно, даже самый искушенный драматург не смог бы предвидеть того, что произошло, когда театр получил новую, сокращенную редакцию драмы. У Чехова, которому Белый предназначал роль Аполлона Аполлоновича, возникли новые предложения относительно переделок. Переделок требовали и Иван Николаевич Берсенев, игравший Николая Аполлоновича, и Софья Владимировна Гиацинтова, выступавшая в роли Софьи Петровны. Белый проводил долгие часы в беседах с каждым из этих актеров и со всей актерской труппой. Вдобавок, ему пришлось работать не с одним, а с тремя постановщиками; это были Серафима Германовна Бирман, Владимир Николаевич Татаринов и Александр Иванович Чебан. У каждого из них были собственные идеи, предполагавшие переработку текста (при том, что негласное общее руководство постановкой осуществлял Чехов)⁵³. Сначала Белый верил в плодотворность такого сотрудничества. В начале марта 1925 г. он писал Иванову-Разумнику:

«Во «МХАТе» (2-ом Худож<ественном> Театре) усиленно репетируют «Петербург», который я все ретуширую, ретуширую; и, кажется, который доретушировал до неузнаваемости <...> репетиции пока *sui*

⁵³ Ср. свидетельство С. Г. Бирман: «Я участвовала в режиссуре этого спектакля вместе с А. И. Чебаном и В. Н. Татаринным; вернее, мы были помощниками постановщика – Михаила Чехова» (*Бирман Серафима. Путь актрисы. М., 1959. С. 181*). Другой участник постановки, В. А. Громов (исполнитель роли Морковина), писал о Чехове: «В данном случае он не был режиссером <...>, но душой всей работы являлся, несомненно, он» (*Громов В. Михаил Чехов. С. 137*). «...Конечно, сквозь 3-х режиссеров режиссирует 3-ипостасный Чехов», – отмечал Белый в письме к Иванову-Разумнику от 27 сентября 1925 г. (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 333).

generis: это скорей *медитация* над текстом, перманентный семинарий и выращивание из него стиля постановки; меня еще не пускают на репетиции, ибо это какие-то “*заумные*” действия, а не репетиции в собственном смысле: например – молоточками выстукивают ритм; репетиции в собственном смысле по Чехову – последнее дело: самое легкое; все дело – в пронизании главных действующих лиц ритмами целого. “Петербург” обещает многое: как и при постановке “*Гамлета*”, – идут либо на “*провал*”, либо на “*очень что-то*”. В режиссерах я уверен (Чебан, Бирман, Татаринов); все люди с внутр<енним> устремлением; в Чехове более чем уверен. Первое его “*дело*” постановочное (очень серьезное) выразилось в том, что он начертил схему с соотношением светлых и темных импульсов; и расстановку в них действующих лиц. Сначала я много говорил, но не о постановке, а о вовсе другом: о планах, карме, пороге и т. д., а уже *другие* транслируют это в идею постановки. Все время идет какое-то воистину коллективное общение между автором, режиссером и главными действ<ующими> лицами»⁵⁴.

Но по мере того, как эти «медитации над текстом» (явно в антропософском духе) затягивались, Белый все более убеждался в том, что теряет художественный контроль над собственным сочинением. Ощущение разочарования и неудовлетворенности нарастало

---

⁵⁴ Там же. С. 319–320. Ср. воспоминания актера МХАТ 2-го А. Н. Глумова: «На репетициях “Петербурга” Чехов говорил об “образе” роли, то есть о “видении” образа, которое смутно мелькает в сознании при первом ознакомлении с пьесой и ролью. Вся дальнейшая работа проистекает из стремления актера приблизиться к этому образу, поймать его, выявить контуры, конкретизировать разрозненные черты характера, внешности и воплотить их на сцене. Таким образом, актер не играет образ как обычно, а имитирует его. Образ, как он говорил, сам играет в его воображении, а он, актер, остается в стороне от него, наблюдая за ним» (Глузов А. Нестертые строки. М., 1977. С. 139).

с каждым очередным вмешательством в текст. К осени 1925 г. Белый составил указания режиссуре МХАТ-2 при постановке «Петербурга»⁵⁵. Приведем его записку полностью.

ДЛЯ РЕЖИССУРЫ

Прошу следовать схеме декорации; а также в случае сокращения текста не сокращать его без автора; для автора текст есть такая же постановка слов, фраз и их чередований, как для режиссуры постановка пьесы; кое-что уже, механически сокращенное, или замененное вставками, хотя бы и вставками автора, ослабило *литературный стиль* 2-ой половины драмы; а драма, будучи одной из форм словесности, так же зависит от литературной стороны, как от сценической; автор, понимая все значение исполнения и требований сцены, однако, не может для сцены пренебрегать литературным стилем; он готов координировать текст с требованиями сцены, но при условии соблюдения основного стиля; стиль фразы иногда итог долгой работы над ней; заменить одну фразу другой не всегда можно сразу; есть фразы, над которыми сидишь месяцами; автор считает, что кое-какие замены, им сделанные наспех, размагнитили текст, лишили его силы и энергии выражения ради сценического жеста; например, — странички 7-ой картины, наспех вставленные по желанию артистов, быть может, создают более благоприятный сценический момент; но в стиле Андрея Белого это — «заплата» из Щепкиной-Куперник⁵⁶; если бы у автора был летом постановочный текст, он за лето сумел бы найти слова для этого места; но — текста не было; и указанное место в литературном отношении — «пустое».

---

⁵⁵ РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 28. Этот же текст сохранился в копии рукой Е. Н. Кезельман с припиской К. Н. Бугаевой: «Одно из письменных указаний режиссуры МХАТ 2» (РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 63).

⁵⁶ Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952) — поэтесса, драматург, прозаик, переводчица. С ее именем Белый связывает представление о банальных и общедоступных стилевых приемах, лишенных индивидуального своеобразия и творческого поиска. Ср.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 39–40, 45–46.

Еще более обанализируется текст при неудачных сокращениях; например: без автора в картине приезда Анны Петровны чья-то рука зачеркнула в словах: «Мальчик, мой милый *ушанчик*» слово «*ушанчик*». Реплика Аблеухова (вычеркнутая): «*У нас, Аблеуховых, выражен хрящевидный раструб ушного прохода*» есть указание на наследственность, оправдывающее жуть нарочно сделанного безвкусыя выражения; тут есть стиль «*жути*»; слова Аблеухова – вычеркнуты; на этом основании вычеркнуто словов «*ушанчик*»; остается пустая фраза «*Мальчик, мой милый*»; она – не стиль «*Белого*», а стиль «*Щепкиной-Куперник*». Если бы предоставили в этом месте сократить автору, он сумел бы, сокращая, изменить текст. Указанный пример сокращения – мелочь; но из суммы таких мелочей создается то «*чуть-чуть*» в литературном стиле, которое отделяет наполненное содержанием место от «*звука пустого*». Кухню этого «*чуть-чуть*» надо предоставить автору; ибо он спец стиля так же, как режиссер – «*спец*» в постановке.

Автор.

Несмотря на этот меморандум Белого, неавторизованные исправления и переделки текста продолжались. По словам А. Глумова, «все, что задерживало развитие действия, тормозило его или просто-напросто плохо исполнялось актерами, – все это безжалостно вымарывалось. <...> Подобный обычай в труппе называли иронически “вивисекция”»⁵⁷. В результате деятельности «вивисекторов» возникли – если верить Белому – восемь разных вариантов сценического текста «Петербурга»⁵⁸. О радикальных установках театра в данном случае красноречиво свидетельствуют печатные высказывания И. Н. Берсенева: «Первой постановкой сезона будет “*Петербург*” Андрея Белого. Хотя пьеса и сделана самим автором, но видоизменяется она и создается заново театром, режиссерами совместно с исполнителями и авто-

⁵⁷ Глузов А. Нестертые строки. С. 144.

⁵⁸ См. письмо Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 27 сентября 1925 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 332.

ром. Отчасти текст Белого служит только материалом для спектакля <...> Спектакль примет ту форму, которую ему даст театр, совместно с автором»⁵⁹. Сохранить в неприкосновенности свое произведение Белый надеялся, напечатав драму в первоначальной, пространной авторской редакции. Договор на публикацию пьесы – под заглавием «Гибель сенатора» – был заключен им с Ленинградским отделением Госиздата 4 декабря 1924 г., рукопись представлена в издательство 17 февраля 1925 г.⁶⁰, однако издание не состоялось. В архиве Госиздата сохранилось заявление С. Г. Каплун, датированное 21 ноября 1925 г.: «По поручению Андрея Белого (Б. Н. Бугаева) прошу выдать мне находящуюся у Вас рукопись пьесы “Петербург”»⁶¹.

С сентября 1925 г. Белый стал регулярно бывать на репетициях «Петербурга», за три месяца в его ретроспективных регистрационных записях зафиксировано 10 таких посещений⁶². М. О. Кнебель отмечает, что рабочие беседы автора инсценировки с труппой «протекали в атмосфере крайней накаленности»⁶³. С. Г. Бирман вспоминает: «Казалось, что автор пьесы пришел в

⁵⁹ «МХАТ 2 в сезоне 1925–1926» // Жизнь искусства. 1925. № 39, 29 сентября. С. 21. Ср. изложение беседы с С. Г. Бирман, В. Н. Татариновым и А. И. Чебаном: «Пьеса “Петербург” была поставлена коллективно. Над ней произведена большая работа, длившаяся свыше года. Работа по приданию “Петербургу” динамичности, театральности шла при непосредственном участии самого автора, проявившего полную лояльность ко внесленным изменениям, а иногда даже к полному уничтожению целых сцен» («Как ставили “Петербург” (Из Москвы по телефону)» // Красная газета. Веч. вып. 1925. № 277, 16 ноября. С. 4).

⁶⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 49 об., 78; Ед. хр. 542. Л. 432.

⁶¹ Там же. Ед. хр. 535. Л. 109. Ср. запись Белого в составленном им «Списке произведений»: «“Гибель Сенатора”. Драма. (Переработанный в драму роман “Петербург”). Рукопись в “Ленгизе” с 1924 года» (РГБ. Ф. 198. Карт. 6. Ед. хр. 5. Л. 15).

⁶² Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л. 122.

⁶³ Кнебель М. Вся жизнь. М., 1967. С. 124.

сегодняшний день из очень далекого времени, это выражалось даже в манере одеваться. Он не носил нормальных современных галстуков, а был повязан не то широкой черной лентой, не то узким черным шарфом, причем большой этот бант непрерывно сбивался у него на сторону. Весь он как бы подвергался порывам сильного ветра – трепетали его волосы, трепетал черный бант. Так вот помню его беседу с нами <...>. Бежала речь Белого о ритмах, речь взволнованная, быстрая... И вдруг А. И. Чебан (один из режиссеров будущего спектакля) простер к говорящему руку: “Не так быстро! Спокойней! Дайте сообразить!” И Белый осекся. И не смог продолжать – ведь он мысленно обращался к нам как к людям его мировоззрения. Он не думал, что витиеватость, изыски его мышления чужды нам»⁶⁴. О том, что общение Белого с актерами и режиссерами МХАТ 2-го приобретало порой конфликтный характер, подспудный или наглядно проявленный, можно судить и по мемуарам Гиацинтовой: «Белый казался странным человеком, хоть был знаком мне с юности. Споря, отстаивая что-то свое, вдруг в виде протеста садился на пол и, сердясь на всех, молча пил чай, вздрагивая от каждого глотка»⁶⁵.

В письме к Иванову-Разумнику от 27 сентября 1925 г. Белый суммировал предварительные итоги затеянного театрального предприятия: «За год предварительной работы на сокращенном тексте-скелете всюду заплаты от “удачнейших” до “неудачнейших”; и этот процесс, очевидно, будет продолжаться до самой постановки: странное Чехово-Белого-Гиацинтово-Чебано-Берсенево-Реперткомово и т. д. “детские” уже, конечно, не имеет отношения к основному тексту, а продукт в бук-

⁶⁴ Бирман Серафима. Путь актрисы. С. 182–183.

⁶⁵ Гиацинтова Софья. С памятью наедине. М., 1985. С. 245.

вальном смысле слова коллективной работы; <...> я давно уже, махнув рукой на основной текст, бросился вместе со всеми артистами, художниками, режиссерами, музыкантом и реперткомом давить, мять, перекраивать это странное, всеобщее детище, совершенно забыв, что оно мое». При этом Белый не терял надежды на успешное завершение этих мытарств, отдавая должное прежде всего мастерству Чехова как актера и вдохновителя постановки: «...все время писал текст драмы, исходя из бесед с Чеховым; Чехов все же такой талантливый человек во всех отношениях, что, веря в него, я даже не боялся стирания в тексте себя самого; и верю, что *целое* – в ритмах, в умелом направлении *стиля* игры вынесет Чехов. Роли таковы: Сенатор – Чехов (великолепно), Соф<ья> Петр<овна> – Гиацинтова (велик<олепно>); Липпанченко – Сушкевич (великолепно); Берсенов – Ник<олай> Апол<лонович> – надеюсь, прилично»⁶⁶.

В архиве М. Чехова сохранился режиссерский экземпляр «Петербурга» – машинописный текст с густой правкой Андрея Белого⁶⁷. Эта правка в основном направлена к сокращению текста – отдельных реплик, диалогов и целых фрагментов, нанесена и правка стилового характера, имеются также рукописные вставки. На ряде листов внесены исправления и дополнения рукой М. А. Чехова. Драма в этом сценическом варианте содержит 11 картин: 1 – У Лихутиных; 2 – Улица; 3 – Кабинет А. А. Аблеухова (в Учреждении); 4 – Разрез дома Аблеуховых; 5 – У Лихутиных; 6 – Бал у Цукатовых; 7 – Лестница дома Лихутиных и разрез дома Лихутиных; 8 – Кабачок; 9 – Дом Аблеуховых; 10 – Улица; 11 – Дом Аблеуховых. Еще один режиссерский экземпляр «Петербурга» имеется в архиве

⁶⁶ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 332–333.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 2316. Оп. 1. Ед. хр. 2. 196 лл.

С. Г. Бирман⁶⁸. Это – машинописный текст, не имеющий авторской правки, но в основном отражающий ту редакцию текста, которая возникла в результате работы над экземпляром из архива Чехова; в нем имеются дополнительные сокращения, а также замечания постановочного характера. Наконец, в архиве Андрея Белого хранится машинописный текст с авторской правкой: «Петербург. Пьеса Андрея Белого в 11-ти картинах»⁶⁹; на первом листе – пояснительные записи Белого: «Оригинал не продается», «уникум», «*В печати не была*», «96 страниц», «Окончательная редакция драмы “Петербург”». Была поставлена в “МХАТе Втором” в 1925 г.». Именно эта версия текста, по всей видимости, наиболее близко соотносится со спектаклем, который увидели зрители. В режиссерском экземпляре М. А. Чехова имеется развернутый перечень действующих лиц с дополнительными пояснениями и аттестациями; приводим его, поскольку подобные характеристики персонажей в автографе исходной авторской редакции текста отсутствуют⁷⁰:

Действующие лица.

Апполон <так!> Апполонович Аблеухов	– Сенатор, кандидат на пост министра внутренних дел, управляющий ответственным правительствующим учреждением, 68 лет.
Николай Апполонович Аблеухов	– Сын сенатора, студент 25 лет.
Сергей Сергеевич Лихутин	– Офицер, дворянин (сын крупного помещика). Заведующий провиантами.
София Петровна Лихутина	– Его жена, 20 лет.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 2046. Оп. 1. Ед. хр. 1. 165 лл.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 20. 98 лл.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 2316. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2–3.

- Анна Петровна Аблеухова — Жена Сенатора, мать Николая Апполоновича — высокая дама, 44 года.
- Александр Иванович Дудкин — Революционер-террорист, 26 лет.
- «Неуловимый» (партийная кличка) — Деятель революции.
- Липпанченко — Видный провокатор, играющий крупнейшую роль в боевой организации одной из революционных партий, 44 лет.
- Морковин — Чиновник департамента полиции, работающий по делам политического розыска.
- Варвара Евграфовна Семеныч — Курсистка-революционерка.
- Вергефден — Камердинер Аблеухова — старик 67 лет.
- Граф Авен — Чиновник особых поручений при Аблеухове.
- Граф Лейден — Кавалергард.
- Господин с бачками — 70 лет, аристократ, вольнодумец, бывший придворный.
- Марфушка — Строгий, степенный чиновник.
- Первый лакей — Прислуга Лихутиных.
- Второй лакей — В Аблеуховском доме.
- Мальчик в лакейской форме — В доме Аблеуховых.
- Цукатов —
- Цукатова —
- Лысый сенатор —
- Профессор статистики —
- Земский деятель Коко —
- Редактор правой газеты (будущий зубр) —
- Аристократическая старуха —
- Старый генерал —
- Дама в вишневом —
- Дама в лиловом —
- } Участвующие в сцене бала.

Франт	-	}
Молодая дама	-	
3 Мегеры	-	
6 Черных домино	-	

Чиновники, барышни, молодежь и т. д.
Посетители рестораника, прохожие и пр.

22 октября 1925 г. в печати появилось сообщение о скорой премьере «Петербург»: «Канва пьесы дана Белым, разработана же она окончательно режиссурой театра, совместно с автором. <...> Всего в пьесе участвует 114 человек»⁷¹. Пьеса поставлена с музыкой В. А. Оранского, художниками спектакля были М. В. Либков и Б. А. Матрунин. 10 ноября состоялась генеральная репетиция, вызвавшая у автора однозначную реакцию: «провал; переживаю нечто ужасное; с 15 ноября до 15-го декабря нервно заболеваю»⁷².

* * *

«“Петербург” провалился», – так был озаглавлен один из первых отзывов на премьеру, состоявшуюся 14 ноября 1925 г.⁷³ «...Публика права: понять этот спектакль невозможно», – заявлял один из рецензентов, вполне освоивший генеральную советскую установку – выдавать собственные суждения за голос неких широких масс: «...вся постановка стоит под знаком безна-

⁷¹ *Вечерняя Москва*. 1925. № 242, 22 октября. С. 3. См. также: *Вестник работников искусств*. 1925. № 7 (29), 5 ноября. С. 30. Тогда же возникла нереализованная идея сделать на основе театральной постановки кинофильм: «МХАТ второй получил предложение поставить для кино “Петербург” Андрея Белого. Участвовать в съемке будут исключительно артисты МХАТ’а во главе с М. А. Чеховым <...>. Съемки будут происходить в Ленинграде во время гастролей театра, весной 1926 г.» («Кино. МХАТ на экране» // *Ленинградская правда*. 1925. № 264, 18 ноября. С. 8).

⁷² *Андрей Белый*. Ракурс к Дневнику. Л. 122–122 об.

⁷³ *Новая вечерняя газета*. 1925. № 203, 13 ноября. С. 1.

дежных усилий соединить несоединимое – Андрея Белого и здравый смысл. <...> Удивительно ловко пригнан театром темп и ритм спектакля – гибкий, исключительно непринужденно вмещающий и гротеск, и патетику. И все это – вотще!.. Потому что спектакль на политическую тему требует прежде всего четкого политического мышления»⁷⁴. Упрек в непонятности – один из часто повторяющихся в отзывах о постановке: «ряд нагроможденных сцен, только путающих зрителя»; «отдельные картины предсмертных судорог старого мира. Но и в этих картинах далеко не все понятно»⁷⁵. Другой упрек, не менее частый, – в неудачном приспособлении сюжета романа для сцены: «Упорно недоумеваешь, как Андрей Белый не почувствовал, что, механически перенеся диалоги романа на сцену, он развенчает лучшее свое произведение, низведет “Петербург” к эпизоду, даже анекдоту...»⁷⁶; «Драматургия для Белого – книга за семью печатями, методы драматургического письма полярно противоположны методам его работы <...> та переделка “Петербурга”, которую театр показал, – это в одинаковой степени издевательство и над Белым, и над зрителями. Над Белым, потому, что, оставив нерушимой его ритмическую прозу, театр заполняет ею вульгарно-мелодраматический сюжет, Белому не принадлежащий»⁷⁷. В. М. Волькенштейн, драматург и авторитетный теоретик драмы, задавался вопросом: «Как играть Белого? Что может сде-

---

⁷⁴ Блюм В. «Петербург» А. Белого (МХАТ Второй) // Известия. 1925. № 261, 15 ноября. С. 5.

⁷⁵ Филиппов В. А. «Петербург». Инсценировка романа А. Белого во 2 МХАТ'е // Красная звезда. 1925. № 264, 19 ноября. С. 4.

⁷⁶ Кузнецов Евг. «Петербург» (Московский Художественный театр) // Красная газета. Веч. вып. 1925. № 278, 17 ноября. С. 4.

⁷⁷ Левидов Мих. Простые истины («Петербург» во МХАТ'е) // Новый зритель. 1925. № 48. С. 12.

дать театр из этих многозначительных, но не сценических вздрагиваний, вещаний, полуприкосновений, киваний и содроганий? Диалог Белого тускло прозвучал со сцены; тяжеловатая фантастика постановки не передавала экстатичности Белого, его вихревой ритмики»⁷⁸. С. М. Городецкий не нашел ничего удивительного в том, что «автор не пожелал или не сумел принять законы сцены»: «По всем данным своего таланта Андрей Белый никак не драматург», – однако попенял театру за недостаточную решительность в обращении с исходным драматургическим материалом: «...нужно было оценить и переработать сюжет с точки зрения элементарной политграмотности»⁷⁹.

Несоответствие нормам «политграмотности» – еще одна линия критики спектакля, как чуждого современности и насаждающего неприемлемые для нее формы мировидения. «Петербург», по мнению одного из критиков, – «произведение ушибленного Революцией художественного сознания», и спектакль, соответственно, – «чуждый новой общественности»⁸⁰. Для другого критика «Петербург» – «кисейный спектакль»: «Как будто обрадовались люди, что миновали тяжелые времена и можно опять смотреть на мир сквозь кисейную занавеску, мечтать о “жене, облеченной в солнце” и уверять, что Россия – это “Прекрасная Дама”. <...> Бред? Нет – просто экзальтированная болтовня. Белый? Да. Но с красным концом, бросающим розовый отблеск на весь спектакль и делающим его похожим на бэзэ с розовым кремом. Актеры? Они талантливы. Но

---

⁷⁸ *Волькенштейн В.* Стиль 2 Московского Художественного театра // *Новый мир.* 1926. № 12. С. 170.

⁷⁹ *Городецкий Сергей.* «Петербург» (Роман и пьеса) // *Искусство грядущимся.* 1925. № 52. С. 5.

⁸⁰ *В. М.* «Петербург» А. Белого // *Новый зритель.* 1925. № 47. С. 5–6.

это злит еще больше»⁸¹. Талантливость спектакля признавал еще один критик, Яков Эйдельман, также указывавший на его чуждость «основному тону современности»: «...спектакль *разрушительно* действует на психику зрителя, и то, что художественный уровень его исключительно высок, еще больше усугубляет это разрушительное действие. <...> Это спектакль мучительный, болезненный, патологический, держащий зрителя в остром нервном напряжении, давящий своим безнадежным тоном, упадочными настроениями. Можно говорить о мистиках не мистически, можно изображать мир упадка и разрушения в тонах здорового реализма, МХАТ 2-й предпочел иные пути, сроднившись, очевидно, с туманами творчества Белого»⁸².

Нужно отметить, однако, что далеко не всё в печатных отзывах о постановке «Петербурга» было продиктовано нормами и требованиями советского идеологического официоза; примечательно, что отрицательные оценки спектакля равным образом звучали и в частных суждениях (так, Евг. Ланн, высоко оценивая игру Чехова, однозначно негативно отзывался об инсценировке в целом: «От романа – ничего. Белый не мог справиться с переделкой, причем ему усиленно помогали в этом неумении. Короче – переделка такова, что о спектакле нечего и говорить»⁸³). При этом многие обозреватели, сходящиеся во мнении о недостатках «сценария» постановки, признавали определенные достоинства самой постановки; показательно, что в их числе оказывались наиболее авторитетные,

---

⁸¹ Черноярв В. Бэзэ с розовым кремом // Там же. С. 6–7.

⁸² Эйдельман Як. Несвоевременный спектакль («Петербург» – МХАТ–2-й) // Комсомольская правда. 1925. № 155, 26 ноября. С. 4.

⁸³ Письмо к М. А. Волошину от 20 ноября 1925 г. // «...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. С. 75–76.

профессиональные театральные критики. Ю. В. Соболев заключал: «С высоким мастерством режиссуры и исполнения был осуществлен этот спектакль Вторым Художественным театром. <...> Сквозь тюлевые занавески была показана некоторая призрачность города, возникшего на болоте, и сквозь них был явлен силуэт Медного Всадника, грозного патрона Петербурга. Театр почувствовал и мистическую настроенность того нереального бала, на котором разыгрываются события с сыщиками и провокаторами <...>»⁸⁴. П. А. Марков определял «Петербург» как «спектакль противоречий»: полагая, что с «внешней формой спектакля», воссоздававшей специфически символистские приемы декоративности, «театр опоздал <...> на десять лет» («Тюли и вуали, обманчивый свет, сумрачные тени не вскрывали призрачности Петербурга»), критик признавал, что «отдельные моменты спектакля не могли не будоражить зрителя»⁸⁵. На поэта и критика М. П. Гальперина, чьи эстетические вкусы и предпочтения определились в 1900-е гг., «Петербург» на сцене произвел «неотразимое впечатление какой-то виртуозностью постановки»: «...звуковые эффекты <...> поразительны. Не могу обойти молчанием и эффекта стучащих копыт по петербургскому граниту <...> вы снова в водовороте призрачных фраз, полных загадки и мистической таинственности, – странно туманных, как вся пьеса, как маски героев этой потусторонней полухроники-полуфантазии. <...> Реальных лиц

---

⁸⁴ Соболев Ю. В. Театральная жизнь Москвы // Новый мир. 1926. № 3. С. 159.

⁸⁵ Марков П. А. О театре. В 4 т. М., 1976. Т. 3. С. 302–303. (Впервые: Правда. 1925, 21 ноября). Сходная оценка постановки – в обзорной статье того же автора «Театральный сезон 1925/26 года» (Марков П. А. О театре. Т. 3. С. 310–312. Впервые: Печать и революция. 1926. № 1).

в пьесе очень немного, – все остальные какие-то воображаемые, туманные, окутанные сонною горячечною грезой. В последнем, пожалуй, огромная художественная ценность. Если автор хотел показать нам тот старый, умерший Петербург – полный полусумасшедших людей, маниаков, дураков и преступников, – его цель достигнута <...>⁸⁶.

Едва ли не все критики, писавшие о «Петербургe» в МХАТ 2-м, сходились в высокой оценке главной удачи спектакля – роли сенатора Аблеухова в исполнении Михаила Чехова. Вера Инбер: «Чехов <...> дает потрясающий образ существа, от старости и страха распавшегося на составные части. *Человека нет.* <...> Походка Чехова, незабываемый рисунок спины, оттопыренные уши, заостренная голова, мешки под глазами, косноязычие его: п-патюшка, вместо батюшка и знаменитое: видишь-те-ли, от привычки всем говорить “ты”, все это с предельной силой являет нам, как *страшно разложился человеческий организм и как яростно горит империя*»⁸⁷. К. Фамарин: «В Аблеухове Чехов развернул картину потрясающего, – я не нахожу другого определения, – мастерства. <...> Он жив каждый отдельный момент, даже вне общего содержания, вне логики целого. Он не психологичен, а психодинамичен. <...> Если хотите, – Чехов оправдывает Аблеухова, он делает его каким-то мягко-зоологическим, придав ему черты детскости, и в конце концов, незлобивости <...> в блеске отдельных сценических моментов, отдельных кадров, в яркости химерического гротеска видишь только актера и сверкающую работу его. Совершенно незабываемое

---

⁸⁶ Гальперин М. Московские письма (От нашего корреспондента) // Бакинский рабочий. 1925. № 278, 4 декабря. С. 5.

⁸⁷ Инбер Вера. Революция в тумане // Новый зритель. 1925. № 47. С. 8.

мастерство»⁸⁸. Юрий Соболев: «Такого перевоплощения этот замечательный мастер еще никогда не достигал. Полное преобразование знакомого лица: страшная маска высохшего старичка, который вот-вот развалится, глядит на нас как бы невидящими, округленно-выпяченными глазами и жутко торчащими, как бы мохнатыми ушами. Голос старчески взвизгивающий, срывающийся, снижающийся до невнятного лепетания. И вместе с тем какое-то еще тлеющее, живое, глубоко-человеческое, трогательное выражение проступает на этом лице – зловещей маске. Тогда в старческом бормотании слышатся такие хорошие, добродушно-детские нотки! Такой жалкий и страшный, такой милый и такой зловещий старичок! А с каким изумительным блеском техники это сделано»⁸⁹. П. А. Марков: «Чехов <...> создает сложнейший образ своего Аблеухова. Как всегда, оправдывая героя, Чехов одновременно и обвиняет его. Он строит образ из сочетания автоматизма и внутренней силы, которая этим автоматизмом убита и подавлена. Трагедия чеховского Аблеухова – трагедия формализма и старческого отчаяния. <...> Автоматизм постепенно открывает опустошенное лицо одинокого старика»⁹⁰. В воспоминаниях участников чеховской труппы работа актера над ролью сенатора детально реконструирована: ей посвящены отдельная глава в упомянутой выше монографии В. А. Громова, а также специальная статья М. О. Кнебель, в подробностях описывающая особенности игры Чехова в спектакле⁹¹. Характерные детали

---

⁸⁸ *Фамарин К.* «Петербург» (МХАТ 2-ой) // Вечерняя Москва. 1925. № 260, 14 ноября. С. 3.

⁸⁹ *Соболев Юрий.* Театральная Москва (Письмо из Москвы) // Заря Востока. 1926. № 1072, 8 января. С. 5.

⁹⁰ *Марков П. А.* О театре. Т. 3. С. 311–312.

⁹¹ См.: *Кнебель М.* Одна роль Михаила Чехова // Театр. 1971. № 6. С. 94–102.

образа Аблеухова в воплощении Чехова запечатлены в мемуарах С. В. Гиацинтовой и А. Д. Дикого⁹².

Много внимания постановке «Петербурга» уделил ее изначальный верховный покровитель А. В. Луначарский. Развернутую рецензию на нее под заглавием «О “Петербурге” А. Белого во Втором Художественном театре» он опубликовал 21 ноября 1925 г. в вечернем выпуске «Красной газеты». В этом отзыве сконцентрированы, в общем и целом, все те претензии и похвалы, которые содержались в оценках других обозревателей: смутность и неясность действия («...непонятым пьеса переполнена. Отдельные эпизоды никак не сшиты с главным действием, и все вместе может привести прямо в отчаяние зрителя, который хотел бы проследить за интригой и вникнуть в смысл предлагаемого зрелища»); контраст между романом («крупнейшее художественное произведение») и его авторской инсценировкой; выразительность постановочных решений и декораций, а также прежде всего «гениальное изображение сенатора Аблеухова»: «Это полумеханическое, полубезьянье стариковство, облеченное в сановность, переполненное чудачеством, было дано с за-

---

⁹² Мемуарист, в частности, обращает внимание на один эпизод в сцене бала, в котором с блеском отобразилось театральное мастерство Чехова: «На первый план к суфлерской будке выходил снисходительно наблюдавший за молодежью старик вельможа Аблеухов. Долго устанавливался он в “достойную” позу, обозревая все происходившее вокруг. Наконец поза удалась вполне, но оставалась еще одна завершающая деталь — нужно было заложить руку за спину, на поясицу. Вот это последнее не удавалось никак. Я отчетливо помню, как Аблеухов терпеливо и методически забрасывал руку назад, а она все не удерживалась в нужной позиции и соскальзывала вниз, к бедрам. Лишь с большим трудом с помощью другой руки удавалось ее “укрепить” в надлежащем месте. Так во всем поведении этой импозантной развалины отчетливо проглядывал лик старой России, еще сохранявшей свою респектабельность, но уже не способной ни на что на свете, даже на действия, равные по значению этим смехотворным манипуляциям с рукой» (Дикий А. Повесть о театральной юности. М., 1957. С. 335–336). На ту же деталь обращает внимание А. Глумов в воспоминаниях «Нестертые строки» (С. 142–143).

конченностью совершенства. Пожалуй, самым удивительным здесь, как и во многих других образах Чехова, является сочетание театральности, доходящей почти до утрированности, с необыкновенно убедительной правдивостью»⁹³. Те же акценты расставлены еще в одной статье Луначарского о постановке («прекрасный искусный спектакль при сумбурной, непонятной и вряд ли кому нужной пьесе»⁹⁴), а также в его обзоре «Итоги драматического сезона 1925/26 г.», в котором, опять же, подчеркивалось, что «пьеса Белого гораздо слабее инсценированного в ней романа», однако «чудесная игра Чехова и бодрый конец обеспечили пьесе крайний успех»⁹⁵.

Таким образом, амплитуда оценок спектакля колебалась в широчайшем диапазоне – от «провала» до «крайнего успеха». Явный стилистический анахронизм постановки, воскрешавшей на свой лад, хотя и с новыми, дополнительными идеологическими специями, символистский эстетический канон и тем самым вступавшей в контрастное противоречие с тенденциями, уже доминировавшими к тому времени на советских театральных подмостках, порождал преобладание в отзывах об инсценировке романа Андрея Белого критических нот и корректирующих суждений. Сложившееся тогда в печати общее настороженно-негативное отношение к этой инсценировке, возможно, сказалось и на позднейших высказываниях о ней – в частности, на тех, которые принадлежат Серафиме Бирман: «Спектакль сошел с репертуара после того, как прошел всего лишь двенадцать раз. “Петербург” Андрея Бело-

---

⁹³ Луначарский А. В. Собр. соч. В 8 т. М., 1964. Т. 3. С. 279–282.

⁹⁴ Луначарский А. МХАТ II-й. «Петербург» // Искусство грудьящимся. 1925. № 52. С. 4–5.

⁹⁵ Луначарский А. В. О театре и драматургии: Избранные статьи в 2-х томах. М., 1958. Т. 1. С. 495–496. (Впервые: Известия. 1926, 20 июня).

го оказался исключительно не ко времени и не к месту. Его не сняли, а он *сошел* с репертуара, так как зрителей в Москве, которые были бы в нем заинтересованы, больше чем на двенадцать представлений не набралось»⁹⁶. Летопись жизни и творчества М. А. Чехова фиксирует, однако, не 12, а 38 представлений «Петербурга»; подавляющее большинство их – на протяжении всего 1926 года, а последнее – 18 января 1928 г.⁹⁷, в год ухода Чехова из МХАТ 2-го и его отъезда за границу. Внося эти количественные поправки, позволительно поставить под сомнение корректность умозаключений, основанных на заведомо неверных подсчетах.

* * *

Амплитуда в оценках сценического детища наблюдалась и у автора инсценировки. Восприняв постановку на генеральной репетиции как «провал», Белый попытался на премьере акцентировать свое внимание на выигрышных сторонах спектакля, после чего поделился впечатлениями с Чеховым (в письме к нему, сочиненном ночью с 14 на 15 ноября 1925 г.; хочется думать, что его содержание продиктовано не только соображениями этикета, – хотя последние, разумеется, в нем тоже присутствуют): «...позвольте начать эти слова с выражения горячей благодарности – Вам, всем режиссерам, Ивану Николаевичу и артистам за “Петербург”. Я лишь сегодня разглядел “Петербург” не как замысел автора, <...> а как в буквальном смысле слова “представление” <...>. Сложилось не то, чего я ждал; но сложилось *нечто* весьма и весьма меня заинтересовавшее и взволновавшее; <...>

⁹⁶ *Бирман Серафима*. Путь актрисы. С. 180–181.

⁹⁷ См.: *Чехов Михаил*. Литературное наследие. Т. 2. С. 495–503, 514, 516, 517.

и “шок” первой генеральной репетиции обусловился помимо всего прочего (состава публики, предвзятости отношения, некоторой несрепетованности и т. д.) в моем сознании тем, что я мыслил увидеть свой “порыв” первоначальный. “Предстало” же – нечто новое, неожиданное»⁹⁸. И далее Белый расточает похвалы – разумеется, в первую очередь самому Чехову, акцентируя в созданном им образе те черты, которые вы светляются благодаря антропософскому подходу («Вам удалось сочетать воедино человеческий образ с космическим так, что в человеческом аспекте умирает лишь один минеральный состав, а пульсы жизни – продолжают тем стремительнее пульсировать из стихийного мира; и тогда “человек” в сенаторе вторично рождается, но уже из *оттуда* в сюда он *глядит*, мучаясь в защеме костей своих») ⁹⁹. Особой похвалы удостоивается и Берсенев в роли Николая Аполлоновича: «...невероятно трудная роль; и как он вышел победителем из всех трудностей; роль неблагодарнейшая, нескульптурная <...>, а Берсенев дает прекрасную скульптуру, в которой есть что-то от античного героя (по-новому)»¹⁰⁰. С этой оценкой идут вразрез позднейшие свидетельства К. Н. Бугаевой (в письме к Д. Е. Максимову, февраль 1969 г.): «Берсенев – Ни-

---

⁹⁸ Встречи с прошлым. Вып. 4. С. 232–233.

⁹⁹ Там же. С. 235. О том, что в ходе постановки «Петербурга» он и другие исполнители руководствовались определенными сверхзадачами духовного порядка, намекал и сам Чехов, когда определял задачу современного театра как попытку «ответить на запросы расширенного сознания»: «...в постановке “Петербурга” в МХАТ 2 – актеры учились расширять свое знание и играть в этой пьесе не образы только, не фабулу, быт, но играть те причины живые, которые лежат за пределами того или другого героя, но *общие* им всем, всех их в чем-то объединяя и углубляя для зрителя смысл театрального зрелища» (Чехов Мих. О постановке «Петербурга» А. Белого в МХАТ 2 // Новая Россия. 1926. № 1. С. 78).

¹⁰⁰ Встречи с прошлым. Вып. 4. С. 236.

колай Аблеухов возмутил Б<ориса> Н<иколаевича> тем, что он на сцене играл его походку, жесты и манеру говорить, то, что Б<орис> Н<иколаевич> называл “tour de force” <ловкий эффектный прием – фр.>»¹⁰¹.

Двойственное отношение Белого к спектаклю проявляется сплошь и рядом в цитированном письме. С одной стороны, была показана не «его» пьеса: на сцене от нее осталась лишь «разбитая форма». С другой стороны, постановка взволновала и тронула автора. Четыре месяца спустя, в двух письмах к Иванову-Разумнику Белый высказывал аналогичные полярные суждения. 6 марта 1926 г. он признавался: «...“*Петербург*” причинил мне большую боль; <...> когда на первой генеральной я увидел весь *не мой “Петербург”* – впечатление было невыразимое: впечатление ужаса, боли, отчаяния от невыразимого уродства, в которое отлилось перекалеченное и *пере-пере-калеченное* целое драмы; Вы знаете, что я человек “*стреляный*”; и настроение мое не зависит от “*успехов*” или “*провалов*”; но такого “*морального*” для меня провала без особенной вины с моей стороны я никогда в жизни не испытывал: около месяца я *был болен*; получился не “*Петербург*”, а – “*монстр*”»¹⁰².

Через полторы недели, 18 марта, он в какой-то степени смягчил свою критику и опять сосредоточил внимание на игре Чехова: «Мне очень стыдно: в последнем или предпоследнем письме я брюзжал на МХАТ, а между тем, если бы Вы знали, скольких усилий МХАТу стоил “*Петербург*”; не думайте, что я обвиняю МХАТ: в конце концов я его должен благодарить;

---

¹⁰¹ Письма К. Бугаевой Д. Е. Максимова / Публикация З. Г. Минц // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 16.

¹⁰² Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 341.

моя досада на “*Петербург*” лишь в том, что *чего-то не случилось* в постановке; может быть, корень вины во мне, в огромном размере драмы и в разрушении ее при сжатии на $\frac{3}{4}$ – ни я, ни театр, помимо внешних обстоятельств, не могли с на $\frac{3}{4}$ сокращенным текстом ничего дать, кроме лохмотьев текстов, и стало быть: вместо драматической фабулы – “*сцены*” к где-то за фоном стоящей драме. <...> на “*Петербург*” театр наткнулся: по Чехову – к “*благу*”; но я, автор, переживаю наткновение на “*Петербург*” как толчок в “*Петербург*”; может быть, он и урок артистам; но по мне, – “*урок*”-то ценою “*Петербурга*”. <...> “*Аблеухов*” у Чехова – не мой, часть моего: он берет в моем *Аблеухове* его извечное; это – Сатурн, Хронос, прижизненно умерший и *оттуда* сюда действующий; это образ бреда Ник<олая> Аполлоновича, разгуливающий на журфиксах под оболочкой “*сенатора*”; и опять-таки – не соглашаясь, я соглашаюсь; и благодарен; когда Чехов интерпретирует, он – творит заново; и он *конгениален* в со-творении любому драматическому классику, а не мне, грешному; и потому-то, – в частичном несогласии с моим *Аполл<оном> Аполл<оновичем>*, я выношу много назидательного для себя; и менее всего мое несогласие носит оттенок полемики; из *Аблеухова Белого* Чехов сделал *Аблеухова чеховского*; и я не знаю, – *чей есть собственно-Аблеухов*»¹⁰³.

Порой Белый как будто был готов целиком взять на себя вину за изъяны спектакля. Он писал Мейерхольду 25 декабря 1926 г., что осуществленная им инсценировка романа «*Москва*» для его театра «удачнее “*Петербурга*” (“*Первый блин – комом*”): ком текста подал косвенный повод к многим недоразумениям поста-

---

¹⁰³ Там же. С. 347, 348.

новки <...>»¹⁰⁴. Однако в 1928 году, в предисловии к первому советскому изданию романа «Петербург», Белый снова написал фразу, напоминающую его слова из письма Иванову-Разумнику от 6 марта: «Особенно радует автора, что этим изданием снимается с него вина полной перекалеченности основного “драматического” текста “Петербурга”»; но это не вина автора, а судеб постановки драмы “Петербург”»¹⁰⁵.

Утешение Белый мог черпать только в факте существования «основного текста» пьесы – текста, не искалеченного режиссерским и актерским своеволием и свирепостью Главреперткомом. Не следует искать в ней художественных качеств романа «Петербург». Критиковать пьесу за то, что она не соразмерна с романом, было бы несправедливо и неразумно. «Огромный роман Андрея Белого, не очень искусно превращенный им в нормального размера пьесу, конечно, заметно проиграл, как каждая инсценировка большого литературного произведения, – пишет С. Гиацинтова. – А учитывая специфику “Петербурга”, представляю себе, какой ущербной казалась пьеса тем, кто читал роман, и какой непонятной – не знавшим его»¹⁰⁶. Однако произведение писателя такого масштаба, каким обладал Андрей Белый, не может быть начисто лишено достоинств. И в инсценировке «Петербурга» их немало: наиболее очевидным в этом отношении является сцена бала¹⁰⁷. В указанном

---

¹⁰⁴ Из переписки А. Белого: письма В. Э. Мейерхольду и З. Н. Райх / Публ., вступ. ст. и коммент. Джона Малмстада // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 138. См.: Андрей Белый. Москва. Драма в пяти действиях / Предисл., коммент. и публ. Т. Николеску. М., 1997.

¹⁰⁵ Андрей Белый. Петербург. М., 1928. Ч. 1. С. 5.

¹⁰⁶ Гиацинтова Софья. С памятью наедине. С. 240.

¹⁰⁷ Подробный анализ этой сцены дан в статье Элсворд Дж. «Петербург» и «Гибель сенатора»: «Бал у Цукатовых» // Андрей Белый в изменяющемся мире: К 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 382–388.

эпизоде мастерски использована концепция синтетического драматического действия, в котором слиты диалог, пение, танец и движение, – концепция, центральная в реформаторских исканиях в театре XX века. Пьеса раскрывает новые возможности развития очерченной в романе исходной сюжетной коллизии, что в очередной раз позволяет удостовериться в текучем, переменчивом характере творческого сознания Андрея Белого, готового к постоянному совершенствованию и обновлению. Однако, как это ни парадоксально, главное достоинство пьесы заключается в том, что, пристрастно оценивая ее художественные особенности, мы поневоле свежим взглядом смотрим на роман, из которого она выросла, и отдаем должное этому, едва ли не самому значительному и новаторскому русскому роману XX столетия.

* * *

Как уже отмечалось в начале этой статьи, драма Андрея Белого «Петербург» впервые была опубликована по машинописи, хранящейся в его архиве; на л. 1 – пояснительная запись рукой автора: «“Петербург”». Драма А. Белого. Полный текст (ремингтон не правлен). Первая редакция, которую автор считает удачней той, которая была представлена на сцене (не пошла, потому что объемом она вышла в 2 представления)¹⁰⁸. Поскольку этот машинописный текст не был сверен и исправлен

---

¹⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 19, 157 лл. Машинопись хранится в папке редакции Госиздата, что позволяет предположить, вероятно что именно этот текст был представлен в 1924 г. для публикации и затем возвращен автору. Машинопись была передана Белым в начале 1930-х гг. в составе его фонда в Гос. Литературный музей; ср. сообщение: «В ГЛМ: <...> “Гибель сенатора”, 1924 г., первая редакция драмы “Петербург”, машинопись, 157 лл.» (Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 630).

автором, в нем наличествует множество дефектов: пропуски слов и выражений (в частности, фрагментов текста, воспроизводимых латинским шрифтом), неверные прочтения, путаница в знаках препинания, не говоря уже о неизбежных опечатках.

В настоящем издании драма Андрея Белого «Петербург» в первоначальной, пространной версии текста впервые публикуется по беловому автографу (с синхронной и позднейшей авторской правкой), хранящемуся в архиве Р. В. Иванова-Разумника в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 25, 98 лл.)¹⁰⁹. Как и многие другие материалы этого архива (оставшегося во время немецкой оккупации в Пушкине под Ленинградом без присмотра и понесшего значительный урон), рукопись драмы «Петербург» дошла до нас в дефектном состоянии: множество листов утрачено, полностью или частично, некоторые листы повреждены. Утраченные фрагменты текста восстанавливаются в угловых скобках < > по указанной выше неавторизованной машинописи. В подстрочных примечаниях воспроизводятся только наиболее значимые зачеркнутые автором фрагменты, не учитываются мелкие поправки, описки и т. п. Сокращения в обозначениях реплик и в ремарках, проведенные в автографе непоследовательно, раскрываются без специальных обозначений.

А. В. Лавров, Джон Малмстад

---

¹⁰⁹ Ср. сообщение: «У Р. В. Иванова: 1) рукопись, озаглавленная автором «Петербург. Историческая драма А. Белого. 5 актов. 10 картин. Рукописный текст» [1924 г.], 164 лл.; к рукописи приложены чертежи, рисунки макетов, черновики 11-й картины (2-й редакции) и записка автора: «Для режиссуры и артистов» [1925 г.], 23 лл.» (Там же).

Петербург

Историческая драма Андрея Белого

5 актов. 10 картин

<Действующие лица.

АБЛЕУХОВ АПОЛЛОН АПОЛЛОНОВИЧ, сенатор.

АБЛЕУХОВА АННА ПЕТРОВНА, жена его.

АБЛЕУХОВ НИКОЛАЙ АПОЛЛОНОВИЧ, их сын.

ЛИХУТИН СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, офицер.

ЛИХУТИНА СОФЬЯ ПЕТРОВНА, его жена.

ВЕРГЕФДЕН НИКОЛАЙ ЭРАСТОВИЧ, чиновник.

ГРАФ АВЕН, желтый кирасир.

ГЕРМАН ГЕРМАНОВИЧ, чиновник.

ЛИПШАНЧЕНКО, видный провокатор.

МОРКОВИН, агент полиции.

ДУДКИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, революционер-террорист.

МАРФУШКА, прислуга у Лихутиных.

СЕМЕНЫЧ, камердинер Аблеухова.

ГРАФ ЛЕЙДЕН, друг сенатора Аблеухова.

ВАРВАРА ЕВГРАФОВНА, курсистка.

Чиновники, лакеи в доме Аблеухова, пешеходы, гости у Цукатовых, Цукатовы, барышни, газетчики, посетители кабачка, писаря, народ.

Действие происходит в столице Русской Империи в начале октября 1905 года.>

Картина первая*

Гостиная Лихутиных; небольшая комната без перспективы, набитая диванами, креслами, <софами, веерами>; в глубине – атласный альков; на нем выткан японский пейзаж; за альковым – <дверь, завешенная> занаве<сом> из тростниковых тростинок; всюду – японские пейзажики <, кружева, веера,> банты; слева, ближе к авансцене, овальный стол и на нем электрическая лампа в красном абажуре; около стола – диван, кресла; потолки – низкие; с потолка <свисает> висячая лампа; слева – дверь, ведущая в переднюю; справа – два окна; окна – раскрыты, в окнах – туман, прожигаемый огнями; в углу – красная труба граммофона; при открытии занавеса жуткий свисток пробегающего по каналу парходика; горничная, Марфушка,^а в белом, бабочкообразном чепце устанав<ливает> в порядке беспорядочно брошенную мебель, попутно снимая с кресел как<ой-то> предмет дамского туалета;^б раздается голос Софьи Петров<ны>: «Оставьте, оставьте: мешааете тут, – толкаетесь: шли бы к себе...» И Сергей Сергеевич Лихутин идет из-за алькова к двери налево, опустив голову; у двери он останавливается и поворачивает голову к Марфушке.

Сергей Сергеевич. Вы головку-то ему – смочили?

Марфушка. Да смачивала.

Сергей Сергеевич. А как вы думаете... – выживает?

Марфушка. Как не выжить: самая обыкновенная птичья болезнь...

---

* *В автографе: Сцена первая. Исправлено в соответствии с авторскими обозначениями последующих частей текста.*

^а *Было: Маврушка,*

^б *Далее было: в то же время Сергей Сергеевич Лихутин идет из < > комнаты Софьи Петровны к двери налево*

Сергей Сергеевич (после паузы). Утром^в он, знаете ли, — чирикал...

Голос Софьи Петровны: «Марфушка^г, подите сюда...»

Марфушка бежит за альков в комнату Софьи Петровны; Сергей Сергеевич проходит в дверь налево; из двери комнаты Софьи Петровны раздается невнятный голос Марфушки и капризный щebet Софьи Петровны.

Голос Софьи Петровны: «Скорее... Корсет... Так... Потуже, потуже (с привзвизгом). Да я говорила же — черное, шерстяное: то самое...»

Резкий звонок в передней; Марфушка выбегает из-за алькова к двери; голос Софьи Петровны — с привзвизгом.

Голос Софьи Петровны: «Да куда же вы?..»

Марфушка. Ах, ты, Господи, — да звонок.

Марфушка бежит обратно к алькову; от ее движений бумажные банты, в изобилии подвешенные к стенам, начинают качаться; и кажется, что везде залетали огромные бабочки.

Голос Софьи Петровны (из-за алькова): «Все, все заберите: и — в шкаф».

Из-за алькова летят — дамские чулки и розовый кимоно; Марфушка спешно поднимает кимоно и выбегает стрелой на зов раздавшегося звонка; из-за алькова ей вслед поднимаются головка Софьи Петровны и голые руки, старающиеся заколоть шпилькой распутившуюся пряжу; в зубах — огромная шпилька; глаза выжидательно глядят на дверь; дверь — запахивается; головка Софьи Петровны скрывается за альков.

Голос Софьи Петровны: «Сейчас я, сейчас».

Из открытой двери, ведущей в переднюю, — голоса, бряцание шпор.

Голоса: «И Николай Эрастович — тоже? Как ваше здоровье?... Да бы не по себе... Я же редко бываю... А барыня?»

^в Было: А утром

^г Было: Маврушка,

Г о л о с <Марфушки>: «Выйдут сейчас».

Г о л о с Сергея Сергеевича: «Здравствуйте, Николай Эрастович... Здравствуйте, Герман Германович... Граф Авен, давно у нас не были... Здравствуйте, что же вы?... Ах, какие прекрасные хризантемы!»

Г о л о с: «А это, Сергей Сергеевич, долг мой пред Софьей Петровной, фифки... Вы, Марфушка, передайте барыне».

Г о л о с Сергея Сергеевича: «Что же вы не разденетесь?»

Г о л о с: «Да я – на минуточку: я – спешу... Прощайте, дружище».

<В го>стину из передней входят: Н. Э. Вергефден, маленький, с плешью, бритый, сме<ющи>йся не то иронически, а не то подбостранно тому, кого называют Германом Германовичем; это господин с видом чиновника, уже выходящего в люди, прекрасно одетый, несколько чванный с морщиною, перерезающей лоб; он продолжает с Вергефденом разговор, на<ч>атый где-то прежде; за обоими входит Сергей Сергеевич с пригласительным жестом, обращенным к желтому кирасиру, графу Авену; граф Авен – огромного роста, носолобый блондин <с> выпученными глазами и глупым скучающим лицом.

Герман Германович (входя – Вергефдену). Да... и вот, говорю я: «Дело о сноповязалках оставьте».

Граф Авен (Сергею Сергеевичу – входя). Ха-ха, – урадели! Приехал к нам в полк генерал-фельдцейхмейстер. (Что-то тихо говорит Лихутину).

Вергефден (отвечая Герману Германовичу). Сноповязалки? Да это же – наша слабость.

Из передней пробегает в комнату Софьи Петровны Марфушка с огромным букетом белых хри<зантем>.

Герман Германович. Да – тут мы наталкиваемся на вас.

Вергефден (прохаживаясь по комнате). Аполлон Аполлонович за взвоз – стоит.^д

^д Было: не стоит.

Граф Авен садится на диван и рассеянно перелистывает альбомчик; Сергей Сергеевич, придерживаясь руками за кресло, внимательно следит за беседой Вергефдена с Германом Германовичем; Вергефден, потирая руки, продолжает прохаживаться по комнате с ироническим лицом.

Герман Германович. Читал я речь этого... Юпитера вашего...

Вергефден. А Юпитер, вы знаете, — самая больш^шая планета.>

Герман Германович. Вы — как: фигурально?

Вергефден (не то иронически, а не то серьезно). Да всячески:° мы — восходящая линия.

Герман Германович. Немцам круто придется.

Граф Авен (закрывая альбом). Забудьте* хоть вечером департаменты.

Вергефден (отвечая Герману Германовичу). Аполлон Аполлонович — монгол: собственно — Аб-Лай-Ухов; причем: «Ухов» — ру<сс>кое прозвище мирзы Аб-Лая, в царствование Анны Иоанновны поступившего на русскую службу; так стал Аблеуховым он.

Герман Германович (возмущенно). Теперь — Аб-Лай-Ухов ворочает всем... Вы, граф Авен, что скажете?

Граф Авен. Скажу фифку.

Герман Германович (к Сергею Сергеевичу). А вы?

Сергей Сергеевич (ища слов). Я?.. Я человек от политики далеко стоящий, человек военный; мое дело — драться.

Граф Авен (смеясь). Ну, какой вы военный: вы — сама³ безгреховная кротость...

Сергей Сергеевич. При этом, мы с Николаем Аполлоновичем, — в отношениях, так сказать... (Вдруг поднявши очки.)^н Но во всяком случае я считаю борьбу с

° Было: Как знаете:

* Было: А забудьте

° Было: какая-то

н Далее было: Граф А вен.

так называемыми внутренними врагами политикою в<есь>ма опасной; начала гуманности...

Граф Авен (*перебивая*). Как ваш флажолет?

Сергей Сергеевич (*смущаясь*). Да это, собственно, — просто флейта...

Герман Германович (*перебивая — к Вергефдену*). Со-знайтесь: патрон ваш напомнит эпоху фон Плеве всем нам; монгольское иго почувствуем.

Вергефден (*с ироническим почтением*). Все-таки: удив-ляюсь я взрыву умственных <си>л, источаемых этою черепною коробкою.

Герман Германович (*перебивая*). Наперекор всей России.

Граф Авен. А кстати: вы видели^к изображение его в «Шуте»? Ухо — схвачено.

Вергефден. Ухо — лучше: ведь хуже же, если бы — ни ухо, ни рыло: pardon.

Герман Германович. <В>ы опять с амфиболами?

Вергефден (*невольно фыркая*). В Департаменте подло-жили журнальчик ему.

Граф Авен. И — что же?

Сергей Сергеевич (*вставая*). Вы простите меня, господа: я сейчас; мне бы надо еще подписать две-три сметы.

Вергефден.^л Ах, веч<но> вы там с провиантами: всё — комиссии, подкомиссии.

Сергей Сергеевич (*улыбаясь*). Что ж, — служба такая. (*Уходит.*)

Граф Авен (*Вергефдену*). И — что же?

Вергефден (*с оттенком почтения*). О, Аполлон Апол-лонович не волновался нисколько при созерцании ог-ромного, зеленого уха на фоне горящей России... Он,

^к Далее было начато: как его

^л Было: Граф Авен.

знаете, человек флегматический, воспаряющий над мелочью жизни.

Граф Авен. Как нетопырь...

Вергефден. Говорят, у себя на дому только раз вошел в мелочи жизни он, произведя ревизию туалетному инвентарю:^м появилась номенклатура всех полок и полочек – в порядке алфавита: «а», «бе», «це» и так далее (*хохоча*): а четыре стороны полочек приняли обозначение четырех сторон света.

Граф Авен. Ха-ха!.. Ха-ха-ха!..

Герман Германович. И это мертвое ухо внимает потребностям родины нашей: монгольское, изруселое ухо?

Вергефден. Что думаете: у нас – планы, линии, перпендикуляры, параграфы и квадраты; и по квадрату

Герман Германович (*перебивая*). На обывателя.

Вергефден (*не слушая, с полужутливым вдохновением*). Более всего любит он, так сказать, куб кареты и куб кабинета.

Граф Авен. Ха-ха, фигура – геометрическая: сидит в собственном кубе и нас садит в кубы; да он приспособлен великолепно к одиночному заключению.^н

Звонок в передней:^о в открытое окно издали доносится брань: «В<ы> бы ей ей<ною> книгой да в ейные зубы;» ишь што говорит: «Бога нет, и отец и мать – обезьяны»; в участке-то – там разберут...»

Герман Германович (*указывая рукою в окно*). Слышали: кубы-то – дают трещины;^р посади обезьяну^с на

---

^м Было: туалетному инвентарю своему:

^н Было: для одиночного заключения.

^о Было: Звонок в парадной:

^п Далее было начато: а что

^р Было: Вы – послушайте: кубы-то – лопаются;

^с Было: посадили безбожную обезьяну

верх, — боги лопнут в сознании масс; и куб — разлетится... Фон Плеве вы вспомните...

В комнату из передней входит Николай Аполлонович Аблеухов, протирая пенсне и моргая на свет подслеповатыми огромными глазами; он — ослабливается, здороваясь с присутствующими; и — налетает мешковато на угол кресла.

Вергефден (с некоторой подобострастностью). А, Николай Аполлонович, а мы с вашим батюшкой...

Николай Аполлонович (к Вергефдену). Я ведь чужд этих ваших забот...

Граф Авен (на ухо Германи Германовичу). Не люблю я этого мешковатого выродка.

Видно, как тростники за альковом раздвигаются; слышно шипение пульверизатора; из двери налево появляется Сергей Сергеевич Лихутин и приветливо здоровается с Николаем Аполлоновичем.

Сергей Сергеевич. Ну вот — подписал; и...

Граф Авен (вставая и шутливо нюхая воздух). Обоняние мое слышит бальзамы: повеяло Софьей Петров<ной>.

Сергей Сергеевич (с доброй улыбкою). Этажом ниже, под нами, живет зубной врач; когда там он варит искусственно приготавливаемый зуб, так, знаете, — начинает у нас дурно пахнуть.[†]

Граф Авен. Приходится освежать атмосферу.

С шумом из-за алькова влетает Софья Петровна Лихутина; в ее взбитых, черных волосах ярко-красный бант; на ней — черное платье, обтягивающее плотно фигуру, на плечах — красный, ш<ел>-ковый прозрачный шарф почти до земли, разлетающийся от ее быстрых движений, производящих в комнате в<ет>ер, отчего все банты, все тряпки колышатся; в руке Софьи Петровны букет хризантем; на лицах присутствующих появляются улыбочки; Николай Аполлонович впивается в нее пристальным взглядом.

Софья Петровна. Граф Авен? (Протягивает руку для поцелуя.) Вергефден? (Делает то же самое; к Николаю Аполлоновичу.) Вы?

[†] Далее было: приходится освежать.

Лицо Николая Аполлоновича передергивается нервной ужимкой; горбясь, он подходит к ручке Софьи Петровны; она спешно в<ы>-р<ывае>т свою руку из его руки, поворачиваясь к графу Авену; и — начинает трещать.

Софья Петровна. Какие прекрасные хризантемы... Барон Оммергау завозит их мне; говорит: «Вы — японочка: к вам идут хризантемы».

Граф Авен. Да, да, вы — японочка.

Софья Петровна кокетливо отрывает от букета хризантему и отрывает ей лепестки; граф Авен, став на одно колено, подбирает с ковра лепесток.

Софья Петровна (*щелкая его хризантемой*). Фи: вот вам; опять — флиртomanия?

Сергей Сергеевич (*озабоченно*). Сонечка, как это право...^у

Граф Авен. В отместку за это я к завтраку вам привезу... амурное яблоко...

Софья Петровна (*кокетливо*). Что такое?

Граф Авен. Да — помидор: помидор называется так.

Софья Петровна (*с диким восторгом*). Фифка, фифка: платите штраф. (*Схватывает стоящую на окне кружку благотворительного сбора и подставляет графу Авену.*) В пользу вдов и старух.

Граф Авен бросает двугривенный; Софья Петровна поворачивается к Николаю Аполлоновичу.

Софья Петровна (*не без колкости*). Вы — не платите: вы — слишком умны.

Николай Аполлонович неприятно ослабливается; Сергей Сергеевич бросает на Софью Петровну и Николая Аполлоновича быстрый, озабоченно-испытующий взор; и потом подходит к Николаю Аполлоновичу.

---

^у Было: как это право ты.

Сергей Сергеевич (*Николаю Аполлоновичу*). Ну как, Николай Аполлонович, ваша работа?

Николай Аполлонович (*рассеянно, нехотя*). Да ничего: окончил главу: «Методика социальных явлений».

Вергефден. Ну это... что-то... такое: для нас, нелетающих, слишком умное... (*Сергею Сергеевичу Лихутину*). И – нет, Сергей Сергеевич; вы – не философ.

Граф Авен. Сергей Сергеевич – флажолетист.

Сергей Сергеевич (*сконфуженно*). Да, просто,^ф на флейте я...

Граф Авен. Представляю вас^х в Куокалле, в зорю выводящим меланхолические фиори<ту>ры мелодии.

Софья Петровна. Ха-ха-ха-ха-ха!.. А знаете, для кого он играет на флейте; вы думаете, – для меня? <Нич>его подобного.

Вергефден. Ну, ну?

Граф Авен. Для кого же?

Софья Петровна. Для чижика.

Граф Авен, Вергефден, Герман Германович и Софья Петровна. Ха́-ха-ха!

Сергей Сергеевич (*совсем сконфуженно*). Сонюшка, – ну зачем это ты, ну как можно.

Софья Петровна (*с пафосом*). Завел себе чижика; и – наигрывает серенады ему.

Граф Авен (*продолжая*). А чижик?

Софья Петровна (*в тон*). Чирикает.

Все. Ха-ха-ха...

Граф Авен (*Сергею Сергеевичу*). А вы утверждаете, что – вояка: нет, вы – анахорет, человек безобидный....

Сергей Сергеевич (*с неудовольствием*). Право же,^н господа, вы меня плохо знаете; вы спросите-ка Сонюшку.

---

^ф Было: Да, нет: просто так я,

^х Было: А я представляю вас на природе

^н Было: Нет, право же,

Лицо Николая Аполлоновича передергивается нервной ужимкой; горбясь, он подходит к ручке Софьи Петровны; она спешно в<ы>-р<ывае>т свою руку из его руки, поворачиваясь к графу Авену; и — начинает трещать.

Софья Петровна. Какие прекрасные хризантемы... Барон Оммергау завозит их мне; говорит: «Вы — японочка: к вам идут хризантемы».

Граф Авен. Да, да, вы — японочка.

Софья Петровна кокетливо отрывает от букета хризантему и отрывает ей лепестки; граф Авен, став на одно колено, подбирает с ковра лепесток.

Софья Петровна (*щелкая его хризантемой*). Фи: вот вам; опять — флиртомания?

Сергей Сергеевич (*озабоченно*). Сонечка, как это право...^у

Граф Авен. В отместку за это я к завтраку вам привезу... амурное яблоко...

Софья Петровна (*кокетливо*). Что такое?

Граф Авен. Да — помидор: помидор называется так.

Софья Петровна (*с диким восторгом*). Фифка, фифка: платите штраф. (*Схватывает стоящую на окне кружку благотворительного сбора и подставляет графу Авену.*) В пользу вдов и старух.

Граф Авен бросает двугривенный; Софья Петровна поворачивается к Николаю Аполлоновичу.

Софья Петровна (*не без колкости*). Вы — не платите: вы — слишком умны.

Николай Аполлонович неприятно ослабливается; Сергей Сергеевич бросает на Софью Петровну и Николая Аполлоновича быстрый, озабоченно-испытующий взор; и потом подходит к Николаю Аполлоновичу.

---

^у Было: как это право ты.

Сергей Сергеевич (*Николаю Аполлоновичу*). Ну как, Николай Аполлонович, ваша работа?

Николай Аполлонович (*рассеянно, нехотя*). Да ничего: окончил главу: «Методика социальных явлений».

Вергефден. Ну это... что-то... такое: для нас, нелетающих, слишком умное... (*Сергею Сергеевичу Лихутину*). И – нет, Сергей Сергеевич; вы – не философ.

Граф Авен. Сергей Сергеевич – флажолетист.

Сергей Сергеевич (*сконфуженно*). Да, просто,^ф на флейте я...

Граф Авен. Представляю вас^х в Куокалле, в зорю выводящим меланхолические фиори<ту>ры мелодии.

Софья Петровна. Ха-ха-ха-ха-ха!.. А знаете, для кого он играет на флейте; вы думаете, – для меня? <Нич>его подобного.

Вергефден. Ну, ну?

Граф Авен. Для кого же?

Софья Петровна. Для чижика.

Граф Авен, Вергефден, Герман Германович и Софья Петровна. Ха́-ха-ха!

Сергей Сергеевич (*совсем сконфуженно*). Сонюшка, – ну зачем это ты, ну как можно.

Софья Петровна (*с пафосом*). Завел себе чижика; и – наигрывает серенады ему.

Граф Авен (*продолжая*). А чижик?

Софья Петровна (*в тон*). Чирикает.

Все. Ха-ха-ха...

Граф Авен (*Сергею Сергеевичу*). А вы утверждаете, что – вояка: нет, вы – анахорет, человек безобидный....

Сергей Сергеевич (*с неудовольствием*). Право же,^н господа, вы меня плохо знаете; вы спросите-ка Сонюшку.

---

^ф Было: Да, нет: просто так я,

^х Было: А я представляю вас на природе

^н Было: Нет, право же,

Софья Петровна (*со смехом*). А представьте себе:^ч он недавно^м не принял – ну, этого хохла-малоросса... Ну как там...

Вергефден. Липпанченко? Хорошо, что ему отказали от дома.

Софья Петровна (*с возмущением*). Липпанченко назвал^м «душканом» меня?

Граф Авен (*с деланным негодованием*). Что я слышу? Нахал!.. И потом, ну какой вы «душкан»; вы – ангелика.

Софья Петровна (*самодовольно*). Это вот я понимаю.

Вергефден (*графу Авену*). Опять^б каламбурите? (*Софье Петровне*). Между прочим, «angélica» – растение: род бурьяна.

Софья Петровна (*с деланной свирепостью*). Что слышу?^м (*Визгливо*). Платите за фивку (*подставляет кружку ему*): платите.

Граф Авен. Плачу; и – ступевываюсь.

Вергефден. И – мы: мы заехали на минуту... Хотите на скачки – завтра?

Софья Петровна. Как, – такая я скучная, что вы не хотите со мною побыть (*бросая взгляд на Николая Аполлоновича*), оставляя меня на... философские мудрости?..

Граф Авен. Но нас ждут у Констанана; потом мы надеемся на приглашение в ложу.

Софья Петровна. Ну, ну: доставайте, надейтесь (*делая величественный жест рукою с протянутым цветком*): спешите... Я вас приглашаю...

Гости прощаются, кроме Николая Аполлоновича, с молчаливой влюбленною страстностью вперенного в Софью Петровну; Сергей

---

^ч Было: Вы представьте себе:

^м Далее было начато: совсем отказал от до<ма>

^м Было: а Вы представьте: он назвал меня б Представьте: Липпанченко назвал меня

^б Было: Вы опять

^б Было: Что я слышу?

Сергеевич, выходя за гостями в переднюю, нерешительно останавливается на пороге комнаты, бросая взгляд на Николая Аполлоновича и на Софью Петровну; в передней слышно бряцание^б шпор и голоса, из которых^в подымается голос Германа Германовича: «Развал, Сергей Сергеевич: приходится воевать с городами; и если правда, что есть легенда существования полуторамиллионного московского населения, то придется сознаться, что...» Голоса сливаются в гул; слышно, как дверь распаивается; и из гула голосов рождается металлический, отчетливый голос.

Металлический голос: «Петербург нет вовсе».

Дверь — захлопывается; через некоторое время слышен в открытом окне звук захлопываемой подъездной двери и голоса уходящих под окнами; из голосов возникает опять металлический голос.

Металлический голос: «Лишь кажется, что он существует».

Николай Аполлонович стоит у окна и смотрит в окно; из передней показывается голова Сергея Сергеевича Лихутина, с беспокойством оглядывающая Софью Петровну и Николая Аполлоновича; Софья Петровна, покашляясь на Николая Аполлоновича, идет к столу с опущенной головой, немного раздосадованная, немного взволнованная.

Николай Аполлонович (*бросая рассеянно*).^ю И оказывается на картах...

Софья Петровна (*вздрагивая*). Вы что?

Николай Аполлонович. Да вот мне нагадали на картах, хоть я, как марксист, разумеется...

Тяготящий свисток пробегающего парходика.

Софья Петровна (*как бы про себя*). Та же нота на «ууу»... Слышите: «Ууу-ууу-ууу...»

Николай Аполлонович. Пароход?

Софья Петровна. Нет, я не об этом... Другой звук... Неслышный, его прежде не было. (*Голова Сергея Сергеевича исчезает в дверях*).

---

^б Далее было: сабли

^в Далее было: раздаётся

^ю Далее было начато: Не только

Софья Петровна (резко). Идите, сидите.

Она указывает Николаю Аполлоновичу рукой на кушетку, садясь на нее с ногами <и> пальцами разглаживая на себе красную шаль; Николай Аполлонович садится с ней рядом, впи<ваясь> в нее глазами, полуоткрыв рот; видно, что он ее едва слушает.

Софья Петровна (как бы сама с собой). Сон я видела: будто иду я у Зимней Канавки и будто я Лиза, а Герман – придет; и его я не знаю: какой такой; слышу – бегут; обернулась, – из-за дворцового бока, подумайте (касается рукой Николая Аполлоновича; тот – вздрагивает), припустилось бежать на меня; подбежало; и – смотрит; и – тут мне припомнилось, что я сон-то уж видела; где – не вспомнила... Проснулась; и – продолжало казаться...

Николай Аполлонович смотрит на нее восхищенно; Софья Петровна отодвигается от него.

Софья Петровна (резко). Вы не слушали?

Николай Аполлонович. Нет, я...

Софья Петровна. Все продолжало казаться, что красный шут – есть, придет.

Николай Аполлонович. То есть, как?

Софья Петровна (кусая платочек, со скошенными глазами). Я не знаю.

Николай Аполлонович. Вы очень чувствительны.

Софья Петровна (резко). Вы не слушали ничего: вы^а – бесчувственный. (Вдруг зло.) И знаете почему? Потому что вы чувственны... Почему лицо у вас стало такое какое-то? (Вглядываясь.) В вас что-то есть от шута.

Николай Аполлонович. Нет, скажите:^{11а} зачем я бываю у вас.

Софья Петровна. Я не знаю.

Николай Аполлонович. Два года уж.

---

^а Далее было: какой-то

^{11а} Было: Вы вот что скажите:

Софья Петровна. Помните, как на свадьбе боялась я, что уроните вы венец над моей головой; очень странно: вы – были шафером.^б (*Одушевляясь.*) В этот день у вас^в сияло лицо – ну: как алебастр; и хотелось на вас повернуться.

Николай Аполлонович (*взволнованно*).^г А дальше.

Софья Петровна.^д Дальше – вы зачастили; и я увидела вплотную – ай, ай: куда же девалось лицо Аполлона у вас? Появился какой-то издёрг;^е только издали вы показались мне молодым; молоды вы только мыслью,^ж чтоб в жизни издряхнуть (*с резкой обидой в голосе*): да вы просто какая-то меланхоличка.

Николай Аполлонович (*вставая с дивана*). Вы за мною шпионите взглядами.

Софья Петровна (*с пылкой досадою*). И не я, а лишь вы.

Николай Аполлонович (*колко*). Так-то я был развенчан... Но – и Сергей Сергеич развенчан?

Софья Петровна (*чуть не крича*). Сергей Сергеич – Сергей Сергеич: муж, заведует провиантами... где-то; вы – друг его детства; и – все; нет, – еще вы философ, немножечко выродок, занимающийся всеми этими вещами, как их: «революция-эволюция»; путаю я. А вы знаете, что о вас написали в стишках? (*Встает и, дирижируя пальцем над его носом, декламирует.*)

Революционер известный,
Хоть аристократ:
Но семьи своей бесчестной
Лучше во сто крат.

---

^б Было: очень странно, что были вы шафером

^в Далее было: было такое лицо

^г Далее было: Ну?

^д Далее было: После

^е Далее было: на лице;

^ж Было: и – да: молоды вы только мыслями,

Николай Аполлонович (*пылко вспыхнув*). Послушайте: да не мучайте.

Софья Петровна (*отскакивая от него*). Стойте там: и — ни шагу!..

В это время за стеной раздается меланхолический звук флейты.

Софья Петровна. Сергей Сергеевич: играет... для спящего чижикиа...³

Николай Аполлонович. Почему вы боитесь?^н

Софья Петровна. В вас,^к вы извините, какое-то есть... лягушечье выражение.

Николай Аполлонович. Аполлон и «лягушка»: спасибо за комплимент... (*Задум<ы>ваясь.*) Но о каждом так можно: и Аполлон, и «лягушка»^л есть в каждом; «лягушка» же проступает от роста сознания; и в вас «лягушеночек» есть; он — проступит с годами.

Софья Петровна (*с ненавистью*). Клевещете вы: я такой-то вам <ка>жусь!

Николай Аполлонович. «Лягушка» — продукт издичалой культуры.

Софья Петровна. А Аполлон?

Николай Аполлонович. Аполлон лишь загадан; беременны им: а беременность безобразна; мужчина, беременный мыслью, не может казаться красивым; а я... я беременен философской системой, прорастающей в мир чрез меня.

Софья Петровна (*иронически*). Поэтическое объяснение: так что вы — куколка, из которой вылетит бабочка?

Николай Аполлонович (*с убеждением*). Да.

Флейта смолкает.^м

---

³ Далее было: Кстати:

^н Было: Почему вы боитесь меня?

^к Было: А в вас,

^л Далее было: ведь

^м Репарка вписана карандашом

Софья Петровна. А вы знаете, что была я на реферате вашем с Варварой Евграфовной: есть такая курсистка.

Николай Аполлонович. Не помню.

Софья Петровна. Она затащила на вас: я ни слова не понимала. Вы говорили о норме формы, или о форме нормы; и в вас проступило опять – богоподобное что-то; вас слушали – в оцепенении; и вы мыслями^н все ломали какие-то там миры. И вот стоило вам сойти с кафедры, как...

Николай Аполлонович (*иронически*). Как увяз я в болоте?

Софья Петровна (*горячо*). Все те, которые к вам там относятся подобострастно, они – вы простите: мужчины в жизни; а вы...

Николай Аполлонович (*в том же тоне*). Я барышня, что ли?

Софья Петровна. Нет – вы недоносок,^о живущий в абстракциях.

Николай Аполлонович (*пылко*). Мысль моя – недоносок для вас; а я,^п когда в мыслях, барахтаюсь в жизни и путаюсь в слове. (*Со странным вдохновением.*) Но мысль для меня – формируемая действительность; и здесь я – демиург; а в жизни – я скован... Впрочем, – это вам непонятно.

Софья Петровна (*капризно*). Уж не такая я глупая, чтоб не видеть, что вы на себя глядите, как на скованного героя какого-то; кстати: Варвара Евграфовна так о вас думает; но простите, – пословица есть:^р «в своем болоте лягушка поет».

---

^н Далее было: там

^о Было: недоносок какой-то,

^п Далее было: – часто в мыслях:

^р Было: пословица есть такая:

Николай Аполлонович (*едко*). Вот еще комплиментик: герой лягушиного царства.

Софья Петровна. Не лягушиного, а... Варвара Евграфовна; правда, она – некрасива: в очках; и, пожалуй (*улыбаясь*), – немного лягушка... (*Перебивая себя*.) Она – влюблена в вас: считает героем, революционером, способным взорвать там кого-то;^c и ждет от вас акта какого-то, от которого последуют мировые перевороты... Вот – глупости.

Николай Аполлонович (*про себя*). В мыслях я на это иду.

Софья Петровна (*иронически*). Ну да: только в мыслях.

Николай Аполлонович. То есть, – в действительности не фиктивной... Нет, все-таки, я – ^т

Софья Петровна. И ничем не докажете: сын сенатора Аблеухова, которого прочат на пост... (*Кокетливо*.) Не понимаю во всем ничего: только, – знаете, что они говорят?

Николай Аполлонович. Кто они?

Софья Петровна. Они все... Говорят, что вы – вывернутый наизнанку отец.

Николай Аполлонович вскакивает с перекошенным лицом, сжимает руки и опускает голову; задумывается; и вдруг воздевает руки над головой, грозя кому-то кулаками.

Николай Аполлонович (*бешено*). Я... его... ненавижу... Я... я... Вы не можете себе представить... Да я бы... его...

Софья Петровна (*ветрено*). Всё – слова... Революция ваша – одна рефератная тема... А есть же такие (*мечтательно*), которые...

Николай Аполлонович (*страстно*). Что?

---

^c Далее было: а вот

^т Далее было: революционер.

Софья Петровна. Которые не говорят, а...

Николай Аполлонович. А?

Софья Петровна. А дают обещания, ну там, — всякие; те не только болтают, но действуют.

Николай Аполлонович (*страстно*). И я могу действовать.

Софья Петровна (*спохватившись*). Вы, пожалуйста, вовсе не думайте, что я... сочувствую им... Но я уважаю их.

Николай Аполлонович. Ну, а если бы я... если б я?..

Софья Петровна (*иронически*). Ну за вас я спокойна.

Николай Аполлонович (*подходя к ней*). Я на все способен для вас.

Софья Петровна (*перебивая*). Эти дни занималась я все мелопластикой, вот — послушайте музыку, под которую я...

Поворачивается к Николаю Аполлоновичу спиной, подходит к трубе граммофона, пускает трубу, труба начинает выскрежетывать звуки «Полета Валькирий»; Николай Аполлонович настигает Софью Петровну.

Николай Аполлонович. Люблю, люблю...

Софья Петровна (*отталкивая его*). Прочь... (Он ловит ее; она — выскользывает.) Если вы, то я — вас ударю.

Николай Аполлонович ее схватывает; она — размахивается: раздается звонкая пощечина.

Софья Петровна. Лягушенок, урод, красный шут!

На лице Софьи Петровны — неподдельная ярость; Николай Аполлонович застывает с рукою, прижатой к щеке; лицо его искажается ужасною яростью; в ужасе стоят они друг против друга; и по мере того, как усиливается на лице Софьи Петровны ужас, и она <сги>бается под тяжестью собственной пощечины, Николай Аполлонович с бледным окаменевающим лицом выпрямляется; сначала на лице его — оскорбленная гордость; потом — недостигае-

мое величие неоскорбляемой божественности; в эту минуту напоминает он действительно Аполлона.

Николай Аполлонович. Если я – красный шут, вы – японская кукла.

Николай Аполлонович медленно идет к двери, у двери оборачивается на Софью Петровну; она бежит за ним.

Софья Петровна. Пойдите... Не уходите.

Дверь захлопывается перед ее лицом; Софья Петровна падает на колени у двери, роняя голову в руки; звуки полета Валькирий доскрежетают; доскрежетав, обрываются; дверь бесшумно распадается; на пороге ее – Сергей Сергеевич Лихутин; он в испуге наклоняется над Софьей Петровной.

Сергей Сергеевич. Что, что с тобой, Соничка?

Слышен звук захлопываемой подъездной двери в открытом окне; Софья Петровна вскакивает и бежит к окну, не обращая внимания на Сергея Сергеевича; высовывается в окно; и – кричит в туман ночи.

Софья Петровна. Николай Аполлонович, – вернитесь... вернитесь... вернитесь... *(С отчаянием.)* Не слышит!.. Ушел...

Сергей Сергеевич *(с невыразимой печалью, подходя к Софье Петровне, пытается ее обнять).* Полно, Соня.

Софья Петровна *(отпихивая Сергея Сергеевича, с рыданиями).* Я – кукла... японская...: би-ба-бо...

Сергей Сергеевич. Послушай, дружок мой... *(Обнимает ее.)* В передней столкнулся я с Николаем Аполлоновичем... Он был очень бледен...

Софья Петровна. Я – би-ба-бо: би-ба-бо...

Сергей Сергеевич *(осторожно).* Николай Аполлонович не заметил меня... *(Вопросительно и робко.)*... У вас – что-то вышло?

Софья Петровна *(с визгливым плачем).* Не смейте же мне про него ничего говорить... *(С бешенством.)* Почему вы такой бездыханный, безжизненный: надоела мне

эта вот безгреховная кротость... Должны бы вы тут ревновать, бесноваться... А вы...

Сергей Сергеевич (*с обиженным достоинством*). Видишь ли, мой дружок: говоря без затей... я все вижу; но я... говоря без затей (*разводя руками*): что поделаешь, — случилось несчастье... И — вот: избирая благую часть для себя, я... (*Ищет слов.*); словом: мне — быть твоим другом, действительным другом, уже составляет счастье... Я... я... тебе, мой дружок, благодарен за все, что дала ты мне; моя жизнь — около.

Софья Петровна (*сквозь слезы*). Какой-то блаженный вы...

Сергей Сергеевич. Нет, Сонюшка, я — человек простой; и я, знаешь ли, понимаю свои границы; и в этих границах я действую рассудительно во имя нашего... с тобой...

Софья Петровна (*перебивая*). Вашу жену — преследуют, оскорбляют, а вы... а вы...

Сергей Сергеевич. Но Николай Аполлонович...

Софья Петровна (*бешено*). Напишите ему, чтоб не смел он являться: он... он... он... фигурант, паяц, красный шут.

Сергей Сергеевич. Но...

Софья Петровна (*бешено*). Нет — я требую, чтобы вы написали...

Сергей Сергеевич. Я, знаешь ли, понимаю; и я, знаешь ли, поступаю во имя... нашего... с тобой... (*Обрывает себя.*) Словом, я напишу. (*Подходит к Софье Петровне и, обнимая, уводит ее в ее комнату,^у повертывая выключатель.*) Да, да, да: напишу.

На сцене водворяется глубокий мрак; некоторое время молчание; потом — глухой стон вдали уходящего пароходика; даль сцены тускло освещается; вместо алькова, сте<ны,> двери — тусклый фо-

---

^у Далее было: гася

нарь, освещающий мглу перил Мойского канала; вдоль перил движется <те>мный силуэт Николая Аполлоновича в николаевке; ветер рвет крылья шинели; за Николаем Аполлоновичем движется черный силуэт в котелке и в пальто с поднятым воротником; Николай Аполлонович останавливается; и силуэт – останавливается; Николай Аполлонович заносит ногу над перилами канала, как бы собираясь броситься в канал, но – задумывается с ногою, взвешенной в воздухе; потом ставит ногу обратно на панель.

Николай Аполлонович (*бросая в ветер и в тьму*). Да я покажу, что я...^ф Покажу.

Быстро проходит вдоль перил; за ним движется темный силуэт; где-то вдали голос распевает: «Вы жертвою пали борьбы роковой любви беззаветной к нароо-оо-оо-оо-ду...»; проходят два пешехода: 1-ый пешеход: «И – да, да: циркулирует браунинг там». 2-ой первому: «И еще кое-что...» 1-ый второму: «Забастовали: чугуно-литейный и колпинский»...

З а н а в е с

---

^ф *Далее было: «Домино»... «Красный шут»...*

Картина вторая

При поднятии занавеса сцена у авансцены завешена черным, за исключением квадрата посередине; квадрат представляет собой внутренность черной кареты, напоминающей внутренность гроба; сквозь окно кареты виден тускло подъезд желтого дома; видна дубовая дверь; в каретном окне пробегают фигуры прохожих пешеходов с высоко поднятыми воротниками; все фигуры утрированы, точно вырезаны из картона; и – состоят из прямых линий и углов; нет здесь ни одной зигзагообразной линии: в окне пробегает – котелок, уши, усы и нос; пробегают две фуражки с кокардами; у одной нос – утиный, у другой – петушиный; пробегает огромное ухо;^а пробегает отсутствие носа; пробегает распущенный зонт; за окном – зеленоватое освещение петербургского утра; слышны капли дождя да фырканье лошади; слышны голоса кучера, переговаривающегося с лакеем.

Голос лакея: «Никакого предмета и нет: он живет бобылем».

Голос кучера: «У барчука предмет есть: брюнеточка с Мойки».^б

Голос лакея: «Барчук^в зачастил к костюмеру, на Караванную».

Голос кучера: «Что так?»

Голос лакея: «Для маскараду:^г атласный халат, с башлыком приносили; сказывал служитель ихний,^д –

---

^а Было: пробегает отсутствие всякого уха

^б Было: такая черная барынька, с Мойки, да в ссоре они.

^в Было: Зачудил наш барчук,

^г Далее было: костюм приносили,

^д Было: сказывали служитель ихний

украдкой рядится в^е красный халат, да разглядывается». ^ж

Голос кучера: «Сам знает?» ^з

Голос лакея: «Нет». ^и

Пауза: в окне продолжают мелькать тени прохожих; слышна рулада автомобиля.

Голос кучера: «Шурин-то мой, у Кистинтина Кистинтиновича у великого князя кучером; ^к так он сказывал: на Васильевском Острове шло пулянье вчера».

Голос лакея: «Население там – фабричное, грубое...»

Голос кучера: «Рабочие поднимаются...»

Голос лакея: «Ну там знаете: лучше в такие дела не совали бы нос...»

Быстро распахивается дубовая дверь подъезда; за стеклом кареты показывается красная ливрея дворцового лакея; и – треуголка; лакей в красной ливрее распахивает каретное дверце; из распахнутого подъезда появляется лакей в сером с золотыми галунами на отворотах; и – делает знаки кучеру; за ним быстро выбегает Аполлон Аполлонович Аблеухов в черном пальто и в высоком черном цилиндре, с серо-зеленым лицом, напоминающим пресс-папье, с двумя малыми, белыми бачками, с оттопыренными ушами; остановившись на нижней ступеньке подъезда, натягивает он на руку черную лайковую перчатку, держа под мышкою черный портфель; он бросает мгновенный, растерянный взгляд пред собой, по бокам, на прохожего ротозея-чиновника, испуганного его появлением и стоящего с открытым ртом навывтяжку перед сенатором; потом Аполлон Аполлонович стремительно бросается в карету, точно спасаясь в бегство от прохожего ротозея; он быстро усаживается на мягких, черных подушках кареты; и сидит в профиль от зрителей, прямой, как палка; красный выездной лакей в треуголке стремительно запахивает каретное дверце; в окне кареты

---

^е Далее было: этот

^ж Было: да разглядывает себя в зеркало.

^з Было: Сам-то – не знает?

^и Было: Не знает.

^к Было: в кучерах

видно, как захлопывается подъезд; карета трогается, т. е. подъезд проходит направо; и все там мутнеет; слышно цоканье копыт, окрики кучера, гул голосов; силуэт Аполлона Аполлоновича четко вырезан на фоне стекла; Аполлон Аполлонович сидит без движения, рисуя контуром лишь прямые углы; перпендикулярно к коленям он ставит портфель, сжимая его черными своими руками; в окне — ничего не видно; там плывут лишь серые клубы; а из капелек дождя возникает тихая, мрачная музыка; из музыки в свою очередь поднимается невидимый четкий, сухой, металлический голос.

Г о л о с: «Ваши превосходительства, высокородия, высокоблагородия, благородия!..^а Что есть Русская Империя наша?

Русская Империя наша есть географическое единство, что значит: часть известной планеты. И Русская Империя включает: во-первых — великую, малую, белую и червонную Русь; во-вторых — грузинское, польское, казанское и астраханское царства; и — прочая, прочая, прочая.

Русская Империя наша состоит из множества городов: столичных, губернских, уездных, заштатных; и — далее: из первопрестольного града и матери градов русских; град первопрестольный — Москва; и мать градов русских есть Киев.

Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер (что — то же) — подлинно принадлежит Российской Империи. А Царь-Град, Константиноград, или, как говорят, Константинополь, принадлежит по праву наследия.

Прочие русские города представляют собой деревянную кучу домишек; и разительно от них всех отличается Петербург. Есть в Петербурге бесконечность бегущих проспектов с бесконечностью бегущих пересечений; весь Петербург — бесконечность проспектов, возведенная в энную степень».

---

^а *Было:* благородия, огородия, родия, одия, дия, ия, я!..

При этих словах в окне кареты вырисовывается серая плоскость, излинованная в пашку черными линиями.

«За Петербургом же – ничего нет!»

При этих словах в окне кареты просовывается рука, протыкающая пальцем излинованную плоскость и продирающая в ней дыру; дыра зияет черным отверстием; голос замолкает; вновь слышна жуткая музыка; в окне бегут клубы; они проясняются; музыка обрывается; проступает гул большого города; в окне вырисовываются прохожие; мелькание в окне медленнее; очевидно, – карета останавливается; гул автомобильного рожка; и крики газетчиков.

Крики: «Биржевые Ведомости»!.. «Новое Время»!.. Петиция тверского земства... Вот – «Новое Время»... Речь Родичева... Забастовка на сызрано-вяземской железной дороге... Проект реорганизации полиции... Речь сенатора Аблеухова... Вот – «Биржовка», «Биржовка»...^м «Патронов не жалеть»... Покушение на губернатора... Земский Собор... «Биржовка»...

Аполлон Аполлонович протягивается к окну, опускает стекло кареты; громче врывается гул голосов; он вытягивает голову из окна кареты; и бросает кучеру сердито и сухо.

Аполлон Аполлонович. Ну – что ж, так и все?

Голос кучера: «Не пропускают, ваше высокопревосходительство, – похороны...»

Аполлон Аполлонович недовольно поднимает стекло кареты и жует губами; в окне видно скопление голов, обращенных в одну сторону; головы снимают шапки и все крестятся; Аполлон Аполлонович – тоже на минуту в карете снимает цилиндр; слышно отдаленное пение: «Со святыми упокой»;^н Аполлон Аполлонович собирается уже надеть цилиндр,^о как в окне кареты к самому стеклу прижимается иссиня-белое лицо Александра Ивановича Дудкина; видно, что глаза его впиваются в глаза Аполлона Аполлоновича Аблеухова; на лице же мгновенно отображается лютая ненависть; и видно, как одновременно Александр Иванович Дудкин и сенатор, впившиеся глазами друг в друга, – отдергиваются друг от друга; сенатор роня-

^м *Далее было начато:* Приказ Воен<ного> <Министра?>

^н *Далее было:* пение вскоре же обрывается

^о *Было:* шляпу

ет портфель и делает обеими руками жест, отстраняющийся от Александра Ивановича, в то время как корпус его откидывается к стенке кареты назад, а лысая голова поворачивается к зрителям с расширенными от ужаса глазами; руки же Александра Ивановича^а тоже взлетают; в одной руке – узелок; рука делает стремительный, дикий зигзаг; и все – пропадает; карета трогается; окно заволакивает туман; Аполлон Аполлонович медленно успокаивается, он надевает цилиндр, принимая прежнюю позу; в окошке вырисовывается успокоительная фигура: квадрат; слышна та же мрачная музыка; скоро в окне – проясняется; слева направо^в wpłyвает подъезд Учреждения; дверь подъезда распаивается; оттуда выходит старый швейцар с булавой, в треуголке и открывает каретное дверце; Аполлон Аполлонович стремительно выскакивает из кареты; каретный квадрат проходит влево; черная занавеска раздвигается ровно настолько, чтобы обнаружить подъезд черно-серого казенного здания в стиле ампир; видно, как Аполлон Аполлонович стоит на фоне черно-серого подъезда с распахнутой дверью перед старым швейцаром с булавой, запыхавшись и рукою придерживаясь за сердце; в то же время видно, как слева направо перед черною занавеской проходят два силуэта: большой, толстый, в котиковой шапке с наушниками, с огромной выдвинутой челюстью; другой – худенький, маленький и сутуленький с жалкою бороденкою, точно из псиной шерсти; у обоих – серого цвета пальто; оба выглядят из-за черной занавески на кусок сцены; это – Липпанченко и Морковин.

Швейцар с булавой. Ваше высокопревосходительство... Запыхались: все бегаєте, как маленький мальчик-с.

Аполлон Аполлонович (*с лицом, изморщившимся в гримасу*). Скажите, пожалуйста... Ме-ме-ме-ме... муж графини – кто будет?

Швейцар (*с лицом, подобострастно расплывшимся в улыбку, предвкушающей каламбур*). А какой-с, я позволю спросить?

Аполлон Аполлонович (*хватаясь за нос*). Нет, – просто графини.

Швейцар (*с нарочно подчеркнутым недоумением*). Граф-с?

Аполлон Аполлонович (*отрезывая*). Графин. (*Быстро пробегает в подъезд.*)

^а Было начато: руки же незнако<мца>

^в Далее было: в окно

Швейцар (*бежит за ним*). Хе-хе-хе-с.

Дверь подъезда захлопывается: раздается далекий глухой пушечный выстрел.

Прохожий (*прохожему*). Пушка ударила.

Прохожий (*прохожему*). Полдень.^с

Изредка пробегают прохожие; Липпанченко и Морковин выходят по черной занавеске на кусок сцены и стоят, серые, на черно-сером фоне подъезда.

Морковин. Гм... Здесь...

Липпанченко. Так я и думал.

Морковин. Какие же приняли меры вы?

Липпанченко. Там, в ресторанчике, я посадил человека.

Морковин. Гм... Придется... Гм-пчхи... Пожелать вам успеха...

Липпанченко. Не беспокойтесь, предприятие поставлено, как часовой механизм...

Морковин. Гм...

Липпанченко. Что такое?

Морковин. Проклятый насморк: не слышу.

Липпанченко (*крича в ухо*). Я вам говорю: предприятие это поставлено, как часовой механизм – со всеми трюками;^т ваш Департамент весьма удивится: предвидено все; роли – розданы: Аполлон Аполлонович, Николай Аполлонович, Александр Иванович, Софья Петровна; инсценировка – моя; и Россия – партер.

Морковин (*недоверчиво*). Слушайте... Чхи!.. Положительно нехватает платков.

Липпанченко. Что?

Морковин. Да насморк проклятый... Я вот – говорю: может быть, увеличить вам жалованье?

Липпанченко. Артист я.

---

^с Было: Полдень уже.

^т Далее было: и постановками;

Морковин (*бормочет*). Своего рода... Чхи...

Липпанченко. Что?

Морковин. Лечусь сальной свечкой.

Липпанченко. А я говорю: все – по действиям; действие первое – узелок: заготовлен, отдан и будет снесен; действие второе – история с «Домино»: использована.

Морковин. Гм-гм: сальная свеча – прекрасное средство от насморка; вечером ноздрю смажешь, – к утру: рукой сняло.

Липпанченко. Не перебивайте: действие третье – мой финиш, который продуман высокохудожественно; и называется он: «Кукиш с маслом». Вот все удивятся: ха-ха...

Морковин (*недоверчиво*). Слушайте: а вы с художеством вашим не простреляете? Помните – Департамент Полиции ждет.

Липпанченко. Слушайте: вы-то не спутайте сами; ведь вот уже пишут газеты о «Домино»; мне не на руку это... Не вмешивайтесь...

Морковин (*с любопытством*). И что ж, – Николай Аполлонович дал действительно обещание партии?

Липпанченко (*перебивая его*). Тсс! Идет – с узелком: в ресторанчик; за... за... за инструкцией.

В это время в открытый кусок сцены входит Александр Иванович Дудкин; и медленно проходит справа налево; у него в руке узелочек; две прохожие барышни оборачиваются на него.

Одна барышня (*другой*). Какой жуткий...

Другая (*первой*). Такое лицо я видала в Москве, – в часовне великомученика Пантелеймона. (*Проходят.*)

Липпанченко. Ну, – мне пора.

Морковин. Куда вы, – за ним?

Липпанченко. А ну как же... Лечитесь же сальной свечкой.

Проходит на сцену и исчезает; Морковин проходит в подъезд казенного здания; прохожие, редкие, идут справа налево и слева направо; два рабочих останавливаются у подъезда и говорят друг с другом.

Первый рабочий (*второму, кричит*). Рабочие дни... А? Рабочие деньги; на десять рабочих – указчик; указчику – рупь, нам – полтина; а девушек – от рабочих административная... Нет, – довольно нам раболепствовать...

В это время к подъезду казенного учреждения подходит, очевидно, писец с красным носом и с папкой бумаг; у него фуражка с кокардой; останавливается на подъезде и слушает, что говорит рабочий; не выдерживает, и – бросает рабочему.

Писец. Этот квас не про вас... Ты работаешь – как? (*Сердито*.) Забаклушничал, забаламутил, забарабанил, забарчил.

Рабочий (*с ожесточением*). Часы урочные, сверхурочные...

Писарь. Значит, работаешь зря.

Рабочий. На чугунном заводе работаю десять лет;^у над выплавкою с перекалкою не распляшешься около доменки. Руки – изъедены: вот (*Сует руки*.); бесправные роты рабочие... Уж^о им покажем.

Писарь. Сам знаю, что – охальник: что затеял? А знаешь ли, – забастовка есть вредная операция.

Товарищ рабочего (*сердито писарю*). Бросьте вы каверзить, карапызиться, каркать над нами.

Из подъезда выходит швейцар с булавою и с любопытством смотрит на сцену.

Рабочий (*рабочему*). Пойдем подобра-поздорову: кавыки... (*Уходят*.)

Писарь (*показывая швейцару на спины рабочих*). Нааукали гудки нам беды. (*Проходит в подъезд*.)

---

^у Было: десять уж лет

^о Было начато: Вот

Швейцар (*глядя вслед рабочим*). **Забастовщики**. (*Проходит в подвезд.*)

Некоторое время молчание: идет дождь; проходят прохожие; слева направо идут под руку: Софья Петровна с курсисткою, Варварой Евграфовной; справа налево навстречу им идет Николай Аполлонович Аблеухов в^х серой николаевской шинели, представляя нелепую и смешную фигуру безрукого; Софья Петровна, увидев Николая Аполлоновича, прижимается к Варваре Евграфовне и поворачивает голову с испуганными глазами от Николая Аполлоновича; Варвара Евграфовна смотрит себе под ноги, не видя Аблеухова; Николай Аполлонович бредет в совершенной рассеянности с выпученными губами, сутулясь и протянув вперед голову; судя по нему, можно сказать, что он ничего не видит, не понимает; но пропустив мимо себя Софью Петровну, он оборачивается и смотрит ей в спину с неприятнейшей улыбкой; Софья Петровна – поворачивается на него, чуть-чуть вскрикивает и тотчас же отворачивается, проходя; Николай Аполлонович долго ей смотрит вслед с тою же неприятной улыбкою.

Проходящая дама (*своему кавалеру*). **Смотрите: урод.**^ч
(*Проходят.*)

Кто-то, проходя, толкает Николая Аполлоновича; он, очнувшись, поворачивается и проходит; идет мешаночка с кавалером.

Мешаночка (*кавалеру*). **Ну какой вы медуза!** (*Проходят.*)

Черная занавеска опускается; опять слышна музыка, живописующая лейтмотив Петербурга; черная занавеска приподымается: большой, холодный кабинет Учреждения, где работает Аполлон Аполлонович Аблеухов; белые, глянцевитые стены;^к прямо – большие закрытые белые двери; на левой стене – портрет^л фон Плеве; у правой стены огромный зеленый стол; на столе – несколько толстых томов; и – папки бумаг; с левой стороны стола поставлен телефонный прибор; за столом^м огромное кожаное, черное кресло; у стен несколько таких же кресел; перед столом – такое же кресло; в кресле, боком к публике^н сидит Аполлон Аполлонович Абле-

^х *Далее было:* шинели

^ч *Было:* каков урод

^к *Далее было начато:* белая дверь; *впере<ди>*

^л *Было:* большой портрет

^м *Было:* перед столом

^н *Было:* в кресле, перед столом

угов с напряженной жилою, низко склонив лысую голову над бумагами; перед ним в подобострастной позе стоит Николай Эрasto-вич Вергефден, в форменном мундире и с шейным орденом; в кресле для посетителей сидит старый полный чиновник в форме, со звездой на груди. Аполлон Аполлонович что-то пишет на бумаге; потом откидывается,^м строго смотрит на чиновника со звездой и опять опускает глаза.

Аполлон Аполлонович (*холодно*). Так – вот-с... Подайте прошение по форме в законами установленном порядке.

Чиновник (*подобострастно*). Ваше высокопревосходительство: но у него формуляр.

Аполлон Аполлонович (*не поднимая глаз*). Что? Нечист?

Чиновник. Нет-с, помилуйте, я не то хотел выразить.

Аполлон Аполлонович (*перебивая чиновника, встает^б из-за кресла – холодный, прямой, как палка; и с мертвою ледяною любезностью подает бумагу чиновнику со звездой*). Так вот-с, ваше превосходительство, поступайте,^в как я сказал.

Трещит телефон; Аполлон Аполлонович, стоя, хватается за трубку: ледяным мертвым голосом бросает в телефон.

Аполлон Аполлонович (*в телефон*). Что?.. Дело об Ухтомских Ухабах?.. Не слышу... За номером 5065... (*Бросая Вергефдену.*) Дело номер 5065: справку... (*В телефон.*) Да: да, да.

Вергефден (*роясь^в в папке, которую он держит под мышкою*). Есть: подписано.

Аполлон Аполлонович (*в телефон*). Есть: будет послано. (*Не опуская трубку телефона, протягивает^г два пальца чиновнику со звездой, все время стоя ожидавшему этих пальцев, и*

^м Было: потом холодно подымается и

^б Было: вдруг встает

^в Было: поступайте так,

^г Было начато: бросаясь к

^д Далее было: не глядя

сухо кидает.)^{Па} Мое почтенье. (Чиновник со звездой на цыпочках выходит; Аполлон Аполлонович садится в кресло, не глядя на Вергефдена, и опускает лысую голову над бумагами.)

Вергефден (почтительно). Следующего?

Аполлон Аполлонович (не отвечая и не глядя на него, подает ему папку с подписанными бумагами и опять погружается в чтение бумаги, подписывает ее; и уже потом отвечает). Нет, бездокладных повремените.^б (Берет новую бумагу и рассматривает, делая пометку.) Дать ход... (Из-за бумаги к Вергефдену.) Приготовьте запросы гражданской палаты за август.

Вергефден. Слушаю, ваше высокопревосходительство. (С папкой под мышкою отправляется к двери на цыпочках; кладет руку на дверь.)

Аполлон Аполлонович (не глядя на Вергефдена, бросает ему). Сколько там?

Вергефден. Да, человек десять...

Аполлон Аполлонович (*сухо*). Пусть подождут...

Вергефден. Слушаюсь.

Аполлон Аполлонович (*не отрываясь от бумаги*). Да вот еще... Ме-эмме.... Тут – знаешь-тили – прибудет чиновник из Департамента Полиции... Так принять. (*Вергефден уходит. Трещит телефон; Аполлон Аполлонович, хватаясь за трубку – в телефон.*) Что?.. Не слышу... Опять? (*Вдруг с негодованием.*^в) Э, да что же вы, батюшка, как же вы, батюшка: нет-с, ваше сиятельство; я человек школы Плеве; и этот фортель не пройдет-с... Так им и скажите: скажите... Да: нет. (*Бросает трубку, погружается в бумаги, перебирает их.*) Гм... Просьба, просьба и просьба... Ага?.. Вот так штука... (*Бросает бумаги, поднимается и начинает ходить наискось кабинета, заложив руки и бормоча.*) Нет – расширились и узнали... Взгляд – знакомый... Да, да, знаешь-тили, сударь мой, Аполлон Аполлонович. (*Вдруг круто*

---

^{Па} Далее было: Так вот-с...

^б Было: Нет, бездокладных не принимать.

^в Было начато: Вдруг с невыразимым

останавливается, трет лоб;¹ глаза его со страхом расширяются.)
Да-с: видел, видел... Не может быть: очень странно. (Бросается к столу, усаживается и склоняет лысую голову над бумагами; трещит телефон; прикладывает трубку и долго слушает.)
Нет... Хорошо... Подпишу. (Бросает трубку и утыкается в дела. Дверь отворяется и входит Вергефден.)

Вергефден. Ваше высокопревосходительство, там — граф Лейден...

Аполлон Аполлонович (торопливо). Просите сюда... (Вергефден уходит; на лице Аполлона Аполлоновича скользит что-то мягкое; он вытягивает шею и выжидательно смотрит на дверь; в двери появляется благообразный старик лет семидесяти с длинными белыми бакенбардами, в черном сюртуке; во всем облике что-то старомодное.)

Граф Лейден. Гоните, гоните меня, Аполлон Аполлонович...

Аполлон Аполлонович (расплываясь доброю старческой улыбкою, идет из-за стола к графу Лейдену). Пожалуйте, очень рад: садитесь... Что скажете? (Трещит телефон; Аполлон Аполлонович — в трубку.) Ага: департамент девятый? Да неужели? Опять: а вы составили смету?.. Ну да же. (Кладет трубку не на телефонный прибор, а рядом с собой.) Дела-с...

Граф Лейден. Я вам мешаю?

Аполлон Аполлонович (глядя на часы). Да нет-с, Генрих Людвигович, присутствие, собственно говоря, уже кончено; там несколько просителей — подождут; вот я снял телефонную трубку, чтоб нам не мешали... Что скажете вы?

Граф Лейден (с иронической улыбкою). А что скажете вы? Восстание, гибель России?..

Аполлон Аполлонович (с большой выдержкой). Да нет-с, — отчего: просто, там себе донесения из провинций; а впрочем.

Граф Лейден. Впрочем — нехорошо: доплясались!

---

¹ Было: трет голову

Наступает большая пауза: граф Лейден смотрит на Аполлона Аполлоновича строгими, соболезнующими глазами; Аполлон Аполлонович смотрит на него сперва не без озорства, но потом вдруг лицо его принимает растерянное старческое выражение; он сутулится и растерянно разводит руками.

Аполлон Аполлонович. Да, — я издряхлел.

Граф Лейден. Но объясните же мне, грунт дайте мне, — а не это поверхностное альфреско: для авансены; что — плохо?

Аполлон Аполлонович. Да — нет-с: ничего. *(Вдруг отчаянно махнув рукой.)*

Граф Лейден. Вас прочат в министры.

Аполлон Аполлонович *(с насадой)*. Пора мне в отставку.

Граф Лейден. Так: государствовать не хотите?

Старики долго глядят друг на друга.

Граф Лейден. Так-с...

Аполлон Аполлонович. Да, вот.

Граф Лейден. А вы знаете что?^а Не в моих правилах давать вам консилиум; все-таки... Я на вашем бы месте ушел, хотя вы популярнейший в сферах чиновник.

Аполлон Аполлонович *(с мрачной иронией)*. За исключением Коншина.

Граф Лейден. Кого?..

Аполлон Аполлонович *(с той же иронией)*. Его подпись вы носите на кредитных билетах.

Граф Лейден. Не акцентулируйте равнодушия, старый друг.

Аполлон Аполлонович *(пылко)*. Но вот если уйду я в отставку *(с растерянностью разводит руками)*, я — умер.

Граф Лейден. Умерли?

Аполлон Аполлонович *(с мрачным старческим глумлением над собой)*.^б Остается — автобиография: год рождения, год кончины, — глухая могила.

^а Далее было начато: Я бы вам посове<товал>

^б Далее было начато: Год рожд<ения>

Резко приваливается локтями к столу, сжимая пальцы пальцами.

Граф Лейден. Умерли не вы, а – режим: абсолютист, – салютуете смерти режима известнейшим лозунгом: «*Morituri te salutant*»*.

Аполлон Аполлонович (*вскакивая и прохаживаясь*). Я... ме-ме... разобрал, разложил: и давно так решил.

Граф Лейден. Эти ваши абстракты оставьте.

Аполлон Аполлонович (*подходя к графу Лейдену и вытирающая глаза*). Что прикажете, коли там (*указывая рукою в пространство*) – непонятно.

Граф Лейден (*задумчиво*). У нас с вами, может быть, потускленье глазного хрусталика.

Пауза.

Аполлон Аполлонович. Государство, четырнадцать классных чинов, семья, дом, куб комнаты, жизнь обывателя (*со страхом*) – понимаешь-тили: непонятно! (*Настойчиво*.) Да-с, да-с: темновато.

Граф Лейден (*с мягкой иронией*). Как видно, у вас с планиметрией пошли нелады: обратитесь к катоптрике.

Аполлон Аполлонович (*разводя руками*). Не понимаю!

Граф Лейден. Нет, – поняли: теперь. (*Добродушно*.) Ах, вы, – апостат!

Аполлон Аполлонович (*горячо*). Генрих Людвигович, я вот размышляю на эту тему – в присутствии, в стенках кареты, особенно в кабинете задумчивости; в конце концов – и нет ничего. (*Помолчав*.) Мы – линуем, планируем в неизвестности: знаешь-тили, – на клоаке (*со странным вдохновением*); вот дверь распахнешь, и не будет тебе там просителей, залы, столицы, а будет – клоака, куда надо кинуться: в атмосфере двухсот семидесяти трех градусов холода, – знаешь ли, тили, – хи-хи-хи...

---

* «Обреченные на смерть тебя приветствуют» (*лат.*).

Граф Лейден. Однако: телескопические прогнозы.

Аполлон Аполлонович (*с надсадой*). А вы говорите – отставка; ведь это же значит, – кинуться: в жизнь обывателя.

Граф Лейден. Или в клоаку? А что же так – лучше? Планировать над клоакою и размножать здесь параграфы? Вы простите меня, старый друг, – часто я о вас думаю: вот сидит Аполлон Аполлонович в кабинете, с напряженной жилою, заложив нога на ногу, дует параграфом, совокупленьем крючков, – прямо в нас; холодочки бегут по нетопленным залам; и – люди ропщут: «Ветрище!» А на окраине собирается ураган... Ну совсем Аквилон Аполлонович.

Аполлон Аполлонович (*вставая после молчания*). Ведь придется сознаться, что сколько ни тщись, а... а... ме-эмме (*иронически*): пошел прокламационный тон; я себя последнее время отчаянно чувствую: я себя чувствую костяком, от которого...

Граф Лейден (*перебивая*). Отвалилась Россия? Да?.. И мой совет вам: не берите поста, уходите-ка, уходите в отставку.

Аполлон Аполлонович (*с недоумением*). Или случилось там что-нибудь – ме-эмме (*показывая на лоб*)... Улетучился гений?

Граф Лейден. Анаморфоза сознания.

Аполлон Аполлонович. И потом: не там что-нибудь – там; я же знаю; я все равно слечу – завтра.

Граф Лейден. На конституцию вы не пойдете, а конституция – вопрос дней.

Аполлон Аполлонович (*надув щеки и выпуская воздух, обиженно*). Ну это... это... знаешь-тили... положим...

Граф Лейден. Да не «положим»: положено – фатумом.

Аполлон Аполлонович. Не веселые перспективы *(разводя руками)*: сидеть вот тут вот.

Граф Лейден. Выходите в отставку.

Аполлон Аполлонович. Не веселые перспективы – замкнуться там, у себя, на Гагаринской: там так мало топят.

Граф Лейден. Велите топить квартирмейстеру, уезжайте в деревню.

Аполлон Аполлонович *(с испугом)*. Нет, – дальше от этих полян; здесь – все-таки...

Граф Лейден. У вас, говорят, сын философ: есть смысл, так сказать...

Аполлон Аполлонович *(морщась)*. Что ж, что сын?

Граф Лейден. Этим сказано все.

Аполлон Аполлонович. Сын... ме-ме... Сын – чужой; разговоры с сыном *(с усталостью)* – хирургические акты какие-то... Вырос *(барабанит пальцем по столу)* какую-то посторонней *(пылко)* фигурой... в нагноениях лет!

Граф Лейден. Ого? Вы повергли в печаль меня.

Аполлон Аполлонович. Вы говорите^{*} – отставка... А что отставка? Куда отставиться? На Гагаринскую? В холодные стены домашнего, так сказать, очага?³ Видеть в окнах пространства воды? Там – лед, лед; здесь же *(указывая на лоб)* всё какие-то праздные игры: живешь у себя в голове, так сказать, пробегая к ни с чем не сравнимому месту извилиной мозга, встречая в извилине, так сказать, Николая Аполлоновича с игрой мозговыми. *(Молчит и жуёт губами, недоуменно глядя на графа Лейдена.)*... Вот Анна Петровна на старости лет, так сказать... *(ищет слов)* в Толедо поехала... *(Помолчав.)* Хорошо, что вы есть холостяк... *(Помолчав, бегаёт.)* Девуш-

* Было: Вы говорили

³ Далее было начато: Там

ка: а через тридцать лет – что? Или – вздыхатель: а через тридцать лет – старый астматик. В промежутке – деторождение... (С недоумением.) Что ж из всего вырастет? (Нет ответа.) Да ужас! (Пауза.) И – вырос ужас. (Пауза.) Надо было приняться за воспитание ужаса, очеловечивать ужас... А мы... ме-эмме...^н – Анна Петровна и я – разбежались от ужаса; я – управлять Департаментом, а Анна Петровна (в забывчивости) удовлетворять полов... (поправляясь^к) срывать цветы жизни в Толедо... Я знаешь-тили там по комнатам годы бегая, размышляю... ме-ме: и – пришел к заключению, что домашний очаг – только сток человеческой мерзости... (Патетически.) Вот – мой домашний очаг!..

Граф Лейден (с участием). Еще не поздно: займитесь вы сыном.

Аполлон Аполлонович (ожесточенно). Вы мне предлагаете, знаешь-тили, – заняться... хи-хи-хи... очисткою Авгиевых конюшен...

Граф Лейден. А что? Так уж плохо вам... с сыном?

Аполлон Аполлонович (с ужасом расширяя глаза). Да там... всякие кантонисты к нему стали бегать... (Махая рукою.) Да что!.. Куда же^л – отставка-то?.. Видеть лживый, моргающий глаз: воровской, перепуганный? По оставлению государственной службы замкнуться? И жизнь ограничить одним коридором? И шлепать там туфлями? (С ужасом.) Что же останется?.. (Поднимает брови.) Отправление органических^м функций; застенная, с позволения сказать, жизнь... сына... Ночью, откинувши одеяло, в испарине буду высовывать голову, задыхаясь от сердечных толчков. (Оба старика грустно опуска-

---

^н Далее было: разбежались

^к Было начато: опомнив<шись>

^л Было: А <?> вы там –

^м Было: государственных

ют голову; Аполлон Аполлонович садится в кресло.) В старости разжижается человеческий мозг, — да: и платина плавится. (*Саркастически.*) Что ж тогда буду я — на <го>рящем фоне Российской Империи? Геморроидальный старик, — непробритый, нечесанный, потный, в халате с кистями? Со слабоумною суетою я буду выкидывать в ухо остроты, влачась в кабинетик — растоптанным шлюпиком, ме-эмме...

Граф Лейден (*после долгого молчания.*)

Пора, мой друг, пора: покоя сердце просит.
Бегут за днями дни... И каждый день уносит
Частицу бытия... А мы с тобой вдвоем
Располагаем жить. А там — глядь, и умрем.

Граф Лейден задумывается. Аполлон Аполлонович с раздражением кидает телефонную трубку на аппарат: аппарат начинает тотчас трещать; Аполлон Аполлонович принакает ухом к трубке, и лицо его принимает вновь строгое, подтянутое, непроницаемое выражение.

Аполлон Аполлонович. Не прислали?.. Как... Ничего не понимаю... Подписано же... Министр внутренних дел?.. Так ведь... 5065 говорите?.. Сейчас. (*Протягивает руки к звонку, звонит.*)

Граф Лейден (*вставая.*) Пойду... Не вставайте... Я скоро буду у вас...

Аполлон Аполлонович (*не отрывая трубку от уха, рассеянно протягивает графу Лейдену два пальца; в дверь входит Вергефден; граф Лейден уходит; к Вергефдену с неприятнейшим раздражением.*) Как же это, знаете ли, вы?

Вергефден. Ваше высокопревосходительство?

Аполлон Аполлонович. Дело об Ухтомских Ухабах... 5065... Да там — изъян-с, в деле, батюшка... Не подшита бумага...

Вергефден. Ваше высокопрев...

Аполлон Аполлонович (*в телефон.*) Хорошо... (*Бросает трубку.*) Извольте справиться: отношение Воро-

нежской Судебной Палаты... А так же... сенатское разъяснение... Чтобы все там нашлось...

Вергефден. Будет сделано^н... Там чиновник вас спрашивает. Департамент Полиции.

Аполлон Аполлонович (*перебивая*). Ага: туда.
(*Показывает на левую дверь.*)

Вергефден. Я уже^о...

Аполлон Аполлонович. Ага.

Аполлон Аполлонович быстро встает и проходит в дверь налево; Вергефден идет в дверь прямо; <отк>рывает ее; за дверью неясно видно, как поднимаются с места просители; кто-то под флером в глубоком трауре что-то убедительно просит Вергефдена; <Вергефд>ен разводит руками.

Вергефден. Никак не могу: подождите.

Видно, как к Вергефдену разлетается чиновник в форменной одежде и в орденке и что-то, улыбаясь, ему шепчет; чиновники входят в кабинет Аполлона Аполлоновича и приводят в порядок бумаги на столе.

Вергефден. Сегодня он зол, как... как... бес...

Чиновник. Подает всем два пальца...

Вергефден. Зол и напуган.

Чиновник. Перепугаешься... Вы не читали еще донесение Иванчи-Иванчевского?

Телефон трещит; Вергефден берет телефонную трубку.

Вергефден (*в телефон*). Нет... Занят... Повремените... Что?... Ай-ай... (*Кладет трубку; к чиновнику.*) Да, будет теперь бумажная канонада...

Чиновник. Ломается колесо механизма.

Вергефден. Брешь — обнаружена.

Чиновник. А писцы^п — сидят так же;^р и Гоголь сказал бы: «Какое кипучее и могучее производ-

^н Было: Будет исполнено

^о Было: Он там

^п Было начато: Я тут прохожу

Далее было: всё

^р *Далее было: и перьями водят;*

ство»... Послушайте: будете вы у Цукатовых – после-завтра?

Вергефден. На бале? А – как же...

Чиновник. Вы сегодня вечером – где?

Вергефден. У Лихутиных.

Трещит телефон; чиновник уходит в дверь – прямо; Вергефден идет к телефону и бросает в трубку: «Его нет... Занят... Повремените...» Тоже уходит в дверь – прямо; из двери налево показывается Аполлон Аполлонович; за ним – Морковин.

Морковин. Я позволю себе, ваше высокопревосходительство, только один вопрос:^с стало быть, видели вы сего странного разночинца не более пяти раз?

Аполлон Аполлонович (*трет переносицу*). Да, не более.

Морковин. Так его признаки, говорите вы...

Аполлон Аполлонович^г. Да... я лица не заметил... Но...^у усики... черные...^ф И глаза (*Вдруг озабоченно*). Гл<а-за,> знаешь-тили... расширились... А в руке держал узелок... (*После паузы*). Да-с: и меня узнал... Я узнал... там стоял перед домом: и в окно смотрел... так же вот: угрожающе.

Морковин. А потом его видели вы у подъезда – здесь?

Аполлон Аполлонович. Да... И еще где-то... быть может... А впрочем...

Морковин. Вы не припомните... Выше высокопревосходительство... Это так ведь существенно.

Аполлон Аполлонович (*трет себе переносицу, как бы соображая, сделать ли ему еще одно признание*). Ме... представьте себе... Ме-ме-ме... Так и всё... Может быть, – видел я у себя на дому. Как-то – спускаюсь по лестнице... Сын

^с Далее было: так вы, стало быть,

^г Далее было: (*задумывается*)

^у Было: Да... лица я особенно не заметил... Да...

^ф Далее было: Глаза...

мой — знаешь-тили, разговаривает в передней... Ме-ме... О знакомствах Николеньки я... не осведомлен: не заинтересовался ниско<лько> я личностью незнакомца... Так всё... Он глядел там с усиками... и с такими же точно глазами (*задумывается*)... как будто... А, может быть, — память мне изменила... И просто представилось... Нет, вы — знаешь-тили — я ошибся...

Морковин. Вы, ваше высокопревосходительство, не извольте беспокоиться: меры приняты будут...

Аполлон Аполлонович (*протягивая два пальца Морковину*). Да... там... и всё...

Морковин, отвечивая подобострастные поклоны, выходит; Аполлон Аполлонович подходит к столу, нажимает звонок; в комнату входит Вергефден.

Аполлон Аполлонович (*бросая Вергефдену*). Следующего, — кто там.

Вергефден выходит; трещит телефон; Аполлон Аполлонович подходит к прибору, берет трубку,^{*} садится в кресло, прикладывает трубку к уху; дверь отворяется: в комнату^а входит морщинистая женщина: на ней черная юбка^б, черная кофта, черная шляпа, черная вуаль, покрывающая лицо, плечи, руки; руки в черных перчатках сжимают прошение; черные глаза ее жалостливо вперены в Аполлона Аполлоновича, который, не видя ее, бросает в телефон.

Аполлон Аполлонович (*в телефон*). Что, я не понимаю?.. Что, я не понимаю?.. Не понимаю же... Покушение? (*Лицо его принимает вдруг выражение неподдельного страха*.) Как?..

Черная женщина все стоит у двери и смотрит с глубоким соболезнованием на Аполлона Аполлоновича; Аполлон Аполлонович бросает трубку и поворачивает голову к черной женщине; лицо его делается непроницаемым; сухо он ее приглашает к столу; черная женщина нерешительно подходит к столу.

---

^{*} Далее было: прикладывает ухо

^а Далее было: входит старуха:

^б Было: шляпка

Аполлон Аполлонович (*прямой, как палка, бросает*).
Чем могу вам служить?

Черная женщина (*плача, протягивает бумагу*). Ваше
высокопревосходительство — смерть... (*Запинается; Аполлон Аполлонович бесстрастно и сухо внимает, прямой, как палка.*)
Имеет права свои.

Аполлон Аполлонович с тем же мертвым бесстрашием берет
бумагу.

З а н а в е с

Картина третья

При открытии занавеса виден разрез части дома Аблеуховых; на авансцене часть продольного разреза одной из зал дома;^a стены облицованы белым камнем, паркетный пол; посередине дугообразный проход на балюстраду, возвышающуюся за залом над передней; видна площадка перед балюстрадою и две белых колонны; видно, что оттуда площадка обрывается лестницей, спускающейся к передней; видно узкое пространство между колоннами балюстрады и стенами; в глубине сцены видна стена передней с окном, приходящимся, очевидно, над входною дверью; справа и слева от окна смутно видны: два железных щита и на них перекрещенные литовские сабли; тон стен – серо-фиолетовый^b; этот кусок передней открывается за балюстрадою. Справа и слева от прохода на балюстраду два овальных прохода в^в начало двух комнат; одна, правая создает впечатление всего синего; другая, левая – всего зеленого; правая комната ведет в ряд парадных комнат; левая – в апартаменты Николая Аполлоновича; в правой комнате виден ряд фарфоровых безделушек на этажерке; виден инкрустированный столик, окруженный креслами ампир; в левой, зеленой, видны низкие^г пуфы, диван, столик; проходы в синюю и зеленую комнаты отделены от прохода, ведущего на колонную балюстраду двумя довольно узкими простенками; в простенках стоят два белых, алебастровых столбика; на столбиках алебастровые головы Платона и Аристотеля; овальные проходы в синюю и зеленую комнаты изнутри могут быть занавешиваемы золотисто-желтою, тяжелою завесью. При открытии занавеса видно, что луна освещает разрез зала и видные пространства синей и зеленой комнаты; наоборот: передняя освещена, освещена и балюстрада; на перилах балюстрады сидит лакей, прислонясь к колонне; и слушает, гля-

---

^a *Далее было начато: белые стены*

^b *Было: серо-зеленый*

^в *Далее было: две комнаты*

^г *Было: маленькие*

дя вниз; снизу, из передней слышно чтение швейцара, очевидно «Биржовки».

Голос швейцара: «Дневник происшествий. Девятое октября. Со слов курсистки Н. Н. мы печатаем об одном чрезвычайно загадочном происшествии. Поздно вечером пятого октября проходила курсистка Н. Н. у Цепного Моста; у моста курсистка Н. Н. отметила необычное зрелище: над каналом у моста стояло красное домино; на лице домино была черная маска. Отметим, что это уже третий случай явления неизвестного мистификатора на улицах Петербурга. Полицией приняты меры для разоблачения мистификации».

Во время чтения в синей комнате вспыхивает свет; и появляется мальчик лет шестнадцати в лакейской форме; он подходит к инкрустированному столику и берет корреспонденцию, лежащую на подносике, читает и разглядывает письма, чихает; при этом звуке лакей, сидящий на перилах, поднимается с перил, идет в зал и заглядывает в синюю комнату.

Лакей (мальчику). Что ты, пострел?

Мальчик. Утром писемщик сказывал, будто барину письмоцо из Гишпани, с гишпанскою маркою: вот оно.^д

Лакей. Меньше бы^е в письма свой нос совал.

Мальчик. Стало быть: Анна Петровна.

Лакей. Ну, стало быть: а тебе чего? А?

Мальчик. Да я так: а – прочтет?

Лакей. Как же, – жди.^ж

Мальчик. Прости Господи, – камень.

Лакей. Ты думаешь, тряпка: словами-то пырскать легко.

Мальчик. Питербурщина...

Лакей. А тебе чего?

---

^д Далее было: Не распечатано

^е Далее было: ты

^ж Было: Как же, – прочтет тебе.

Мальчик. Я же их помню: кормила меня леденцами она; я тогда был мальчишкой, когда этот черный с ей сиживал: Миндалини.

Лакей (с интересом). А помнишь?

В передней потухает свет: лакей и мальчик выходят в залу; свет в синей комнате тухнет; зала – вспыхивает.

Мальчик (у бюста Платона). Да как же: все барин – на службу; барченок – в гимназию; черный – к ей; и случился заман между ими.

Лакей (любопытно). Должно быть, заломистый кобелек?

Мальчик. Так – пискляк, а с усищами; барыня сядет, ему кампанировать; он – глазищи закатывать: «Тралалá-тралалá...» А на чай не давал.

Они проходят на балюстраду; передняя – вспыхивает; зала – гаснет.

Лакей (сидясь на балюстраду). Дотралалакалась до Гишпании: тьфу – старуха такая; а впрочем и то сказать: сам-то уж – вылеглый.

Голос швейцара (снизу): «А с самим все царапалась; ухотню-то их – помню; бывало – содомят, содомят; она ему – пискатель свою: «Жить хочу!» Он – как взъёрзнул! Она расшвырялась предметами».

Мальчик (сходя по лестнице, поворачивается к лакею и, перебивая). Фарафорки любила свои: а тут две чиканула.

Голос швейцара (снизу): «Пошлó и пошлó: расхлопыванье дверей в теменцах».

Мальчик (с лестницы, откуда видна лишь его голова). И такими манерами из дому побежала, с аркистом своим. (Опускается вниз.)

Лакей (вставая с перил). Эх, эх – ураган дери: жизнь-то расшаркали на паркетах на этих. (Идет в зал.³)

---

³ Было: Идет в столовую

Во время этого разговора зеленая комната вспыхивает; в ней появляется Николай Аполлонович, заспанный, с ленивым движением заламывая руки над головой и зевая; на нем пестрая, татарская ермолка, пестрые туфли и роскошный восточный халат, зеленопарчевый, под цвет комнаты; он лениво выходит в залу и становится у порога^н прохода на балюстраду, до его слуха долетают слова: «Сам-то уж – вылеглый». Он лениво усмехается, возвращается в зеленую комнату и подходит, очевидно, к окну; в видной части комнаты его нет; после слов «расхлопали жизнь на паркетах» <лакей> видит из зала свет в зеленой комнате, заглядывает с порога в нее; и, очевидно, увидевши Николая Аполлоновича,^к смотрит на него.

Г о л о с ш в е й ц а р а (*из передней*): «Только дела у ей тощие стали: певец-то ведь – тибрит».

Г о л о с м а л ь ч и ш к и: «Эх, эх, жизнь вдовецкая: хоть бы служаночка какая служила здесь; а то все мужики».

Г о л о с ш в е й ц а р а (*сочувственно*): «Эк, – от земли не видать... О служаночке тоже».

Лакей, входя в зеленую комнату,^л бросает Николаю Аполлоновичу.

Л а к е й (*развязно*). Я вот посмотрю на вас, Николай Аполлонович, – все-то вы пишете, трудитесь: до белого света; днем – спите; и развлечения себе никакого.

Г о л о с Н и к о л а я А п о л л о н о в и ч а:^м «Работать надо: вот кто как умеет».

Л а к е й. Мозгами-то – трудно работать, я думаю.

Н и к о л а й А п о л л о н о в и ч (*появляясь в комнате с рукописью*). Что делать, – приходится.

Л а к е й. Для России... (*Задумывается и с большой развязностью*.^п) Я так полагаю, что вы за народ, – извините, пожалуйста.

---

^н Далее было: двери

^к Далее было: бросает ему

^л Далее было: очевидно

^м Далее было: [Вы] Ах, вы спугнули... меня

^п Далее было: бросает

Николай Аполлонович (*лениво, снисходительно*). Если хотите, — да: за народ. (*Погружается в рукопись, садясь за столик.*)

Лакей (*после паузы*). Дворяне-то, Николай Аполлонович, не сморкаются, нам носы утирают.

Николай Аполлонович (*желая отвязаться*). Ну да... Свет в передней потухает; лакей подходит к чуть видному окну в зеленой комнате; и вдруг оборачивается на Николая Аполлоновича.

Лакей. А иетта самая дама... которая там стоит у перил.

Николай Аполлонович (*рассеянно*). Кто?

Лакей. В который раз мимо окон прогуливается... мимо нас.^о

При этих словах Николай Аполлонович бросает рукопись, вскакивает и быстро подбегает к окошку.

Николай Аполлонович. Где?.. Где?.. Какая?

Лакей. Прошла... Все на наши окна посматривает...

Николай Аполлонович (*видимо, очень взволнован; вдруг он сердится; и бросает*). Вас не спрашивают: идите.

Лакей идет; Николай Аполлонович бросает ему вслед.

Николай Аполлонович. Постой... Ты говоришь, видел? Когда ее видел?

Лакей (*с порога, обиженно*). Вчерась днем... Третьево дня...

Николай Аполлонович. Хорошо.

Лакей идет вниз; Николай Аполлонович, сидя за столиком, подпирает голову рукой; на лице его вспыхивает злое, торжествующее и несколько сладострастное выражение.

Николай Аполлонович. «Она»! (*Хочет.*)^п

---

^о Было: И все мимо нас.

^п Далее было: Ха-ха!.. Красный шут.

Внизу раздается звонок; Николай Аполлонович вскакивает и идет к балюстраде, по дороге зажигая свет в зале; он становится под входною аркою в зал; снизу слышен голос швейцара: «Кого вам?»^р Слышна резкая фистула: «Дома ли Николай Аполлонович?» Николай Аполлонович идет к балюстраде, опирается на нее руками и вытягивает голову вниз, стараясь разглядеть вошедшего. Голос швейцара: «А вам зачем?» Фистула: «Да спешное дело».

Николай Аполлонович (*бросая с балюстрады вниз*). Это верно от костюмера – счет?

Фистула (*снизу*): «Николай Аполлонович, ведь вы приняли за другого меня... Это – я, Александр Иванович: я... Нет, это я с собой...»

Николай Аполлонович (*отпрядывает от балюстрады с совершенно перепуганным лицом, но делает усилие над собой и, оскалясь неприятной улыбкой, подходит к ступенькам лестницы, бросая вниз*). Это вы, Александр Иванович? Без очков не узнал: раздевайтесь... Пожалуйста.

Из-за ступенек показывается голова Александра Ивановича Дудкина и руки; в руке он держит перевязанный салфеткою узелок; у него растерянный, переконфуженный вид; он дико озирается; улыбаясь, лохматит волосы, нервно бросаясь к Николаю Аполлоновичу и сжимая его руку в рукопожатии; другую руку,^с с узелком, он взвешивает в воздухе с величайшею осторожностью.

Николай Аполлонович (*с испуганною любезностью*). Александр Иванович, милости просим.

Александр Иванович (*озирая залу*). Какие прекрасные комнаты!.. Великолепные комнаты. (*Проходит за Николаем Аполлоновичем в зеленую комнату, озирается и проходит в невидную часть зеленой комнаты.*) Это там у вас проход в кабинет?

Николай Аполлонович (*с ужасом глядя ему вслед*). Да, как видите...

Голос Александра Ивановича: «Книги, рукописи... И Кант, разумеется».

---

^р Было: «Чего вам

^с Было: другой рукой он

В это время лакей, поднявшийся по лестнице, проходит по залу, бросая любопытный взгляд в зеленую комнату.

Голос Александра Ивановича: «Что вижу я — домино?.. И какое прекрасное».

При слове «домино» Николай Аполлонович срывается в невидную часть комнаты; проходящий лакей насмешливо ухмыляется, останавливается и прислушивается к разговору из невидной части комнат.

Голос Николая Аполлоновича: «Нет, — пожалуйста, здесь маленький беспорядок».

Голос Александра Ивановича: «Ах, простите, я — кажется...»

Голос Николая Аполлоновича: «Сюда нельзя... Это — так: домино... Знаете, — я на бал... Костюмер мне костюм».

Голос Александра Ивановича: «Ах, я право же не намерен; я — так, я — случайно».

Оба они появляются в зеленой комнате и начинают, оба перепуганные, суетиться, перебивая друг друга скороговоркой; лакей, стоя у алебастрового столика, прислушивается к разговору.

Александр Иванович. Не беспокойтесь.

Николай Аполлонович. Милости просим, садитесь.

Александр Иванович. Да нет. *(Ставит узелок на стол и вынимает портсигар.)* Вы позволите?

Николай Аполлонович. Сделайте милость.

Александр Иванович. Не курите?

Николай Аполлонович. Не имею обыкновения. Впрочем, когда другие...

Александр Иванович. То вы отворяете форточку?

Николай Аполлонович. Что вы!

Александр Иванович. Иль вентилятор?

Николай Аполлонович. Ах, да нет: мне курение...[†]

[†] Далее было начато: скорей

Александр Иванович. Покидаете комнату?

Николай Аполлонович. Нет же: хотел я сказать, что люблю запах дыма; сигары.

Александр Иванович. Напрасно: после курильщиков...

Николай Аполлонович. Да?

Александр Иванович. Следует быстро проветривать...

Николай Аполлонович. Нет, зачем...

Александр Иванович. Комнаты.

Николай Аполлонович. Так.

Александр Иванович. Открыть форточки.

Николай Аполлонович. Наоборот.

Александр Иванович. Николай Аполлонович, не защищайте табак: дым пронизывает серое вещество...

Николай Аполлонович. Что вы?

Александр Иванович. Мозга... И мозговые полушария засариваются; общая вялость тогда проливается в организм... Посмотрите-ка на лицо мое...

Николай Аполлонович (*ищет очков; не найдя, близко подносит лицо к Александру Ивановичу*). Так.

Александр Иванович. Ну?

Николай Аполлонович. Лицо.

Александр Иванович. Лицо — бледное.

Николай Аполлонович. Несколько бледноватое.

Александр Иванович (*обрывая*). Совершенно зеленое и прокуренное: лицо курильщика (*закуривает*); я прокурю у вас комнаты, Николай Аполлонович.

Николай Аполлонович (*вскакивая и протягивая руку*). Одну минуту.

Николай Аполлонович выскакивает в зал; лакей бежит вниз;

Николай Аполлонович, увидев его, бросает ему.

Николай Аполлонович. Стойте.

Лакей. Чего изволите?

Николай Аполлонович (*подходя к нему и быстро моргая глазами, шепчет*). Вы не знаете, что папаша: уехал?

Лакей. Уехали.

Николай Аполлонович. Ну, и как: надолго уехал?

Лакей. Сказали, – в комиссию; поздно вернуться.

Николай Аполлонович (*с облегчением*). Ничего: идите.

Лакей опускается вниз; свет в передней гаснет; Николай Аполлонович, стоя у алебастрового столбика, с опасением косится на зеленую комнату, схватившись рукою за сердце; Александр Иванович растерянно шагает в видной части зеленой комнаты, нежно поглядывая на узелок.

Николай Аполлонович. Забыл... Совершенно забыл... Обещание...^у

Александр Иванович, которому надоело шагать, рассеянно выходит в зал; лицо Николая Аполлоновича мгновенно принимает оттенок насильственной любезности; он бросается к Александру Ивановичу.

Николай Аполлонович. Меня извините вот: я в халате... Халат располагает к работе.

Александр Иванович. Оставьте же: вы – не барышня, да и я – не барышня... Видите, я пришел вовсе не о табаке,^ф не за табаком – хочу сказать: не о деле; совсем наоборот: о деле.

Николай Аполлонович (*вздрагивая*).^х Я должен предупредить, что все – недоразумение... А обещание – дал я в шутку тогда.

Александр Иванович (*не слушая*). И даже я – не о деле: вся суть тут – в услуге...

Оба входят в зеленую комнату.

---

^у Далее было: Дал: и не взял обратно...

^ф Далее было начато: а о деле

^х Далее было начато: Видите ли,

Николай Аполлонович (*садясь на диван и от растерянности выщипывая волос из мебели*). Я уже сказал: был порыв неразумный.

Александр Иванович (*не слушая*). Мне крайне неловко, но помня...

Николай Аполлонович. И помнить нечего.

Александр Иванович (*не слушая*). О вашем сочувствии партии, я и пришел.

Николай Аполлонович. И напрасно: сочувствие — в принципе.

Александр Иванович. Маленькая услуга... Позвольте мне пепельницу. (*Николай Аполлонович срывается за пепельницей*.) Спасибо. Поручено мне: попросить вас хранить — этот вот узелочек.

Николай Аполлонович (*с облегчением вскрикивает*). Только-то?

Николай Аполлонович бросается к узелку.

Александр Иванович (*вскакивая, с тревогой*). Осторожнее...

Николай Аполлонович вторично протягивает руку, но **Александр Иванович** ему препятствует.

Александр Иванович. **Николай Аполлонович**, я прошу вас быть бережнее.

Николай Аполлонович схватывает узелок; **Александр Иванович** с испугом схватывается за **Николая Аполлоновича**.

Александр Иванович. В третий раз говорю вам: потише.

Николай Аполлонович (*удивленно*). А что? Литература?

Александр Иванович. Ну, нет.

В это время раздается звук захлопываемой мышеловки; **Александр Иванович** с испугом бежит в угол.

Александр Иванович. Мышь?.. Мышь?.. Это мне... Не могу...

Николай Аполлонович (*уходит в невидную часть комнаты и скоро показывается с мышеловкой в руке*). **Вы боитесь мышей?** (*Разглядывает мышь, идет в залу, проходит на балюстраду и бросает вниз*.) **Кто там?** (*Вспыхивает свет в передней; снизу бежит швейцар и лакей; оба останавливаются перед мышеловкой и разглядывают с Николаем Аполлоновичем мышь*.) **Мышка?**

Лакей. Она самая...

Николай Аполлонович. Ишь ты – бегаешь, бегаешь: вот тоже – боится.

Лакей. Зверь Божий.

Николай Аполлонович возвращается в зеленую комнату, берет узелок и уходит в невидные комнаты; Александр Иванович следует за ним; рука его вдруг делает нервную зигзагообразную линию, ту самую, которой испугался сенатор в карете.

Александр Иванович (*в спину ушедшему Николаю Аполлоновичу*). Да ради Бога же, – тише! (*Исчезает из поля зрения*.)

Лакей остается на балюстраде, рассматривая мышь; швейцар стоит около него мрачно.

Швейцар. Смúтолочит...^д

Лакей (*не без самоудовлетворения*). Николай Аполлонович, этот вот, – чистохват: расмекалистый барин – читалка, писалка; и – смачный: стоит за рабочий народ...

Швейцар (*мрачно*). Нет – юрник он, юбочник; смыргался с бабою...^е Вчерась лихача приводил ему; он разоделся в халат этот красный, шинелью накрылся; и – юрк: ссигнул с лестницы.

Оба спускаются в переднюю.

Голос лакея: «Не смрадь словами-то; подлятину-то не сей... Экий смердич...»^ж

^д Было: Смúтолочит он очень; такое скажет, а ты вот – кивай; будто смыслишь что

^е Далее было: Слíза...

^ж Далее было: а без размыш< > б вот...

Голос швейцара (злобно): «Они – сморкачи».

Голос лакея:^м «Да не каркай, вран падалищный».

В зеленой комнате появляется Александр Иванович с Николаем Аполлоновичем.

Александр Иванович. Одиночество убивает меня... Я за эти месяцы разучился совсем разговаривать: путаюсь; и убеждения мои как-то вылиняли...

Николай Аполлонович (рассеянно).^б Со всеми бывает... Вот что хотел вам сказать... Удивляюсь неосторожности вашей: ведь у меня бывать, сами знаете, – неудобно... Вы можете, Александр Иванович, натолкнуться на... на... на... родителя...,^м как тогда... Может быть, мы пойдем куда-нибудь там?.. А здесь – неудобно.^б

Александр Иванович. Минуточку... В торричиеллевой пустоте нелегко проживать... Меня тянет к вам: вы такой словоизлагатель, вынашиватель теорий, такой, так сказать, чудоносец: последний доклад ваш – какое-то ювелирство.

Николай Аполлонович (со скукой отмахиваясь). Ну...^в Разговор рефератный – еще слюногонное средство; не – дело; не – слово.

Александр Иванович. Подумайте, в каком обществе я проживаю? Особа, домовый дворник,^ю Моржов, да мокрицы; и некуда выйти: всё – конспирация;^з выход – трактир... Да, да: общее дело, – оно стало личным; оно заключило меня в одиночество; выключило из списка живых.

---

^м Далее было начато: Эк

^б Далее было начато: а это, б Знаете ли,

^м Было: на... моего родителя...,

^б Было: А здесь, знаете – неудобно.

^в Было: Ну, знаете...

^ю Было: мой домовый дворник,

^з Было: и некуда выйти мне: конспирация;

Николай Аполлонович (*рассеянно*).^{1а} Выключило?

Александр Иванович. Оно, положим, случаются ситуации, когда линия партии заостряется на мне, как теперь: не мне закон; я – закон: сама беззаконность.

Николай Аполлонович (*морщась*).^б Не понимаете; «закон» и ни в вас, и ни в партии; закон – есть: онтология логики он.^в

Александр Иванович (*нервно закуривая*). Вы вот скажете^г слово «закон»; и – слукавите. (*Тыкает не туда папирсой.*)

Николай Аполлонович. Вот пепельница.

Александр Иванович (*не без раздражения*). Мыслями всякий старается слямзить.

Николай Аполлонович (*снисходя*). А вы что же: хотите смахать обывателя психологией бессмысленных действий; тут, милый мой, – мелкобуржуазная подоплека.

Александр Иванович (*нервно закуривая новую папирсочку*). Про то, что я – квинт-эссенция революции, я пошутил; я ведь очень хотел всё вам высказать свои мысли; я знаю, что мне не пристало так фамильярничать; вы – теоретик, а я – ничего не читал, то есть, много читал, но не то – не Карла Маркса, не Канта, не Наторпа... Я читаю теперь Апокалипсис и... Конан-Дойля. Удивлены вы?

Николай Аполлонович. Нисколько... Всегда у вас был романтизм, мистика, народовольческий привкус.

Александр Иванович. Да не с марксистами сила же.

Николай Аполлонович. А по-моему – да, хотя я не марксист; там – теория все же; у вас – теории нет, а

---

^{1а} Было: (*рассеянно и нетерпеливо*). Да, знаете...

^б Далее было начато: Я этого

^в Было: он – сама онтология логики.

^г Было: Вот вы скажете

культ личности революционной, который, по-моему, сводится лишь к мещанской свободе, к свободе – «от», а не к свободе – «для».

Александр Иванович. Кто ж вершит революцию?

Николай Аполлонович (*спокойно*). Да мы – теоретики: вы^д – лишь наши фактотумы.

Александр Иванович (*злбно закуривая новую папиросу*). Чем вы докажете, что – простите – не фальшивомонетки вы? Вы вот в комнатах этих – великолепные комнаты – мир разрываете: прекомфортабельно... А мы? Мы – бомбы метаем, нас вешают, нас ссылают...

Николай Аполлонович. Все это досужие рассуждения мелкобуржуазного ухарства... Вы были сосланы?^е

Александр Иванович. В Якутскую область.

Николай Аполлонович. Пойдемте-ка ко мне в кабинет... Вот – пепельница.

Уходят в невидную часть комнат; звонок: в передней вспыхивает свет: слышно, как дверь распаивается в передней.

Голос швейцара: «Лошадей прикажете отпустить?»

На лестнице показывается Аполлон Аполлонович, всходящий на площадку балюстрады; за ним бежит лакей; Аполлон Аполлонович на ходу отдает ему цилиндр, трость и перчатки; на балюстраде Аполлон Аполлонович останавливается под колоннами и отдается лакею, который с него снимает пальто.

Аполлон Аполлонович. Что – вообще... ме-эммме...

Лакей. Что прикажете, ваше высокопревосходительство?

Аполлон Аполлонович. Вообще... поделывает... поделывает... Николай Аполлонович?

Лакей. Ничего себе: здравствуют.

---

^д Было: вы же

^е Было: А вы были сосланы?

Аполлон Аполлонович. Так-с... так-с: очень хорошо-с... *(Трет себе переносицу, исподлобья взглядывая на лакея.)* А еще?

Лакей. Да – по-прежнему: затворяться изволят и книжки читают.

Аполлон Аполлонович *(рассеянно).* И книжки?

Лакей. Гуляют по комнатам-с.

Аполлон Аполлонович. Гуляют – да, да... И... и...
Как?

Лакей. Пишут-с.

Аполлон Аполлонович. Гуляют, читают – так...
Дальше?

Лакей. Недавно они поджидали к себе^ж...

Аполлон Аполлонович. Кого?

Лакей. Костюмера.

Аполлон Аполлонович *(вскинув брови).* Какой такой костюмер?

Лакей *(недоумевающе).* Костюмер.

Аполлон Аполлонович. Гм... Ме-ме... А для чего такого?

Лакей. Полагаю я, что они поедут-с на бал.

Аполлон Аполлонович. Ага, так: поедут на бал...
(Улыбается, потирая себе переносицу, в измышлении анекдотика.)
А скажите, пожалуйста... Э... скажите-ка: кто почтеннее всех?

Лакей *(в ожидании каламбура расплывается в улыбке).* Полагаю я, что действительный тайный советник.

Аполлон Аполлонович *(с утрированной мрачностью).*
Справедливое суждение изволите иметь в мыслях ваших... А все-таки всех почтеннее... *(после долгой паузы выпаливает со свирепостью)* трубочист.

Лакей. Как же так?

---

^ж *Далее было: костюмера-с...*

Аполлон Аполлонович. Перед ним посторонится и действительный тайный: запачкает сажею...

Лакей. Вот оно как-с...

Аполлон Аполлонович (*быстро идет в зал, загибая направо к синей комнате; вдруг останавливается и бросает лакею, уже начинающему опускаться по лестнице*). Только есть должность почтеннее: ватерклозетчика: пфф... и-хи-хи...

Лакей фыркает; Аполлон Аполлонович проходит в синюю комнату, там вспыхивает свет; Аполлон Аполлонович стоит перед столиком и берет с подносика корреспонденцию; лакей поднимается за ним и с порога залы бросает.

Лакей. Лошадей завтра в десять?

Аполлон Аполлонович (*рассеянно*). Да... там.

Лакей. Пальто черное-с...

Аполлон Аполлонович (*с каменным лицом, холодно*). Серое... Перчатки – замшевые...

Лакей. Слушаю-с.

Аполлон Аполлонович, наклонив голову, просматривает корреспонденцию; лакей тушит свет в зале и спускается вниз.

Голос швейцара: «Ватерклозетчика вспомнил».

Голос лакея: «Что он так рано?»³

Аполлон Аполлонович исчезает из синей комнаты; огонь там остается.⁴

Голос швейцара: «Чудит... Утром спрашивал: “Вы из крестьян?” Отвечаю: “Так точно-с”... А он это мне: “Ну так вы, знаете ли, барон”. Я – “как так”? А он:⁵ “Борона у вас есть?” – “Да была у родителя”. – “Ну вот видите, а еще говорите”...»

Голос лакея: «Зашел ум за разум: а все от делов государственных».

Голос швейцара: «Смúтолочит он очень: такое скажет, а ты вот кивай, будто смыслишь что».

³ Было: Что это он рано так?

⁴ Было: остается зажженным

⁵ Было: А он это мне:

Голоса умолкают; в передней гасится свет; в зеленую комнату входят Александр Иванович с Николаем Аполлоновичем; Николай Аполлонович теперь в студенческом скюруке.

Александр Иванович. Из Якутской области я бежал; и теперь вот – в подполье... Но только не думайте, чтобы действовал я во имя вашего железнодорожного мышления; категории ваши напоминают мне рельсы, а жизнь ваша – железнодорожный поезд.

В синей комнате появляется Аполлон Аполлонович, садится за столик и углубляется в корреспонденцию.

Александр Иванович. По-моему, волнуемая социальными инстинктами масса есть лишь аппарат, где люди – клавиатура, чтоб пальцы пьяниста летали на них; то же вот террорист; он – пьянист.

Николай Аполлонович (небрежно). То есть, спортсмен от революции?

Александр Иванович. А разве спортсмен не артист? Нет, нет, нет: терминология ваша чужда мне: да, вы отдаетесь слишком уж флоре мыслей, не допуская контрастов, а все – построено на контрастах.

Николай Аполлонович.¹ Ведь на фауне чувств прожить, верьте, – труднее.

Александр Иванович. Опять повторяю: вынашиватель теории вы, а у всякой теории своя пята Ахиллеова; всякая теория правильна при условии, что соблюдено то-то и то-то; вот мы-то вот, практики, и являемся этими «при условии, что». (Закуривает.)

Николай Аполлонович (перебивая). Вы всё о величии личности; но скажите-ка: разве вы бесконтрольны? Вот вы утверждаете: «При условии, что»; и величие личности – «при условии, что»: личность свободна от... Вы-то не связаны?

Александр Иванович (нервно). Вы о некоей особе?

---

¹ Далее было начато: Вы же

Николай Аполлонович. Ни о ком ровно: так.

Александр Иванович. Да, вы правы: некая особа стоит за мной.

Николай Аполлонович (*иронически*). Что же особа – инстанция?

Александр Иванович. Выспая.

Пауза: видно, как там Аполлон Аполлонович за столиком перебирает письма.

Аполлон Аполлонович (*с громким вздохом*). Да, знаешь-тили, сударь мой, Аполлон Аполлонович. (*Над конвертом склоняется лысая его голова.*)

Николай Аполлонович (*после паузы*). Ну, вот видите? Свобода свободою *при условии*, что свобода не «от», а – «для»... А вы знаете, для чего?

Александр Иванович. Нет... А вы?

Николай Аполлонович. Знаю... Но знаю и то, что свобода моя есть умение разделять в себе умопостигаемый мир, где я – бог, от болота житейского, где я разве что только «лягушка» (*иронически*), как выразилась про меня... одна... дама...

Александр Иванович (*машинально выходя в лунной освещенный зал и шагая довольно громко*). Красивая анфилада... А все-таки: жутковато как-то в этой смарагдовой зелени комнат... Но жутче еще мне в моем обиталище на Васильевском Острове, где никто не бывает, кроме... особы...

Николай Аполлонович (*стоя на пороге зеленой комнаты, бросает иронически в спину Александра Ивановича*). Опять особа?

Александр Иванович. Эдак ведь перестанешь верить и в дело: и я – перестаю, перестал.

Аполлон Аполлонович, услышав голоса из синей комнаты, прислушивается к шороху голосов.

Николай Аполлонович (*иронически, в спину*). Вы, значит, как провокатор, — не обижайтесь.

Александр Иванович. Да, я провокатор во имя идеи своей.

Николай Аполлонович (*с той же иронией*). Во имя фауны чувств... А скажите: особа-то появилась в то именно время у вас, когда вы разуверились.

Александр Иванович (*громко*). Я ее ненавижу.

Аполлон Аполлонович, услышав голоса, приподымается с места и вытягивает любопытно голову по направлению зала.

Николай Аполлонович (*с той же иронией*). В сущности вы вот, страшный бомбист, вы — смиряга.

Аполлон Аполлонович тихо выходит в зал и, подойдя к алебастровому столбику с бюстом Сократа, вытягивает с любопытством ухо на разговор.

Александр Иванович (*с порога зеленой комнаты*). А вы... вы, пожалуй, бомбист: умопостигаемый, разумеется.

Николай Аполлонович (*сухо и громко*). Эмпирически же я то, что я емь; сын сенатора Аблеухова: я себе место знаю.

Александр Иванович (*увидев свет из синей комнаты*). Тут — свет: тут кто-нибудь есть? (*Аполлон Аполлонович при этих словах бочком пятится вдоль стены от столбика к синей комнате; Николай Аполлонович испуганно высовывается в зал, видит свет, схватывает за руку Александра Ивановича, втаскивает его в зеленую комнату.*)

Николай Аполлонович (*с испуганным шепотом*). Мой отец... Говорил же я, что рискованно заходить...

Александр Иванович (*начинает суетиться*). Я иду... Извините, пожалуйста, Николай Аполлонович... Я пройду как-нибудь незаметно...

Николай Аполлонович (*шепотом*). Я вас проведу.

Оба крадутся из зеленой комнаты через зал к балюстраде; Аполлон Аполлонович, любопытно высунув голову из синей комнаты и заложив ручки за спину, двигается за ними; Николай Аполлонович и Александр Иванович начинают спускаться с лестницы; Аполлон Аполлонович, стоя на пороге зала, открывает свет; Николай Аполлонович и Александр Иванович поворачиваются с лестницы и видят стоящего на пороге Аполлона Аполлоновича, глядящего им вслед; на лице Александра Ивановича – ужас; лицо передергивается; рука в третий раз делает ту самую зигзагообразную линию; Николай Аполлонович с перепугу взлетает с лестницы на площадку балюстрады к Аполлону Аполлоновичу <с> нелепыми объяснительными жестами; Аполлон Аполлонович, отступив, непроизвольно ставит перед собой руки, как бы защищаясь от зигзагообразной линии руки Александра Ивановича.

Немая пауза.

Николай Аполлонович (не глядя на Аполлона Аполлоновича, ерзает глазами туда и сюда, трет мучительно руки и выжимает из себя). Вот... папаша... я... мы... мой... университетский товарищ.

Аполлон Аполлонович (с испугом глядя на Александра Ивановича). Я... ме-ме... ме-ме... Кажется... ме-ме-ме... помешал?

Александр Иванович (с величайшей растерянностью). Мы... мы...

Аполлон Аполлонович недоверчиво подходит к Александру Ивановичу и протягивает ему руку, но Александр Иванович не то от растерянности, не то из принципа не замечает протянутой руки; рука Аполлона Аполлоновича повисает в воздухе, и он ею ухватывается за бачку.

Александр Иванович. С Николаем вот Аполлоновичем...

Николай Аполлонович (выручая Александра Ивановича). С Александром Ивановичем... наукой...

Александр Иванович. Наукою занимаемся.

Аполлон Аполлонович (недоверчиво глядя на обоих). Ме-ме-ме... Так и всё... Ме-ме-ме...

Николай Аполлонович. Александр Иванович... к экзамену приходит...

Александр Иванович. Готовиться.

Николай Аполлонович. Вместе.

Аполлон Аполлонович (*ища, что сказать Александру Ивановичу*). Еще гимназистиком Коленька, знаешь-тили, знал всех птиц... Читал Кайгородова... Так и всё... (*Схватившись за нос правой рукой.*) Впрочем я не... задерживаю. (*Шаркает ножкой.*)

Александр Иванович, не глядя на Аполлона Аполлоновича, растерянно кивает и скатывается вниз по ступеням в переднюю; Николай Аполлонович следует за ним, поворачивая с лестницы свое моргающее лицо на Аполлона Аполлоновича; Аполлон Аполлонович следует за ними до колонны балюстрады; спрятавшись за колонну, с тоскою и с любопытным испугом вытягивает он голову из-за колонны и смотрит вниз, в переднюю; потом, круто повернувшись, с нахмуренным челом, угрюмо опустив голову, быстро проходит в зал и идет в синюю комнату, где садится за столик;^{*} с каменным непроницаемым лицом вперяется в корреспонденцию; по лестнице поднимается Николай Аполлонович, останавливается на балюстраде, растерянно оглядывается, проходит в зал и нерешительно останавливается, не зная, идти ли ему в зеленую комнату, или в синюю, к отцу; трет руки; с тою же нерешительностью идет в синюю комнату, останавливается над столиком Аполлона Аполлоновича; Аполлон Аполлонович, подняв голову и увидев растерянного сына, бросает холодно.

Аполлон Аполлонович. А?.. Ты?.. (*Опускает голову в корреспонденцию.*)

Николай Аполлонович (*после паузы, ища слов*). Вот я... (*Голос его обрывается.*)

Аполлон Аполлонович (*стремительно поднимая голову*). Что?

Николай Аполлонович (*избегая отца глазами*). Да нет... Ничего...

Аполлон Аполлонович с той же холодностью погружается в корреспонденцию.

Аполлон Аполлонович (*сам с собою*). Так-с, так-с...
Очень хорошо-с...

---

^{*} Было: за свой столик

Пауза.

Николай Аполлонович (*все в той же позе перед отцом, не выдержав молчания*). Вот... Я...

Аполлон Аполлонович (*резко бросив руки на стол и вздернув сердито голову на сына*). Позволь: что такое?.. Выражайся внятно: не понимаю...

Николай Аполлонович. Прочел...

Аполлон Аполлонович. Прочел? Что прочел?

Николай Аполлонович. В «Theorie der Erfahrung». (*Запинается.*)

Аполлон Аполлонович, поняв, что ухватка Николая Аполлоновича есть приглашение его к разговору, быстро встает и, засунув руки в брючки, прямой, как палка, медленно шествует в зал в сопровождении Николая Аполлоновича; они начинают медленно прогуливаться взад и вперед по освещенному залу, т. е. по авансцене.

Аполлон Аполлонович. Что же это за книга, голубчик мой?

Николай Аполлонович (*точно сдавая урок*). Когена...

Аполлон Аполлонович. А кто он такой, этот Коген: жид, — говоришь?

Николай Аполлонович. Представитель неокантианства, папаша.

Аполлон Аполлонович (*поправляя*). Кантианства?

Николай Аполлонович. Нет, кантианства.

Аполлон Аполлонович (*рассеянно играя цепочкой часов*). Не знаю, не знаю, дружок. (*Позевывает, что-то обдумывая*.) Да, вот: много на свете есть специальностей: глубока каждая специальность... (*Схватясь за нос*.) А скажи-ка мне, Коленька, — кто это такое тебя посещает, голубчик мой?

Николай Аполлонович (*опуская глаза и усиленно моргая*). Так себе, посещают, папаша.

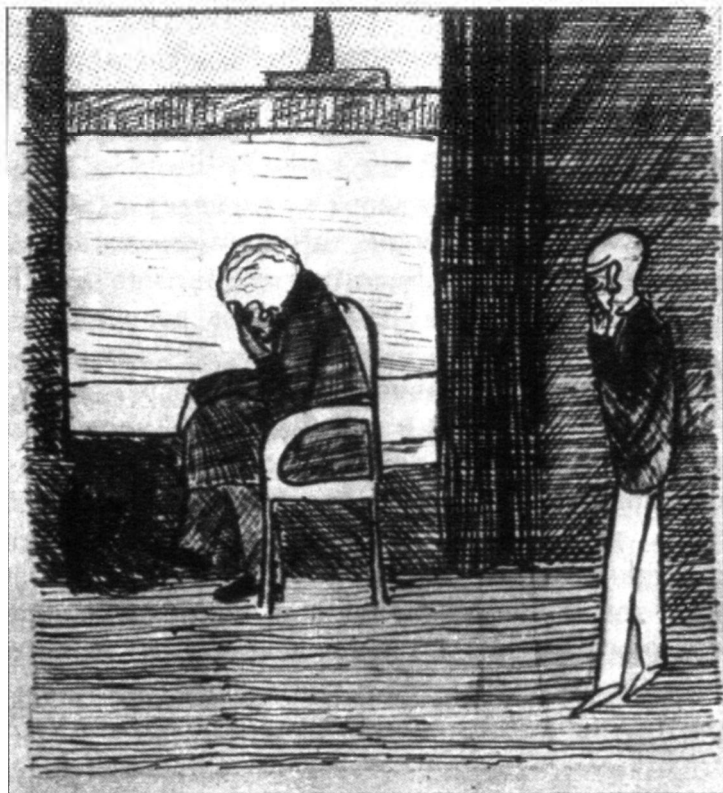
Аполлон Аполлонович. А часто он ходит?..

Николай Аполлонович (*с искусственным равнодушием*). Да, так себе, — заходит ко мне.

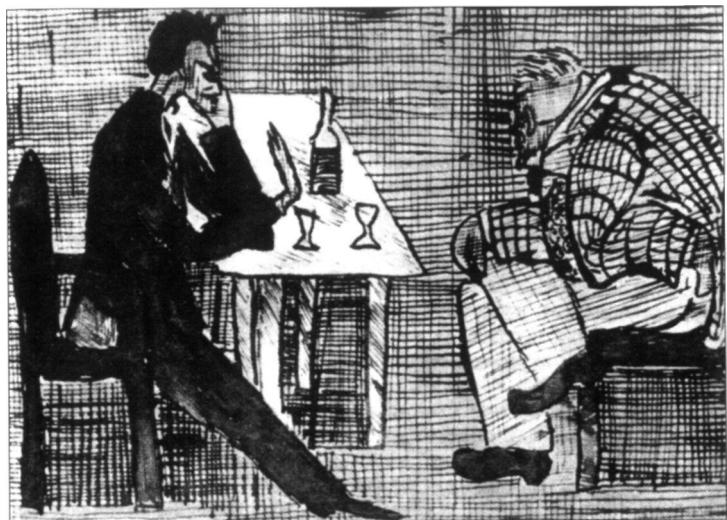

Андрей Белый. Москва. 1924

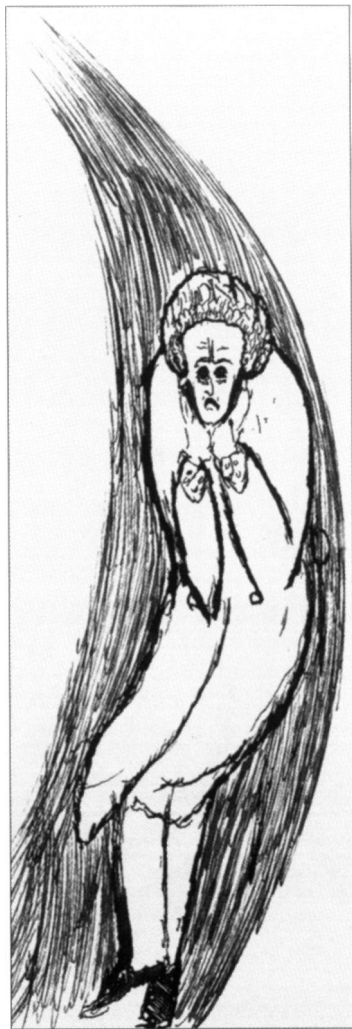

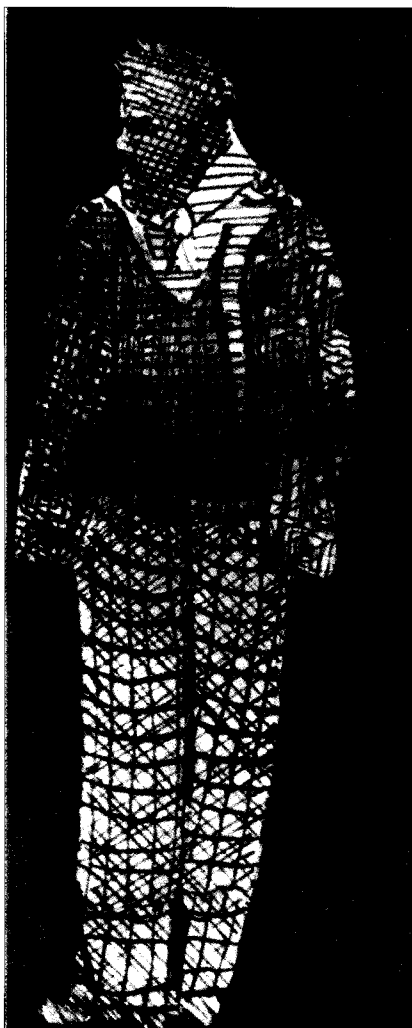
Рисунки Андрея Белого к роману «Петербург». 1911–1913
Государственный литературный музей
Отец и сын Аблеуховы

Липпанченко и черт

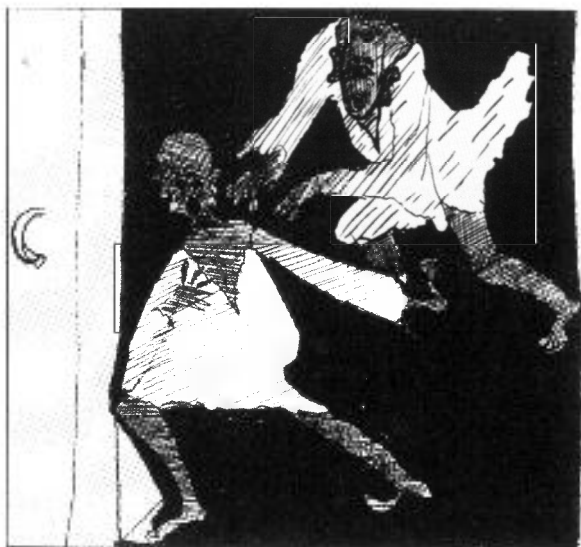
Николай Апполонович Аблеухов

Липпанченко

Николай Апполонович Аблеухов с бомбой

Отец и сын Аблеуховы после взрыва бомбы

«Красное Домино»

Николай Апполонович Аблеухов

Три наброска портрета сенатора Аблоухова. 1924

«А. Белый читает “Петербург” в квартире Бориса Красина»

Н.А. Андреев. 1924 (?) Б., кар.

Государственный литературный музей

**МОСКОВСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ТЕАТР 2^а**

Площадь Свердлова.

ВТОРОЙ

В СУББОТУ 10^{-ГО} ДЕКАБРЯ

Андрей Белый:

ПЕТЕРБУРГ

3 действия.

УЧАСТВУЮТ:

Залужен. артист **Ш. А. ЧЕХОВ, А. Н. АНДРЕЕВ, Б. Ш. АФОНИН, И. Н. БЕРСЕНЕВ, А. И. БЛАГОПРАВОВ, С. В. ГИАЦИНТОВА, В. А. ГРОШОВ, Л. И. ДЕЙКУН, А. Ш. ЖИЛИНСКИЙ, З. С. ИГУШНОВА, И. И. ЛАГУТИН, З. Н. НЕВЕЛЬСКАЯ, И. П. НОВСКИЙ, В. Г. ОРЛОВА, В. А. ПОДГОРНЫЙ, А. М. ПОПОВА, С. В. ПОПОВ, Б. Ш. СУШКЕВИЧ, А. И. ЧЕБАН** и др.

Ремиссеры: **С. Г. Бирман, В. Н. Татариннов, А. И. Чебан.**

Художники: **М. В. Лобаков и Б. А. Матрунин.**

Кашеватор: **В. А. Оранский.**

Начало в 7^{1/2} час. вечера.

Во время действия вход в зрительный зал не допускается.

Билеты проданы.

Афиша спектакля
Андрей Белый. Петербург. 10 декабря 1925

Михаил Александрович Чехов. 1928

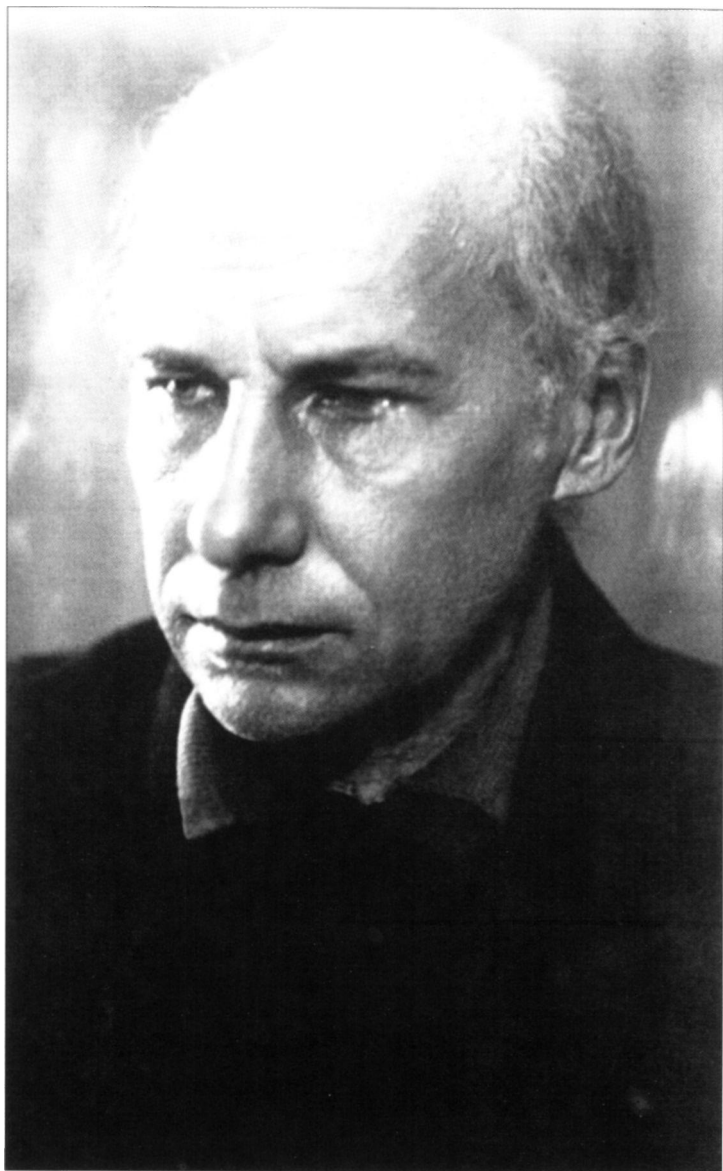
М. А. Чехов в роли сенатора Аблеухова. 1925–1927
Государственный литературный музей

С.В. Гиацинтова в роли С.П. Лихутиной. 1925–1927
Государственный литературный музей

И.Н. Берсенеv в роли Аbлеухова-младшего. 1925–1927
Государственный литературный музей

Андрей Белый. Москва. 1933

Пауза.

Аполлон Аполлонович (*смотря испытующе*). Если это не нескромный вопрос... (*Отходит и барабанит пальцами по голове Сократа.*) А впрочем, если вопрос мой нехстати...^н (*Круто обрывая.*) Так-с, так-с... Я, знаешь-тили, устал; доброй ночи. (*Протягивает Николаю Аполлоновичу два пальца и сухо выпячивает к Николаю Аполлоновичу губы.*)

Николай Аполлонович (*хватаясь за пальцы и касаясь губами губ*). Покойной ночи, папаша.

Точно испугнутые, они разбегаются: Аполлон Аполлонович бежит в синюю комнату, на ходу погасив свет в зале; Николай Аполлонович бежит в зеленую комнату; оба исчезают из комнат; комнаты тухнут; теперь всюду^о погашено; луна освещает зеленоватым светом залу, боковые комнаты, балюстраду, переднюю; далекий, протяжный, угрожающий рев большого парохода. Пауза. Видно, как вдоль балюстрады со свечкой в руке проходит Аполлон Аполлонович в сером халате мышиного цвета, с малиновыми кистями; у него под мышкой газета; потом вспыхивает свет в синей комнате; туда прометывается Николай Аполлонович в красном, атласном домино; видно, что он смотрится в зеркало; в зале раздаются шлепанье босых ног; Николай Аполлонович гасит свет и шмыгает обратно; в зал слева направо показывается старик-камердинер Аполлона Аполлоновича в расстегнутой куртке, на босу ногу: Семеныч; озирается и бормочет.

Семеныч (*сам с собою*). Ваше, мол, высокопревосходительство, барин, — так, мол, и так... Никакого внимания... И барченок-то ефгот, прости прегрешения наши, о Господи, — химик...

Семеныч идет на балюстраду: вдали слышен звук отщелкиваемой задвижки.

Семеныч (*прислушиваясь*). Его высокопревосходительство: в ватерклозете... (*Спускается по лестнице вниз; слышно его бормотанье.*) Авгиева, купца, обокрали... Агниева, купца, обокрали... Резали провизора Хаху...

^н Далее было начато: так-с, так

^о Далее было: мрак

Слышно шлепанье туфель Аполлона Аполлоновича; Аполлон Аполлонович проходит по балюстраде со свечкой в руке; Семеныч подымается снизу со свечкой в руке; на площадке у входа в зал старики сталкиваются; Аполлон Аполлонович, увидев Семеныча, останавливается и бросает ему.

Аполлон Аполлонович. Вы что?

Семеныч. Да как же: жожу тут, смотрю: в комнатах-то слепцово безочье... А время такое, что... Авгиева, купца, обокрали... Агниева, купца, обокрали... И резали Ха́ху, провизора.

Аполлон Аполлонович (*идет мимо, вдруг останавливается и оборачивается на Семеныча*). А вы... ме-эмме?.. Босы?

Оба старика выжидательно стоят в полуобороте друг другу со свечами в руках.

Семеныч (*обиженно*). Бос...^п

Аполлон Аполлонович. У вас... желтые пятки?

Семеныч (*совсем разобидясь*). Желтые, барин, пятки не у меня-с: у китайцев.

Аполлон Аполлонович. Хи-хи... Может – розовые?

Семеныч (*со строгим назиданием*). Человеческие...

Аполлон Аполлонович (*сперва словно озадачен; потом, найдя выход, – с задором*). А у барышни... хи-хи-хи-хи... пятки – розовые... Хи-хи...

Аполлон Аполлонович круто поворачивается и,^р подставив спину Семенычу, уходит с хихиканьем, весьма довольный чудовищной шуткою; Семеныч, потрясая свечкой, сердито бросает в спину уходящему Аполлону Аполлоновичу.

Семеныч. Какие там пятки... До пяток ли... Самто – гриб, па́дера... И сынок-то хамлетист... Туды же, – о пятках... (*Озлясь*.) Вишь ты – желтые: у самого пятки желтые...

З а н а в е с

---

^п Было: Бос-с...

^р Далее было: хихикая

Картина четвертая

Сцена изображает декорацию первой картины, т. е. гостиную квартиры Лихутиных, с тою разницею, что альков, закрывающий дверь, ведущую в комнату Софьи Петровны,^а отодвинут, дверь – раскрыта; видна часть комнаты, т. е. главным образом туалетный стол с большим зеркалом; впечатление от куска комнаты, что она – палевая; в гостиной – большой беспорядок; на креслах – предметы туалета Софьи Петровны; при открытии занавеса Марфушка прибирает что-то на пороге гостиной и спальни Софьи Петровны, а с порога двери, ведущей в переднюю (слева), Сергей Сергеевич, в туфлях, в распахнутом сером халате, с синими очками, приподнятыми на лоб, бросает Марфушке свои домислы по «птичьему делу»; у него в одной руке палочка, в другой – перочинный ножик; он тщательно строгаёт палочку, от времени до времени бросая Марфушке слова.^б

Сергей Сергеевич (с оживлением). Нет, что там ни говорите, а канарейка, поющая полным голосом, рúсыпью, дудкою, колокольчиком – знаете: это... это... не шутка.

Марфушка. А все, барин, далеко до соловья ей...

Сергей Сергеевич. Чего захотели вы...^в Соловей-то как булькнет, дробь даст, остановится, пустит юлиную стрекотню; и – отщёлком, отщёлком: пойдет тебе лешеву дудку откалывать; это... тоже... – не шутка... (Подумавши.) Да.

---

^а Далее было: раскрыт

^б Далее было: М а р ф у ш к а (не без кокетства). Свигирь под окошко чиркает к оттепели...

^в Было: Чего захотели-то...

Марфушка. Как вы, барин, сумели постичь это все?

Сергей Сергеевич (*отдаваясь райским воспоминаниям*). Соловьев кроют, знаете ли, понцами – на черных на тараканах; понцы же – перекидная сеть, ловчая; соловей это клыкает, свищет, люлюкает, а я его – щёлк; и – попался.

Звонок.

Сергей Сергеевич (*уходя к себе*). Нет, где же нам с чижиком: чижиков напев – прост.

Марфушка бежит отпирать; в передней слышны голоса – Марфушкин и модисткин: «Это вот от мадамы». – «От Фарнуарши?» – «Я завтра за счетом зайду и за кардонкою... Передайте барыне, что опоздали мы, потому что с блондами, как они хотели, не выходило; и в материале опять-таки недостача оказывалась...» Слышно, как модистка уходит; за ней захлопывается дверь; раздаются меланхолические звуки флейты из комнаты Сергея Сергеевича на мотив: «Выхожу один я на дорогу». Марфушка появляется с большою кардонкою, бережно ставит ее; резкий звонок; Марфушка бежит отпирать; слышно, что кто-то стремительно влетает в переднюю; слышен вскрик Марфушки: «Что это с вами такое, голубушка барыня?» Флейта обрывается; в передней истерический смех и плач, визг Марфушки и испуганный голос Сергея Сергеевича: «Что такое?.. Пожар?.. Соня, Соничка...»^г Софья Петровна в расстегнутой пубке, с приподнятою вуалеткою на мягкую шапочку, с муфтой в одной руке и с проплаканным платочком в другой влетает в комнату,^а бросаясь на кресло, головой в муфту; за ней бежит Сергей Сергеевич Лихутин с теми же приподнятыми на лоб очками, предварительно отстранив испуганно просунувшую голову Марфушку.

Сергей Сергеевич (*склоняется с глубоким изумлением над Софьей Петровной*). Ну?.. Ну?.. Соня? (*Проносится в комнату Софьи Петровны и выбегает оттуда со стаканом воды*.) Ну... Полно, ребеночек, – выпей водицы. (*Подносит стакан*.)

Софья Петровна (*отстраняя стакан*). Оставьте: а, а... оставлять так жену... а, а, а... Бегать к чижикку: поку-

^г Далее было начато: В это

^а Далее было: прямо

пать конопляное семя...^е (Повернув голову к Сергею Сергеевичу с отвращением.) Чего^ж вы моргаете этим... вашим... дитя-тиным глазом?.. (Опять утыкается в кресло.)^з

Сергей Сергеевич (с дрожащими от перепугу руками). Как так?..^н В самом деле, — (расплескивает воду в стакане) горюнишься?^к Не волнуй... Объясни хладнокровно.^л Оставь воркуны, дорогуша моя.

Софья Петровна (перебегая от него). Вы — двуглазый дурак после этого!

Сергей Сергеевич (опуская очки на лоб и выпрямляясь с достоинством). Я — не двуглазый дурак.^м и всему^н есть границы и меры...

Софья Петровна. Нет, это уж!^о (Вдруг топнув ножками.) Границы и меры!^п У вас — рыба кровь.

Сергей Сергеевич (обиженно отходя). За тобой нянькин глаз нужен, право...

Софья Петровна (бросая ему в спину и наступая). А... а... оставлять так жену!^п

Сергей Сергеевич (задетый чем-то). Ты напрасно думаешь; я-таки, — понимаю (с порывом откровенности) и вижу.^р

Софья Петровна (перебивая его^с). Себе завести там вторую семью; жена — брошена, а вторая семья — благоденствует... (Явно не веря в свои слова.)^т Не утаите; поду-

^е Далее было: Ни рыба, ни мясо...

^з Было: Ну чего

^н Далее было: А... а... Ах, оставьте, оставьте меня...

^к Было: Как же так?..

^л Было: Чего ты горюнишься?

^м Далее было: Софья Петровна (вскакивая с негодованием). Нет уж это... [Нет это]

^н Далее было: нет

^п Было: всему же

^о Было: Нет, это уж слишком...

^п Далее было: А, а?.. Хладнокровно?..

^р Было: я вижу. [я знаю...]

^с Вариант: перебивая: [в порыве] истерической выдумки

^т Далее было: знаю я — все;

маешь – издудились над чижиком; как же!^у какой иготерпец, страдалец; я знаю, как вы без меня тут:^ф ха-ха, – отправляется за город – ха-ха-ха-ха – с силками для птиц: ха-ха – чижиков ловить;^х говорят уж про этого вашего,^п дачного чижика: знаю, – какой такой чижик...

Сергей Сергеевич (безнадежно отмахиваясь, как от давно знакомого, во что не верит сама Софья Петровна). Поехала! (Перемогая себя и вдруг решаясь на^к признание.) Милая воркуша моя, с той поры... как... как: словом – как я перебрался в ту комнату... (С запальчивым жаром.) Я – человек простой, без затей, человек военный, но... но: самолюбие есть у меня (прохаживается по комнате); и свободы твоей не хочу я стеснять; при тебе я стою – на часах; вот и все... (С оттенком укоризненности.^м) Но я все понимаю: да – все понимаю... И, знаешь ли, эти... эти поездки с силками, в природу, – единственное, невинное удовольствие, отдых и – чижик, знаешь ли, птичка Божия... А ты – вот:^н вторая семья... (Снисходительно.) Я же чувствую, что и тебе не легко... (Подходя^ь и пытаюсь обнять.) Все-таки у меня, Фифи, есть надежда.

Софья Петровна (отталкивая). Для вас не Фифи я...

Сергей Сергеевич (испуганно). Софи... Я забылся; сама же ты говорила когда-то: «Фифи я для вас»... (Обрывая себя.) Ну так вот: у меня есть надежда... Когда-нибудь... (Испугавшись.)^м Ну, не стану... Мое отдаление,

---

^у Было: как же; подумаешь –

^ф Далее было: по-иному; проводите время; то же

^х Далее было: ртов не закроете; все

^п Далее было: чижика подгородного

^к Далее было: откровенность

^м Было: укоризны

^н Было: вот что

^ь Далее было: с нежностью

^м Далее было: Не стану, не стану... (Подойдя к столу и барабанив пальцем.)

хладнокровие, ну... и там... чижик... и флейта... и загородные поездки по праздничным дням... — не от холода, ты пойми.

Софья Петровна. Задудили дуду...^b

Сергей Сергеевич. А от, так сказать, врачевания: в целях... Я — человек без затей: так уж прямо я... (С нежной осторожностью.) Может быть... (Подкрадываясь.) Ты хотела бы... видеть?...

Софья Петровна (угрожающе). Что? (Быстро срывает шубу.) Марфушка... Уберите шубу... (Вбегают Марфушка.) Снимите ж, Марфушка (Снимает ботинки.) Это что? От мадам Фарнуа?.. (Спохватываясь.) ... Я и так опоздала... (Показывая на кардонку.) Откройте... Костюм Помпадур...⁹ Не говорила модистка про блонды?..

Марфушка. Материала, сказывала она, не хватило...

Софья Петровна (перебивая). Ах, вздор какой!.. Принесли-таки... А как спорила (Обе развязывают кардонку и вынимают голубой с серебром костюм Мадам Помпадур, шляпу «Bergère». Софья Петровна показывает Марфушке костюм.) Кружева валансьен... туфли... помпоны.

Сергей Сергеевич (не зная, как ему реагировать на все). Красивый какой...

Софья Петровна. Не мешайте: не смыслите ничего... Вы бы шли... Ну чего вы толкаетесь... (К Марфушке.) Спорила я... Фарнуарша меня уверяет, что блонды не нужны; она говорит: «Моего вкусу, вашего...» Не уступила...

Марфушка. Вы такая развкусница...

Софья Петровна. Ну, несите...¹⁰ (Марфушка уносит костюм в комнату Софьи Петровны.) И^a все приготовьте...

^b Было: Ну, задудили дуду...

⁹ Было: Костюм мадам Помпадур...

¹⁰ Было: Ну, несите ко мне...

^a Далее было: там

(Вдруг вспомнив что-то ужасное – с плачем.) Ах, нет...^{Па} Этот бал... Не могу...^б Не поеду...

Сергей Сергеевич (который все время мучительно обдумывал что-то и глядел рассеянно на костюм, теперь с нежностью подступает к Софье Петровне). У вас,^в Софочка, что-то произошло. Николай Аполлонович и ты – вы повздорили? Расскажи^г без утайки, как другу, стоящему, так сказать; и попробуем обсудить положение вещей... По желанию твоему написал я тогда деликатно: просил не тревожить тебя, не являться... Я встретился с ним;^д но о письме, разумеется, речи не было... (После паузы.) Хочешь, дружок, – я ему напишу?

Софья Петровна (со взрывом ярости и слез). Вы не смеете мне говорить про него; он – мерзавец, мерзавец:^е дрянной игрочишка. Другой бы муж, любящий,^ж настоящий мужчина, его пристрелил бы.

Сергей Сергеевич (в ужасе). Ну что ты, Фифи – Соня.^з Можно ли^и такие слова допускать? Что же делать, – должны относиться мы деликатней к движениям сердца, которые, так сказать, и понятны, и... Николай Аполлонович, человек, ушедший в науку, философ.^к

Софья Петровна (истерически). Да^л так рассуждают одни, прости Господи, – одноносые простецы.

Сергей Сергеевич (обиженно схватываясь за нос). Это даже обидно: ну где ты видела, чтобы были двуносые?..^м

---

^{Па} Было: Ах, нет, не могу...

^б Было: Не хочу...

^в Было: У вас тогда,

^г Было: Ну расскажи

^д Далее было начато: а и он выразил б проводил он до дому;

^е Далее было начато: Другой бы

^ж Было: жену любящий,

^з Было: прости: Соня.

^и Было: Как можно

^к Было: философ: его мы с тобою, друг мой...

^л Далее было: вот

^м Далее было: Не понимаю...

Софья Петровна (еще громче). Что вы смотрите?..^н
Не понимаете? (Вдруг решаясь на что-то^о потоком истерики.)
Вашу жену – преследуют! (Она кладет одну руку на грудь, а
другой – театрально указывает в пространство.)^п Издеваются:
вы не знаете?.. Вы не знаете?.. А вот он – красный шут.^р

Сергей Сергеевич. Сонечка, да имей ко мне
жалость; я – человек простой: без затей...

Софья Петровна (вспомнив что-то). Ах,^с я опоздаю...
(Бежит в свою комнату, гасит свет, заставляя^т дверь альковым.)

Сергей Сергеевич печально проходит в дверь налево.

Голос Марфушки (из-за ширм): «Голубушка... Расхо-
дились... Оно и понятно: балы...»

Голос Софьи Петровны: «Ну вы это там... Ничего
не смыслите...»

Голос Марфушки: «Ряженные?»^у

Голос Софьи Петровны: «Да...»

Голос Марфушки: «И всякие там?»

Голос Софьи Петровны: «Да».

Голос Марфушки: «И турки, и негры?..»

Голос Софьи Петровны: «Бывают и турки, а
негры – не знаю...»

Голос Марфушки: «А вы – раскрасавицей будете».^ф

Голос Софьи Петровны: «Она мне:^х “В ‘Maison
Tricotons’ вы пойдите”, но – фи: “Maison Tricotons”!^ц»

---

^н Было: а Ну... ну б А что вы смотрите гагою?..

^о Далее было: с потоками сле<з>

^п Далее было: А вы

^р Было: красный шут: домино.

^с Было: а После, после... Идите... б Пора одеваться... в Ах, пора одеваться...

^т Было: задвигает

^у Было: Что же это – все ряженные?

^ф Было: А вы – раскрасавица будете в этом.

^х Было: Она это мне:

^ц Было: ну а в «Maison Tricotons» – не отдала бы;

Что я, – гостиннодворка, аршинница? Не гувернантка я, чтобы мне – в грандмизэр...»

Голос Марфушки: «А какой гарнитур!»

Голос Софьи Петровны: «Чистый шелк...»

Пауза.

Голос Софьи Петровны: «Тусклые шелковые ткани атласятся от носки... Да вот, – меряю, а она:^ч “Вы в этом вот декольтэ – такая грация, такая греза, такая деликатэс”... И поет дифирамбы... А я говорю: “Тут – дефект: у вас оборка-то – а? Я у вас демикотоновое, изабеллова цвета заказывала, драдедамовое, изжелта-красноватое, а вы – спорите...” Ну и решили...»

В комнате появляется Сергей Сергеевич, подходит к алькову и тихо бросает.

Сергей Сергеевич.^ш Выйди-ка на минуточку?..

Голос Софьи Петровны: «Ах, какой приставало (со снисхождением): мне некогда».

Сергей Сергеевич. Ну, голубчик мой.^щ

Вспыхивает свет; из-за алькова выходит Софья Петровна в костюме Помпадур, но с распущенными напудренными волосами.

Софья Петровна. Идолопоклонничать не умеете... Знаю,^ъ зачем вы пришли... (С раздражением.)^з Нет, нет, нет: вы такая добрятина; кисель, а не человек... Завели волокушу... (Поддавая жару.) И ум-то у вас воробьиный какой-то... (Вдруг с криком.) Ведь он – волочился за мной... А теперь...^ь

Сергей Сергеевич. Он, по-твоему, показывает двуличие?

---

^ч Далее было: что

^ш Далее было: Дружок: я – измучился...

^щ Далее было: (просительно) – выйди.

^ъ Было: Я знаю

^з Было: (вдруг с раздражением)

^ь Далее было: А теперь

Софья Петровна (*точно ее прорвало*). Слушайте же: (*блистая глазами и с театральными жестами*)⁹ из-за дворцового бока, у Зимней Канавки, перед женой вашей... выросло (*с ужасом*) красное домино.

Сергей Сергеевич (*испуганно*). Бог знает что... Когда?

Софья Петровна (*торжествующе*). Только что.

Сергей Сергеевич (*с ужасом*). Бог знает что!.. (*Негодующе.*) Какой-нибудь безвкусный проказник. Теперь же не святки... Да ты — успокойся.¹⁰

Софья Петровна (*плача*). Передо мною — стояло!

Сергей Сергеевич. Ну что тут: не образовалась же в мире пробоина, из которой он выбежал...

Софья Петровна (*сызнова переживая*).¹¹ Я влетела на мостик Канавки; я — вскрикнула: тут он споткнулся (*горько и громко плача*); и я увидала — зеленые, панталонные штрипки... студенческих панталон...

Сергей Сергеевич (*с ужасом*).^{11а} Ну и что ж?

Софья Петровна (*с расширенными глазами*).⁶ Побежали какие-то люди; раздался свисток; он — вскочил; на углу лихач ждал его (*с ужасом*); забарахталось красное — там, в пролетке,⁸ натягивая николаевку.

Сергей Сергеевич (*схватываясь за голову*). Николаевку... А!..

Софья Петровна. Я — в сторону; лихач — в сторону.

Сергей Сергеевич (*с ужасом поднося руку к голове*). А!..

Софья Петровна (*впадая в неистовство*). Урод!.. Канавка же не какое-нибудь прозаичное место, где можно упасть, показать свои штрипки...

---

⁹ Далее было: иду домой —

¹⁰ Было: Да ты — успокойся: ну что тут...

¹¹ Было: (*как бы сызнова переживая*)

^{11а} Было: Ну и (*с ужасом и любопытством*)

⁶ Далее было: Он вскочил;

⁸ Далее было: копясь

Сергей Сергеевич *(с отчаяньем)*. А! А!..

Софья Петровна. Тут стояли и Герман, и Лиза, а он... *(С новым припадком плача.)* Не повел себя Германом.

Сергей Сергеевич. А!..

Софья Петровна. Растянулся на мостике и бежал от ночных сторожей. *(С отчаянием.)* Не сказал: «Я люблю». И не бросился в воду.

Сергей Сергеевич *(растерянно, но с прорывающей яростью)*. И ты уверена, что...[†]

Софья Петровна *(визжа на него)*. Вашу жену преследуют... Ведь оно и в подъезде стояло недавно...

Сергей Сергеевич *(хватаясь за шею, странным задущеным голосом)*. Кто?

Софья Петровна. Домино[‡] *(таинственно)*: протянуло кровавого цвета рукав; Марфушка дверь захлопнула, а я – в слезы; вас не было дома.

Сергей Сергеевич деревянеет, как палка: и нельзя понять, что с ним происходит.

Софья Петровна. Поступить с беззащитною женщиной так!

Сергей Сергеевич не двигается, но[§] лицо его как бы сдергивается с себя самого, точно его укусила бешеная собака; кулак его неожиданно взлетает над головой и так же неожиданно падает; Софья Петровна с недоумением, любопытством, потом даже* со страхом вглядывается; вдруг Сергей Сергеевич с бешеным лицом принимается[¶] бегать по комнате, подбегает к Софье Петровне и, точно не узнавая ее, низко согнувшись, выпаливает скороговоркой.

Сергей Сергеевич. Милостивая государыня, я вам муж, а не грум. *(Принимается по-прежнему бегать, ударяя левой рукой, сжатой в кулак, по воздуху – на поворотах.)*

[†] Далее было: что... это...

[‡] Было: Да домино:

[§] Было: Сергей Сергеевич передергивается:

* Далее было: с ужасом

[¶] Было: вдруг Сергей Сергеевич с новым, бешеным лицом начинает

Софья Петровна (с недоуменным испугом отступая от него).^н Что вы это?

Сергей Сергеевич (хватаясь рукою за шею и^к давясь, — неузнаваемым голосом, с незнающим взглядом). Кхе-кхе... Ничего... Так себе... (Продолжает бегать, выбрасывая не слова, а деревянную дробь.) Добратались — ха-ха...

Софья Петровна (отступая, с опаскою). На вас рубашку горячечного наденут.

Сергей Сергеевич вдруг останавливается и стоит, вперенный в одну точку, с тем же незнающим лицом, с себя сдернутым, тихо бормоча.

Софья Петровна. Да что же вы это стоите... таким длиннышом... И бормочете... Не бормочите: еще добормочетесь, договоритесь, додержаетесь; ну — довольно (подходит к нему); ну полно, Сергей Сергеевич.

Сергей Сергеевич (стоя спиной к Софье Петровне, бормочет сам с собою, не то жалобно, не то испуганно, не то^л злобно, но тихо). Шутовские гримасы... в неосвещенном подъезде...^м Я — вытормошу... я... я... я... человек без затей... А? Скажите, пожалуйста!..

Софья Петровна (мирно). Ну идите... Пора одеваться... А вы —^п поиграйте на флейте.

Сергей Сергеевич (в том же столбняке). У нас разбросать свои грязи?.. (Вдруг взрывается на всю комнату.) Ужасного паука — раздавить!.. (Давится и схватывается рукою за шею.) Кхе... Кхе... (Из-за алькова показывается Марфушка и с недоумением смотрит на сцену; Сергей Сергеевич вдруг срывается и убегает в дверь налево.)

Марфушка. Что это барин такой: горячишня?

---

^н Далее было: Сергей Сергеевич...

^к Далее было: точно сдавливая себя)

^л Далее было: бешено,

^м Далее было: Нет-с: я уж вытормошу...

^п Было: Ну идите, идите... Пора одеваться мне... Выпейте там воды...

Софья Петровна (*успокаиваясь*). Пройдет^о (*улыбаясь сквозь слезы и испуг*): Это все — от меня...

Марфушка. Не равно будет...^п

Софья Петровна. Это не ваше дело... Идите...^р
(*Уходят за альков.*)

Голос Софьи Петровны: «Черепяховую подайте гребенку...»

Голос Марфушки: «Ах, барыня, — уж и волосы!»

Голос Софьи Петровны: «Ведь вот?.. А?... Какая я, Марфушка, волосуха...»

Голос Марфушки: «Да — да уж!»

Голос Софьи Петровны: «А вы не дадакайте... Не волосатьте прическу: скруглите».

Голос Марфушки: «Что будет народу-то — страсть!»

Голос Софьи Петровны: «Губную помаду... Подите-ка, посмотрите, что^с он».

Марфушка пробегает из-за алькова к левой двери, приоткрывает, просовывает в нее голову и бежит назад — за альков.

Голос Марфушки: «Остановился^т в передней: и дыхи пускает».

Голос Софьи Петровны: «Ну и вот: отойдет...»

Голос Марфушки: «Рот раскрыл, будто воздуху нет: и не рот, а дыра».

Голос Софьи Петровны (*неуверенно*): «Уж вы выдумаете... Принесите-ка зеркальце... Там: в гостиной». (*Марфушка бежит в гостиную, отодвигая альков; видна часть комнаты Софьи Петровны; Софья Петровна сидит перед зеркалом; Марфушка убирает ей волосы.*)^у

Голос Сергея Сергеевича раздается из передней.

---

^о Было: Это... это — пройдет

^п Было: Не равно будет грех.

^р Было: Идите за мной...

^с Далее было: барин...

^т Было: Стоит

^у Далее было начато: (Сергей Сергеевич выходит из передней)

Голос Сергея Сергеевича: «Додружил,^ф довилял, домерзавничал, доглумился, доплюнул в святыню — позорищами своими».

Сергей Сергеевич (*врываясь в гостиную, начинает бегать, отрывисто выхрипывая*). Я... Я... родовой дворянин, столбовой дворянин... кхе-кхе... гвардии подпоручик... кхе-кхе... а не грум... Я... Я...

Софья Петровна (*из спальни*). Что вы это?

Сергей Сергеевич (*останавливаясь и схватываясь за горло*). Кхе-кхе: ничего... так себе...

Софья Петровна. Вы пойдите к себе.

Сергей Сергеевич (*подавляя в себе что-то с невероятным усилием, подходит к двери спальни и^х с насильственной тихостью говорит*). Софи...

Софья Петровна (*Марфушке*). Поторапливайтесь...

Сергей Сергеевич. Софи...

Софья Петровна. Видите, одеваюсь я...

Сергей Сергеевич. Дайте мне обещания, — я очень прошу: не поезжайте к Цукатовым.

Молчание.

Сергей Сергеевич. Я прошу, умоляю...

Молчание.

Сергей Сергеевич. Я... (*Схватываясь за голову*.) Ай-ай: голова.

Софья Петровна. Что вы выдумали? А костюм Помпадур?

Сергей Сергеевич (*плаксиво и видимо не ручаясь за себя*). Не перечьте же: дайте погаснуть.

Звонок: Марфушка бежит открывать, заставив альков; Сергей Сергеевич идет за Марфушкой, хватаясь за голову и вскрикивая.

---

^ф Далее было: давился

^х Далее было начато: деланным

Сергей Сергеевич. Нет: я... – раздавлю уже этого сладострастного павиана... А... а...: в голове – додекаэдры!..^а

В гостиную входит курсистка Варвара Евграфовна, в очках, с короткими волосами, в пальто и с зонтом.

Сергей Сергеевич (*столкнувшись с ней, запахиваясь в халат*). Извините: я... вот... Не одет... (*Исчезает.*)

Варвара Евграфовна. Проходите себе: я не вижу вас...

Софья Петровна (*заслоненная Марфушкой, которая ей доканчивает прическу*). Милая Варвара Евграфовна, – уж пожалуйста, извините: сейчас... Тут вот только: прическа.

Варвара Евграфовна. Да у меня пять минут...^б (*Подходит к столу и берет книжечку.*) Что это такое? Кто дал вам книжонку?

Софья Петровна. Анри Безансон? Баронесса...

Варвара Евграфовна (*подносит к носу книжку*). И не Анри Безансон – Анни Безант... Вот чушь-то (*читает надпись*): «Моему деваханическому другу...^в брeнная скорлупа, но с будхической искоркой»... Охота вам дрянь читать.^в

Молчание: слышно^б шлепанье туфель Сергея Сергеевича в передней.

Варвара Евграфовна. Вы, конечно,^б к Цукатовым – на вечер?..

Софья Петровна. Минуточку... Я вот только припудрюсь.

---

^а Было: в голове какие-то додекаэдры!..

^б Далее было: Я и не думала застать-то вас

^в Далее было начато: что это? Брeн<ная>

^б Было: Охота вам дрянью-то набивать свою голову...

^б Далее было: яростное

^б Далее было: на вечер –

Варвара Евграфовна. На этом балу будет общий наш с вами знакомец, как кажется,⁵ Аблеухов...³ Поручено мне...

Софья Петровна (*появляясь во всем блеске Помпадур перед Варварой Евграфовной*). Вот и я.

Голова Сергея Сергеевича показывается из передней: он слушает.

Варвара Евграфовна (*оглядывает Софью Петровну небрежно в пенсне*). Вижу, вижу... Поручено —¹⁰ передать ему это письмо: передайте же, оно — важное...⁸ Передадите?

Софья Петровна (*не зная, что сказать*). Пе... пе...

Варвара Евграфовна (*строго*). Передадите?

Софья Петровна. Пе... пе... передам.

Голова Сергея Сергеевича исчезает.^{14a}

Варвара Евграфовна. Ну, а мне прохладиться тут некогда... Начинается всеобщая забастовка... На митинг я... Передадите? (*Прощается*.)

Марфушка идет провожать Варвару Евграфовну.

Софья Петровна (*тихо Марфушке*). А вы посмотрите, что барин.

Марфушка и Варвара Евграфовна уходят в переднюю. Софья Петровна неподвижно глядит на письмо, положенное Варварой Евграфовной на стол;⁶ в окне протяжный свисток проходящего пароводика; появляется на пороге комнаты Марфушка.

Марфушка.⁸ В комнате у себя, в темени — на стуле сидит: слюни глотает...⁷

Софья Петровна (*брезгливо*). Ах!..

---

⁵ *Далее было:* студент

³ *Далее было:* Ну — вот: так

¹⁰ *Было:* Поручено мне

⁸ *Было:* очень важное...

^{14a} *Далее было:* из передней

⁶ *Далее было:* над головой

⁸ *Далее было:* Что?

⁷ *Было:* на стуле сидят, слюни глотают...

Марфушка скрывается; над головой Софьи Петровны раздается старинная полька-мазурка: кто-то играет на рояли;^а Софья Петровна берет ручное зеркальце и оправляет напудренные свои волосы; на руке у нее болтается черная маска;^б она, глядя в зеркало, скашивает глаза на письмо, берет его, с жадным любопытством рассматривает, видит, что письмо едва заклеено, пробует пальцем его раскрыть; письмо отклеивается; тогда быстрым мышинным движением она выхватывает записочку, но в комнату входит Сергей Сергеевич;^в записочку и конверт Софья Петровна зажимает в руке и с вызовом взглядывает на Сергея Сергеевича; Сергей Сергеевич — совершенно бледный, растрепанный; руки у него дрожат; с ним нечто вроде припадка удушья; лицо —^г неузнаваемое: идиотски-диавольское; но на это идиотски-диавольское выражение он натягивает искусственную кротость.

Сергей Сергеевич. Я, по крайней мере, дал честное, офицерское слово, что... на балу вы не будете.

Молчание.

Сергей Сергеевич. А в противном случае... Мне придется... вам... запретить...

Молчание.

Сергей Сергеевич. Если же вы поедете все-таки...

Софья Петровна. Не устраивайте Домостроев: я — еду.

Сергей Сергеевич. Нет, вы не поедете.

Софья Петровна. Поеду.

Сергей Сергеевич (*вскрикивая*). В таком случае вы не вернетесь.^а (*Как бы лишившись последней опоры, тихо падает в кресло и говорит с до ужаса неестественной тихостью.*) Нет, я — вгорячах... Я не спрашивал... Я человек без затей... Вы же сами призвали в свидетели... После того, что сказали... я... я... не могу: Господи: в голове — какая-то опухоль... (*Вскакивая, как бешеный, — шепотом.*) Поедете — не

^а Далее было начато: Софья Петровна идет к

^б Было: масочка

^в Далее было: тогда и

^г Далее было: тоже, т. е.

^а Было: не вернетесь обратно.

вернетесь... Произойдет ужасное что-то...^к я не ручаюсь: ай, ай – голова, голова!..^л (Вдруг с последнюю нежностью.) Да пожалейте,^м Софи, – и себя, и меня... (Схватываясь за шею.) Человек без затей просит...^н Кхе...^о

Софья Петровна (со странной, почти дьяволической улыбкою машет ему, как одержимая, запиской пред носом). Поеду, поеду.^п

Сергей Сергеевич (молчит^р с выпученными глазами; и – вдруг: раздается нечеловеческий рев).^с Вон!^т (Что есть мочи ударяет кулаком по кипарисовому столику: * столик падает с грохотом; Сергей Сергеевич вихрем вылетает.)

Крик Марфушки в передней: «Я так не могу, слабонервная я...^у»

Звуки польки-мазурки обрываются: кто-то сверху громко стучит в потолок.

Голос Марфушки: «Слышите: предупреждают...»

Но Софья Петровна ничего не слышит и не видит; со страшным возбуждением она развертывает записку к Николаю Аполлоновичу и читает; лобик наморщивается, глаза от ужаса расширяются,^ф стоит с расширенными от ужаса глазами... В лице – что-то преступное.

Софья Петровна. Нет, шутки друзей...

Голова Сергея Сергеевича просовывается из передней.

Сергей Сергеевич. Я даю офицерское слово, что вы не вернетесь. (Скрывается.)

^к Было: Произойдет – такое, что...

^л Далее было: На четыре грани распалась!.. [И]

^м Было: Да пожалейте же,

^н Было: просит вас...

^о Было: Кхе-кхе...

^п Было: Поеду, поеду, поеду.

^р Было: Прямой, как палка, молчит

^с Далее было начато: В таком

^т Было: Вон, вон!

^{*} В автографе: кипарисовым кулаком по столику: (Исправлено по смыслу).

^у Было: Ай... Я так не могу...

^ф Далее было: она стоит с расширенными от ужаса глазами... Вдруг на лице ее отображается что-то преступное.

Софья Петровна (презрительно улыбается Сергею Сергеевичу; и потом, охваченная новой волной ужаса, перечитывает записку; и мечется с нею по авансцене). **А если?..** (Качает головой.) **Нет... Герман, — тот мог бы...** (Задумывается; и с дьявольскою усмешкою.) **Нет: просто — так... поугагать.** (Быстро всовывает записку в конверт и заклеивает; все движения ее приобретают темп бешеной торопливости; письмо прячет в карман, бежит к туалетному столу, пудрится.) **Марфушка: шубу!** (В одной руке у нее черная масочка; в другой — пуховка.)

Сергей Сергеевич выкидывается из передней и бросается к двери спальни; Софья Петровна повертывается к нему иронически, бросает пуховку, слегка приподняв свою юбку-панье за фестончики, плавно плывет в реверансах мимо него, показывая длинный нос; на руке ее мотается черная масочка; Сергей Сергеевич срывается и летит в переднюю, откуда появляется с ротондой в руке; бледный как мел, прямой как палка, он старается казаться спокойным, но глаза у него — идиотские; он вытягивается перед Софьей Петровной с ротондой в руках, щелкая воображаемыми шпорами; Софья Петровна делает ему реверанс <и> с лицом — тоже одержимым — подставляет ему спину*; он с неестественной галантностью окутывает ее ротондой; и, в три обезьяньих прыжка очутившись у двери, распахивает дверь; Софья Петровна пробегает в дверь, кивнув ему с кокетливой гордостью; Сергей Сергеевич низко ей кланяется; потом с обезьяньим ослабленным лицом выбрасывает руку и ногу в дверь; Марфушка всплескивает руками и пробегает за барыней; Сергей Сергеевич с диким лицом делает по комнате несколько мазурочных па; вбегает Марфушка, но Сергей Сергеевич ее выволакивает из комнаты; слышны голоса: «Уходите». — «Да как же это?..» — «Вон». — «Да куда же...» — «Вон из дому...» — «Барин». — «Вон...» — «Эдак как раз избрюшите...» Слышна возня. Сергей Сергеевич полоумно влетает в гостиную и гасит электричество.

Сергей Сергеевич. Кончено!.. (Гостиная озаряется луной.) **Надо вынести зеркала...**

Схватывает в туалетной комнате Софьи Петровны зеркало; увидав свое лицо, высовывает язык; ставит зеркало обратно; гасит в комнате Софьи Петровны электричество, зажигает свечку; со свеч-

---

* Было: шубу

кой проносится по гостиной в левую дверь; является оттуда с бритвенным прибором, усаживается в комнате Софьи Петровны перед туалетом, спиной к зрителям, мылит щеки, бреется, вскрикивает от боли; над головой опять начинают играть вальс.

Сергей Сергеевич. А... А... Отхватил ус... Отхвачу и другой... Вот так, так... Голова, голова: додекаэдры... Выгляжу совершеннейшим идиотом...

Быстро пробегает в левую дверь; появляется с веревкой; мылит веревку, делает петлю; ставит стол к лампе, ставит стул на стол, карабкается с веревкой на стул, снимает лампу, бережно опускает ее на пол; взлезает сызнова, надевает веревку на крюк потолочный, надевает петлю на шею, затягивает ее, подсунув два пальца между веревкой и шеей, натягивает веревку и задумывается в полусогнутом положении под потолком; резкий звонок; Сергей Сергеевич делает резкое движение головой; крюк с грохотом вырывается из потолка; кругом обваливаются куски известки;¹ Сергей Сергеевич падает на стул с криком: «Недоповесился!» И тихо замирает; в передней вспыхивает свет; слышны голоса.

Голоса: «Барыня дома?... А мы... За ней...»

Голос Марфушки: «Барыня поехали...»

Голоса: «А мы в карете – за ней... Барин дома?»

Голос Марфушки: «Не знаю, как... да они...»

Сергей Сергеевич, как сумасшедший, очнувшись, прыгивает на землю и с веревкой на шее несется к двери в переднюю, сталкиваясь с Марфушкой, вошедшей в гостиную.²

Марфушка. Ай!

Сергей Сергеевич.³ Видите, Марфушка... Это ничего... Это – так... Я... чинил... потолки... Потолки тут испортились.

Марфушка плачет.

Голоса из передней: «А?... Сергей Сергеевич... Вы, я слышу, тут чинкою занимаетесь?»

---

¹ Далее было: слышно, как Марфушка отпирает переднюю

² Далее было: Сергей Сергеевич выталкивает Марфушку за дверь

³ Далее было: (Придерживая дверь, бросает за дверь)

Сергей Сергеевич (*защищая дверь рукой*). Не надо... Не надо... (*Просовывает голову в переднюю.*)

Г о л о с а: «Что вы сделали? Вы... в крови?... Вы... обрезались... Вы...»

В дверь входят два офицера в расстегнутых шинелях; кто-то зажигает электричество; гостиная вспыхивает; офицеры в шинелях, из-под которых видны черное домино, отпрядывают.

О ф и ц е р ы. Боже мой!..^ш

В комнату входит белое домино с черной масочкой на лице; у белого домино из-под масочки видно очертание белокурой бородки; белое домино подходит к Сергею Сергеевичу и кладет ему руку на плечо; офицеры, горестно опустив головы, стоят по правую и левую сторону Сергея Сергеевича.

Сергей Сергеевич (*с веревкой на шее и с окровавленным от порезов неузнаваемым, идиотским бритым лицом*). Видите... Тут есть одно обстоятельство... Беспорядок... Простите... Тут^р потолок дали трещину... Я и...^м занялся... себе... Починял.

О ф и ц е р ы. Боже мой!

З а н а в е с

---

^ш Было: Боже мой, Боже мой...

^р Было: Там

^м Далее было: чинил...

Картина пятая

Сцена представляет собой анфиладу из трех комнат, гостиной, маленькой проходной и зала, освещенных тремя светом^а разных цветов и неодинаковой интенсивности; переднюю часть сцены занимает гостиная; справа и слева от кулис, очень близко от рампы, стены гостиной украшены^б двумя зеркалами; под зеркалами справа и слева по столику, вокруг которых по три кресла; несколько ближе к середине сцены гостиная двумя вдавленными овалами отступает от авансцены, образуя широкие, полукруглые ниши, оканчивающиеся двумя колоннами, открывающими проход в круглую проходную комнату; внутри овальных ниш справа и слева по овальному столику перед двумя вогнутыми диванами; проходная комната небольшая; она открывается в кусок узкого, вероятно, длинного зала, где происходят танцы; виден в глубине сцены кусок стены белого зала.^в

Освещение распределено неровно; передние части гостиной неярко освещены лиловым светом, переходящим у кулис авансцены в жуткие сумерки, потому что источник света в виде^г электрического фонаря^а в лиловом абажуре находится во вдавленной внутрь сцены средней части гостиной; проходная, круглая комната освещена интенсивно красным светом; источники света, красные электрические лампы, находятся в невидных частях комнаты; зал освещен ослепительно белым сиянием. Сообразно с освещени<ем> и <две>та комнат; стены гостиной – лиловые; и все предметы – лиловые; столи<ки> – черные; диваны и кресла – лиловые; в красной комнате – красные предметы; если оттуда видна мебель, то она – красная; виден краешек столика, на котором стоит прохладительный напиток – морс; вообще в этой комнате предметов мало; кусок зала – ослепительно бел; и все там – белое: стены и прочее.

---

^а *Далее было начато:* разной окраски и разного

^б *Было:* украшенные

^в *Далее было:* и дверь, ведущая в переднюю.

^г *Далее было начато:* лилового

^а *Было:* электрической лампы

Сообразно с цветами комнат и группировка преобладающих цветов дамских платьев; у авансены более мужчин, т. е. черных сюртуков; во вдавленной внутрь сцены^о части гостиной преобладающие цвета дамских платьев – пепельно-фиолетовые и серые; исключение составляет лишь темно-желтое платье одной из трех дам-мегер, заседающих в овальной правой нише; наоборот: преобладающие цвета платьев танцующих барышен в зале до появления масок – белые атласные платья;^{*} есть и небесно-голубые; совсем мало розовых; барышен в зале значительно более, чем кавалеров; лишь с появления масок спектр зала становится пестрым.

Во все время действия этой картины от времени до времени проходят гости из правого куска невидной части гостиной в левую и обратно; а также из этих частей через проходную^з красную комнату в зал, или из зала в гостиную, иногда останавливаясь во вдавленной внутрь сцены части гостиной и никогда не останавливаясь в красной комнате за исключением случаев, указанных в ходе действия; впечатление, что красная комната пустует и ее точно нарочно избегают.

При открытии занавеса имеет место следующее расположение действующих лиц; слева, под зеркалом у самой авансены, в угле кулис за тремя креслами перед черным столиком расположились: М-ше Цукатова, очень полная дама лет сорока п^яти с двойным подбородком и с чувством собственного достоинства; у нее черное атласное платье и черная лорнетка, которой она играет; рядом с ней толстый редактор консервативной газеты, имеющий вид Быка Барановича Мясо; третий – степенный, молчаливый господин; справа под зеркалом авансены расположилась группа: очень тонная, худая и молчаливая седая старуха, вся в черном, видный чиновник и лысый старичок-сенатор с отвисшей губой; эти шесть лиц – в черном, движения их степенны; они – мало говорят; они почти не освещены.

В отступающей внутрь сцены средней части гостиной, более озаренной лиловым светочем, на вогнутом диване справа расположены не аристократические дамы^н; это – безобразные мегеры; первая, сидящая у колонны, открывающей красную комнату, ужасно^лста и покрыта бородавками; она то заглядывает в зал и в красную комнату, то бросает взгляды перед собой; на ней все серо-пепельное; серо-пепельный веер, шаль, платье; рядом с ней не менее безобразная высокая и до ужаса худая вторая мегера

---

^о *Далее было:* овальной комнате

^{*} *Далее было начато:* следующий цвет

^з *Далее было:* часть

^н *Было:* три менее аристократических дамы

в желтом; третья мегера мало вступает в разговор, лениво обмахиваясь веером и качая в знак согласия головой на все, что ни <сл>ышит; она – в сером; первые две мегеры – отчаянные сплетницы; первая – наиболее злая и болтливая; в овальной нише на лево, ближе к колонне^а не безобразная дама, страдающая экзальтацией; на ней все – серо-вишневое; она старается говорить приятное и положительное, но выходит все приторно; рядом с ней – тихий генерал с красным околышем; рядом с генералом особа во всем серо-лиловом, старающаяся держаться аристократически. В этой части гостиной дамы непрерывно обмахиваются веерами; здесь все – кишит, копошится, шепчется, инсинуируется.

При открытии занавеса^а из невидной части гостиной проходит к порогу красной комнаты и созерцает танцующих мастодонтообразный господин в очках с двумя бачками и с очень рассеянным видом, чувствующий себя здесь чужим; это земский деятель из провинции, брат М-ше Цукатовой, по прозванию Коко; он имеет тенденцию во все время действия наведываться в красную комнату и, стоя около столика с морсом, глядеть в зал; парочки, подбегающие к прохладительному питью, вечно на него натываются.

При открытии занавеса в видимом куске зала бурная жизнь и веселье; это – точно издали показываемый рай; все там ясно, невинно и красиво; видна суeta белых и голубых барышен, правоведа, пажа, трех гимназистиков, двух студентов; среди них фигура Цукатова, высокого, стройного господина, лет 50-ти, с длинными, совершенно седыми закрученными баками, во фраке; вокруг него разлетаются барышни и молодые люди, остается сияющее и пустое белое пространство; он стоит^а посередине белого куска зала с пальцами^а правой руки, ухватившимися за баку; вдруг, выставив подбородок из бак по направлению к невидному таперу, Цукатов как бы бросается вперед с быстро наклоненною головою; и, как бы боднув пространство, делает рукой пригласительный жест.^о

Цукатов (громовым голосом). Па-де-катр, силь-ву-плэ!

В зале начинаются танцы; музыка не мешает разговору, происходящему в гостиной; пока из видимого куска белого зала открывается картина танцев, в гостиной происходит разговор.

---

^а Было: у колонны

^а Далее было начато: а какой-то господин, выйдя б 2 господина, выйдя

^а Было: он, стоя

^а Было: с растопыренными пальцами

^о Далее было: таперу

Первая мегера (*закрыв кривой рот веером и указывая на Цукатова*). Все ему вытанцовывалось... Натанцевались знакомства... Пустился отплясывать службу... Ха-ха-ха...

Дама в вишневом (*бросает первой мегере*). Но дочки – д<ва> ангела...

Первая мегера. Вытанцевались...

Вторая. Ха-ха...

Третья. Теперь...

Первая мегера. Дотанцовывает себя. Ха-ха...

Редактор (*Цукатовой*). Наши парламентарии – демократишки, адвокатишки – да-с – безграмотят азбуку гражданских законов...

Лысый сенатор (*с правой авансены – чиновнику*). Увидите, этот словесный припадок коклюша прервется: революционную рвотую.

М-ше Цукатова (*редактору*). Да?

Аристократка – старуха (*с правой авансены – сенатору*). Ах, что вы?

Дама в лиловом (*из левой ниши, томно*). Я слышала игру на виоле, и...

Первая мегера (*из правой ниши, указывая на даму^п в лиловом*). Выхитрить гранд-теню, это вовсе не значит держать себя.

Вторая мегера (*первой*). Вышлифовать манеры сумеет и всякий дранец.^р

Хриплый смех трех матрон: «Ха-ха: хорошо это сказано».

Редактор (*Цукатовой*). Я утверждаю: есть связь между жидами, японской войной, тверским земством и^с только что бывшим боксерским восстанием.

---

^п Далее было: в вишневом

^р Далее было начато: Редактор (*Цукатовой*)

^с Далее было начато: действиями Больших

Аристократка — старуха. Я «*Barbe*» говорила: *vosre tante**...

Из невидной части гостиной проходит вылощенный молодой франт в монокле в сопровождении нарядной молодой дамы,[†] останавливаются посредине авансены спиной к публике и глядят в зал на танцующих; франт рисуется.

Лысый сенатор (с правой авансены — чиновнику). Абди-кационный акт в первоначальном оттиске есть.

Чиновник (с правой авансены — сенатору). Так что можно обжаловать...

Дама в вишневом[‡] (поднимается с места и идет к первой мегере, указывая ей на рисующегося франтика). Человек — великосветский: умеет блеснуть; его профиль великолепен и безупречен, как барельеф; и глаза, как испанские кастаньеты, летают: картинка!

Лысый сенатор (живая на франтика). Благонамеренный молодой человек.

Генерал (из левой ниши — даме в лиловом). Два имени с бельведерами — пробаронил-с: да-с — франтик в бантиках.[§]

Молодая дама (франту). Я обратила внимание, как^х бисер<ят>ся пылинки венецианского кружева на ее платье шанжан — серо-сиреневом: с отливами вишни...

Молодой франт. Да, — Венера... А эта окáтистая жемчужина... (Проходит с дамой в красную комнату и оттуда любит, рисуясь, на танцы; все шесть персон, сидящих в овальных нишах, впиваются глазами в них, когда они проходят мимо, особенно первая мегера.)

Первая мегера (указывая веером на молодого франта — даме в серо-вишневом). Ха-ха-ха-ха!..

* ваша тетка (фр.)

† Далее было: проходят

‡ Было: Первая мегера

§ Далее было: а Вторая мегера. б Франт. в Молодой франт.

х Было: Я обратила внимание на нее:

Дама в вишневом (*глядя вслед франту*). Походка – версификация, баркарола.

Первая мегера (*даме в вишневом – едко*). Не знаю... Ха-ха... Что находите вы: будуарная белоручка: безбровый, бесполоый.

Дама в лиловом (*из левой ниши*). Не ком-иль-фо!

Первая мегера. Бюллетень патентованной глупости...

Дама в вишневом¹ (*протестующе*). От него – ветерок «флёр-кимёр».

Первая мегера. А что душится, – поневоле надушишься, если пахнет во рту.

Вторая мегера. И при этом он носит бандаж.

Все. Ха-ха-ха.

Франт с дамой поворачивается, виляя задом и играя моноклем, проходит мимо мегер, которые смотрят на него² съедающими глазами, кроме первой мегеры, с которой раскланивается спутница франта.

Первая мегера (*скромно и приторно – спутнице франта*). Какое блестение бриллиантов...

Пара проходит вдоль авансены в левую кулису у авансены; первая мегера, приподнявшись с места, берет под руку даму в вишневом и ведет ее к авансене; обе бросают взгляд на М-ше Цукатову, разговаривающую с редактором консервативной газеты.

Первая мегера (*указывая веером на Цукатову*).³ Она предоставила танцами дирижировать <муж>у; ей хочется здесь дирижировать конъюнкт<ур>ами... Хе-хе-хе-хе-хе... Танцует по-своему. (*Идут обратно: первая мегера идет в нишу направо; дама в вишневом – в нишу налево.*)

Во время этого разговора танцы в видном куске <зала всё> прод<олжа>ются; от времени до времени или кадетик или бела<я

¹ Далее было начато: Но... он душится

² Далее было: иронически

³ Далее было начато: И здесь т< >

атласная ба>рышня пробегают в красную комнату, натываясь <у столика с> морсом на клюющего со скуки^м около столика с морсом <Коко, кото>рый сперва смотрел на танцы, а потом сел на красный пуф ок<оло> столика; М-ше Цукатова и редактор консервативной газеты, вст<ав>ши со своих мест, идут в левую кулису у авансены; видно еще ранее, как в зале^в показывается профессор статистики с огромною светло-рыжею бородою; на плечи его, как войлок, валяются космы, отворот сюртука глупо торчит; он вытирает платком нос и бороду, не будучи в состоянии пробраться чрез^д танцующих.

Лы сый сенатор (с правой авансены). Но позвольте-с, – Сенат, то есть, высшее распорядительное судебное место, на эти претензии может только ответить так именно.

Чиновник (с правой авансены: сенатору). И «Сенатские Ведомости» разъясняют.

<Лы>сый сенатор. Я с вами согласен,^в но... (Что-то шепчет чиновнику.)

Дама в лиловом (даме в вишневом). Блуза сетчатая... Бланжевая горжетка; и ленты – взброс: с переборамми... Так ей идет.

Дама в вишневом. Воображаю: такая грация, такая греза, такая – «*же не сэ куа*»* ... (Шепчутся.)

Чиновник (лысому сенатору). Вышли новые штаты...

Тут он обрывается и с открытым ртом смотрит на величественное зрелище: на появление Аполлона Аполлоновича Абреухова в сопровождении М-ше Цукатовой, редактора и какого-то важного господина из левой стороны невидной части гостиной; Аполлон Аполлонович в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, поворачивает голову направо и налево, держась очень сухо и подтянуто; группа останавливается посередине авансены; в это время в зале начинают танцевать вальс, а п<рофессор> статистики, пробрав-

---

^м Было: на задремавшего со скуки

^в Было: как дверь из передней, ведущая в зал, открывается и

^д Далее было: толщю

^в Было: Совершенно с вами согласен,

* Je ne sais quoi (фр.) – что-то такое (т. е. своеобразная, притягательная, неожиданно-прелестная).

шись сквозь танцующих в красную комнату, сх<ваты>вается с Коко за пуговицы сюртука; оба поворачива<ют>ся боком, и обнаруживается, что у профессора статистики между фалдами сюртука виден предательский хлястик от панталон; в то же время лысый сенатор, подня<вши>сь с кресла и отвесив губу, с расслабленной улыбкой <трогается к Аполлону Аполлоновичу> и здоровается с ним, взяв его руку обеими рука<ми>; все шесть <п>ерсон из ниш впиваются глазами в эту величествен<ную картину>.

< Лы с ы й с е н > а т о р (Аполлону Аполлоновичу). А меня то вот, батюшка, – сдали в Сенат...

Профессор статистики (очень громко к Коко из красной комнаты). Прямо с митинга.⁹

Сенатор поворачивает Аполлона Аполлоновича к залу и указывает на молодежь.

Лы с ы й с е н а т о р. Да, не мы – старики.¹⁰ (Аполлон Аполлонович смотрит на танцующих.)

Голоса из ниш.

Вторая матрона (первой, указывая на Аполлона Аполлоновича). Его прочат в министры...

Первая. Цукатова – так и всосалась: смотреть стыдно.¹¹

Аристократка – старуха (с левой авансцены чиновнику). Я всегда говорила, и Lise говорила, и говорил Nicolas: он нас выведет на дорогу: сумеет разъять поле зрения и овеять нас бодростью; он проведет борозду и натянет бразды.

С правой стороны невидной сцены появляется Морковин и^{12а} подобострастно кивает старухе аристократке на Аполлона Аполлоновича.⁶

Цукатова (Аполлону Аполлоновичу). Аполлон Аполлонович, вас не видно нигде: отчего?

⁹ Было: Прямо с митинга я.

¹⁰ Было: Веселятся: не мы – старики.

¹¹ Было: так и всосалась в него: просто стыдно смотреть.

^{12а} Далее было: окрысаясь,

⁶ Далее было: Лы с ы й с е н а т о р (Аполлону Аполлоновичу)

Аполлон Аполлонович (*сухо*). Так всё: я не бываю.^в

Голос из ниши: «Слушайте: он – говорит»; в это время из красной комнаты возглас^г профессора статистики: «Я им бросил апель».

Цукатова (*Аполлону Аполлоновичу*). Да?^д

Аполлон Аполлонович (*подняв палец^е*). Обмен имеет прямую и ясную...^ж цель: выяснить, определить, сформулировать.

Голос из ниши: «Прекрасно!»

Аполлон Аполлонович (*морщась*). Все прочее же относится <к...> так и <всё...> чаепитию и куренью окурков; а русские^з – пьяницы и потребители...^и

Первая мегера (*умиленно второй*). Ах, – безупречный <барин.>

Аполлон Аполлонович^к (*договаривая фразу*). И никотина, и алкогo<ля>.

Цукатова. Не правда ли.^л

Аполлон Аполлонович.^м Красный нос выдает.

Чиновник (*доселе сидевший на правой авансцене,^н – подходя*). Все же есть исключения.

Аполлон Аполлонович.^о Нет, – никаких!..

Лысый сенатор (*указывая на танцующих*). А веселая вещь эти танцы: они отвлекают от многого; вы, наверное, танцевали когда-нибудь?

Аполлон Аполлонович (*немного сконфуженно*). Ну – там всякое: лансье, контреданс... Впрочем, я не люблю

^в Далее было: в гостях... Ме-эмме...

^г Далее было (*вписано*): слышен

^д Было: Почему не бываете?

^е Было: (*подняв палец: назидательно*)

^ж Далее было: знаешь ли-тили...

^з Далее было: знаешь <ь тили?> люди

^и Далее было: никотин <а>

^к Далее было: И алкогoля.

^л Было: а начато: Красный б Ну, что вы?

^м Далее было: Да... ме-эмме...

^н Было: в правой нише

^о Было: Редактор

(*трет переносицу*) эти... так сказать... конвульсии ног... Каждый пляшущий – шут гороховый: допусти эти пляски, не дай им границы и меры – появятся пляски...^п Печальная, знаешь ли-тили, мера предотвращения... государственного преступления.^р

Группа^с проходит по авансцене в правую часть гостиной, т. е. в правую кулису; редактор и Цукатова остаются; все шесть фигур, сидящих в нише, оцепенели в восторгах созерцания^т Аполлона Аполлоновича; слышен шепот.^у

Старый генерал (*выпаливая из левой ниши*^ф). Словом бьет, как барбетная батаррея...

Первая мегера. Вития...

Вторая. Вершитель.

Третья. И я говорю.

Дама в лиловом. Бенефициант.

Дама в вишневом. Достойный беатификации.

Вальс в з<але обр>ывается; там^х начинается толчея; раздается голос <Цук>атова: «<Моло>дежь – прошу освежиться!» Обмахиваются веерами; атлас<ные> барышни и подростки, запыхавшиеся от танцев, отирают^н лица плат<ками>; они появляются в красной комнате и в гостиной; из зала^т проходит <в гост>иную Софья <Петровна Лиху>тина в костюме Помпадур, но без маски; она – бледна <и сильно взволнова>на, имеет^м вид оробевшей девочки,^м

---

^п Было: пляски на улице...

^р Было: Да печальная, знаешь ли-тили, мера для предотвращения... так и всё... государственных преступлений

Далее было: Цукатова (сконфуженно). Что вы, [прекрасная] невинная молодежь.

^с Было: Вся группа, кроме М-ше Цукатовой и редактора

^т Было: в восторге от созерцания

^у Было: а начато: сперва слышен восторженный шепот; потом раздается б слышен восторженный шепот

^ф Было: из правой ниши

^х Было: в зале

^н Было: запыхавшиеся от танцев и отирающие

^т Было: в столовой

^м Было: и имеет

^м Далее было: ее перехваты<вает дама в ви>шневом платье, которая

<дама в ви>шневом платье ее перехваты<вает, ей жарко что-то рассказывает, но Софья Петровна> не слушает и нервничает.^б

<Цукат>ова (редактору). Да?^м

Редактор. Гибель России готовится в уповании социального равенства.^б Нас хотят предать черту.

Цукатова. Как?^з

Редактор (сердито). Так!^ю

В это время Коко и профессор статистики, схватившись за пуговицы, подходят к Цукатовой.

Профессор статистики (к Коко). Я вам говорю: потр<ебление соли> нормальным голландцем в конституционной стране...

Третья мегера (второй, указывая веером на профессора статистики). <Кто это ока>менелое ископаемое?

Редактор (Цукатовой). История же масонства^а <доказывает...>

Профессор статистики подходит к ручке Цукатовой.

Цукатова (жестом лорнетки указывая редактору на профессора). Профессор^{IIIa} Сваргин (указывая на редактора)...
Познакомьтесь:^б Пузенко.

Оба суют друг другу кончики пальцев.

Дама в вишневом^б (указывая на профессора). Светлая личность: и —^г чуткий барометр.

Первая мегера (второй). Бескачественный, безмозглый, бессмачный болван.

---

^б Было: не слушает; она — сильно нервничает)

^м Было: Да, так вы говорите?

^з Было: Вы думаете, что гибель России готовится в уповании равенства? Как бы не так:

^ю Было: Как так?

^а Было: Так вы ничего не читали?

^{IIIa} Было: Эта деятельность масонства

^б Далее было: Пузенко, редактор «Веча».

^г Было: Дама в лиловом

^д Далее было: идеальный барометр.

Редактор (не обращая внимания на профессора – к Цукатовой). Эта деятельность^д преступна.

Цукатова (профессору). Ах,^е что вы на это скажете?

Профессор статистики.^ж Сведения подобного рода имеют источ<ником фаль>сификацию.

Цукатова. Вот как.^з

<Дама в лилово> м (указывая на проф<ессора>). Друг света...

Первая мегера> (указывая на профессора). <Коснеющий пакостник.>

Цукатова (обращаясь к гостям). <Прошу освежиться...>^и (Подходя к Софье Петровне Лихутиной.) И вы? Очен<ь мило.>

Софья Петровна (робея). Я – право: не знала; я думала – ко<стюмированный> вечер; и вот я (указывая на свой костюм)...^к

Цукатова (снисходительно). О, ничего: будут ряженные.^л

Во время^м разговора и гости, и танцующие проходят из зала и из гостиной в правую кулису на авансцене; зала опустевает; профессор статистики сердито и брезгливо пофыркивает в клочкастую бороду на редактора, тот^н – на <профессора>.

Профессор> (Цукатовой).^о Таксиль взвел на масонов обидную <не>былицу.

<Редактор> (Цукатовой). Высшие ступени масонства...^п

^д Далее было: масонства

^е Было: Ах, как интересно...

^ж Далее было: Скромное слово < >:

^з Было: Что вы?

^и Далее было: Мегера (указывая на профессора). Сторонник р<еформ?> < > писал протест... Ищет встреч < >

Цукатова.

^к Далее было: < > надеть не решилась.

^л Было: О, ничего: ряженные будут позже.

^м Далее было: этого

^н Далее было: косится

^о Далее было: Да-с:

^п Было: Да-с: высшие ступени масонства [исповедуют] ...

Профессор (*перебивая*). Впоследствии Таксиль раскаялся.

Редактор (*перебивая*). Исповедуют палладизм.

Цукатова. Палла... как, как?

Профессор (*перебивая*). Заявления Таксиля папе.^р

Редактор (*перебивая*). А палладизм – культ.^с

Профессор (*перебивая*). И за это Таксиль был проклят.^т

Проходят в правую кулису у авансены; проходит и Софья Петровна, расстроенная и озирающаяся, ведомая дамой в вишневом платье; за ней величественно проплывают туда же мегеры и дама в лиловом платье с генералом; из левой кулисы в правую кулису проплывают кучки важных чиновников, бросающих фразы.

Чиновник (*чиновнику*). «*Московские Ведомости*»...^у (*Проходят*).

Чиновник (*чиновнику*). Шестидесятивосьмилетний старик дышит явстве<нным сово>купленьем крючков. <И это... (*Прох*>одят).

Чиновник (<*чиновнику*). И вот я г>оворю Абазе: <«А скажите-ка, как у вас с> зарочной записью?»

<**Чиновник**>. А Абаза?

<**Чиновник** (*чиновник*>у). Абаза же на это... (*Проходят*).

<Зала и гостиная> теперь пусты; залу изредка перебегают <лакеи; земский де>атель, Коко, одиноко скучнеет^ф у <авансены, рассе>янно рассматривая себя в зеркало; <еле слы>шный звоночек; из правой кулисы^х <выхо>дит десятилетний мальчик в кудрях и идет в залу; в^а <кусок> залы выглядывает^ч черная масочка;^м показыва-

^р Было: Заявления Таксиля папе – насмешка.

^с Было: Да-с, да-с, – палладизм: это – культ.

^т Было: И за это энцикликой проклят был Таксиль.

^у Было: Но правы «*Московские Ведомости*»...

^ф Далее было: в передней

^х Далее было: у ава<нсены>

^а Далее было: видный

^ч Далее было: сперва

^м Далее было: потом

ется красное домино; ребенок, захлопав в ладоши и с криком: «Приехали маски», бежит^м через красную комнату^н в правую кулису, откуда вышел; земский деятель, заложив руки за спину, медленно трогается в красную комнату,^м на пороге в залу – <на-тыка>ется на домино, растерянно^о стоящее <на белой стене;> де-ятель^о ухватывается за б<акенбарду и с инте>ресом^о делает на-блюдения; домино протягивает <красную> руку;^а жест руки – умоляющий.

К о к о. ^{IVa} Мм: да<-да -> домино: вот так штука?

Махнувши рукой, повертывается^б и раскачиваясь^в идет назад че-рез красную комнату в фиолетовый свет гостиной, сталкиваясь с набегающим роем подростков из правой кулисы;^г рой останавли-вается пред домино; раздается шушуканье и утрированный басок правоведика.

П р а в о в е д и к. Кто вы, кто вы, гость суровый, –
Роковое домино?
Посмотрите, в плащ багровый
Запахнулося оно.

На белом куске зала за домино вырастает^д зловеший испанец, весь в черном, со шпагою на боку, <в черной> маске; он – толст; <скре-щивает руки на выпяченной груди; подростки вск>рикивают:
<«Испанец». Домино – озирается.

Б е л а я б а р ы ш н я > (к домино). Не <ты ли снуешь по проспек>там?^е

^м Далее было: назад из залы

^н Далее было: и гостиную

^о Далее было: дойдя до порога в залу, земский <деятель>

^а Далее было: ерзающее и туда, и сюда

^б Было: < > зала; земский деятель, или Коко,

^в Далее было: наблюдает за домино;

^г Далее было: и кажется жест этой руки не то угрожающим, а <не то умо>ляющим).

^{IVa} Далее было: (не то грустно, не то шутивно, не то испу-ганно).

^д Было: Вдруг, махнувши рукой, земский деятель повертывается

^е Далее было: быстро

^ж Далее было: это – три барышни, правовед и кадетик; они оста-навливаются не без испуга пред красным домино;

^з Далее было: толстый

^и Было: А уж не <ты ли снуешь на проспек>тах?

Синяя барышня (кадетки). Читали газеты?^ж

Кадетик. А что? Домино?

Синяя барышня. Да, — опять.

Белая барышня шепчется с с<иней>.^з

Синяя барышня. Глупости.

Белая барышня (серiously). Все-таки...^и

Испанец проходит в невидную часть залы.

Правоведик. Домино — немое.^к

Синяя барышня. С ним нечего делать.

Кадетик. А вот!^л (Бросает^м серпантинную ленту; лента описывает над домино дугу).

Раздаются далекие звонки; и — взрывы смеха: откуда-то.^н

Белая барышня. Пойдемте^о отсю<да> мне жу-
т-ко.

<Подростки> поворачиваются и убегают,^п наткнувшись на <Ко-
ко,>^р любопытно выглядывавшего на домино; <Коко, перевали-
ва>ясь, утекает за ними^с; домино^т робко переступает <в крас>ную
комнату; в зале^у — черный испа<нец;>^ф вступая в красную комна-
ту за спиной домино.

---

^ж Было: Вы читали «Дневни<к происшествий>»? <?>

^з Было: Белая барышня испуганно шепчет что-то с<иней>

^и Было: [Ах, да.] Нет.

^к Было: Домино набрало в рот воды.

^л Было: Не хочет ли это?

^м Далее было: над домино

^н Было: Все время раздаются далекие звонки; и взрывы отда-
ленного смеха из столовой.

^о Было: Б е л а я б а р ы ш н я (предостерегающе). Господа,
пойдемте

^п Далее было начато: белая барышня

^р Далее было: <который?> все время любопытно выглядывал
на домино; теперь

^с Далее было: в правую кулису;

^т Далее было: на пустой сцене робко переступает из зала в крас-
ную комнату.

^у Далее было: показывается

^ф Далее было: он вступает за домино в красную комнату и ста-
но<вится> за спиной у домино.

Черный испанец. Забыл?^x

Красное домино (оборачиваясь).^ч Что?

Черный испанец. Обещание.^ч

Домино.^ш Кто ты?

Черный испанец. Кто губит.^щ

Испанец медленно идет к авансцене, исчезая в правой кулисе; в зале торчат два паяца: оранжево-синий и желто-зеленый; <яв>ляется Коломбина, астролог, венецианка и другие маски; <они за>ходят в красную комнату и в гостиную;^б доми<но, озирая>сь, идет за ними, останавливаясь у ле<вой колонны>;^м из правой кулисы <выходит Софья Петровна; ее> ведет <черный испанец.

Испанец (Софье Петровне).> Там: он ждет вас<; вам – надо:> письмо.^б

<Софья Петровна (рассеянно)>^в. <И> вовсе не надо... шутки...^ю Ска<жи>те же?

<Черный испанец.> Не понимаю, о чем вы;^а спроси<те> (показывая на домино): вот – он.

<Софья Петровна>^{ва} слегка вскрикивает; красное домино, <увидев ее,> решительно делает несколько шагов к ней; <испа>нец^б проходит по авансцене^в к левой кулисе,^г скрываясь за нею.

---

^x Было: Ты забыл?

^ч Далее было: (испуганно оборачиваясь). Что забыл?

^ч Было: Забыл обещание.

^ш Далее было: (вздрагивая). Ты кто?

^щ Было: Кто без возврата губит.

^б Было: Черный испанец медленно идет к авансцене и проходит в правую кулису; во время этого разговора в зале показываются два паяца: желто-синий и красно-зеленый; за ними <яв>ляется Коломбина, венецианки; две маски <за>ходят в красную комнату, несколько масок проходит в гостиную;

^м Было: доми<но, озирая>сь, идет в гостиную и останавливается у ле<вой колонны ...>дней части);

^б Было: <какое?>-то письмо

^в Было: <рассеянно> и умоляюще

^ю Было: [И] Это – шутки?..

^а Далее было: подите,

^{ва} Далее было: <увидев дом>ино, <?>

^б Далее было начато: останавлива<ется>

^в Далее было: по направлению

^г Далее было: скрывается за кулисою.

Красное домино (подбегая к Софье Петровне). Остановитесь и выслушайте. (Схватывает Софью Петровну; и с жаром шепчет.) Проклинайте^д за шутки в подъезде и за позор у «Канавки»; не думайте слишком дурно и дайте возможность нам встретиться; все эти дни я мечусь;^е а в ушах – раздаётся:^ж «Ты – шут». Это – ваше определение.

Софья Петровна^з (зачарованная, слушает: перебивает). Тут –^и роковое и страшное... Слушайте, надо вам передать...^к Но... скажите мне (робко озирается и отводит домино в красную комнату; кругом – никого) вы у себя там держите – что?

Красное домино^л. Не понимаю...

Софья Петровна. Ничего опасного нет у вас?^м

Красное домино. Нет.^н

Софья Петровна (перебивая).^о Например... динамита или... (с ужасом) бомбы?..

Красное домино.^п Не понимаю.

Софья Петровна. Нет?^р

---

^д Было: (схватывает Софью Петровну Лихутину; и с бешеным жаром шепчет) вы меня проклиняете

^е Было: проклинайте; эти шутки в подъезде, у «Зимней Канавки»; не думайте обо мне ничего, только дайте возможность лишь [мне] встретиться; эти месяцы, – я не сплю: я мечусь;

^ж Далее было: «Ты – шут, [красный шут». Вы меня так назвали.] Эти ваши слова...

^з Далее было: (как зачарованная, слушает его; и потом перебивает). Я не об этом...

^и Было: Тут что-то есть

^к Было: Мне, послушайте, надо вам передать [– записку]...

Далее было: Но... [но...] скажите (испуганно озирается) Вы... (отводит его в красную комнату; кругом теперь – никого нет) вы у себя там не держите ничего?

^л Далее было: (оборачиваясь). А что.

^м Было: Не держите ничего опасного?

^н Было: Нет же... Но я [хотел о другом]...

^о Далее было: Ну например... взрывчатого... (с ужасом) Ну, там, – бомбы какой-нибудь...

^п Далее было: Какая бомба?..

^р Было: Не держите.

Красное домино. Нет же.

Софья Петровна (с облегчением).^с Слава Богу.

Красное домино. Что?^т

Софья Петровна^у (про себя). Шутки друзей...

Красное домино. Не понимаю.^ф

В белом зале —^х шесть черных, бесшумных и крадущихся домино; у всех^а черные масочки; на капюшонах у всех —^ч серебряный череп на перекрещенных серебряных берцовых костях;^м впереди — черный испанец, показывающий рукою на красное домино; эта черная кучка бесшумно подкрадывается.^м

Софья Петровна (закрывая лицо руками^б). Не спрашивайте^л ни о чем: не скажу; отвра<тит>ельно подшути<ли и надо мной и над> вами...

<За спиной у>^б красного домино <взрыв хихиканья> черных его сотоварищей; Софья Петровна и Красное домино обертываются.

Софья Петровна (вздрагивая). И тут — черный испанец.^з

Красное домино (схватывая Софью Петровну за руку). Люблю вас; послушайте: это было болезнью, переутомлением, расстройством мозга; так дайте возможность же мне...^ю

^с Далее было: Ах!

^т Было: Нет... что?

^у Далее было начато: Только

^ф Было: Какие шутки?

^х Было: В белом куске залы появляется

^а Было: у них

^ч Далее было: изображен

^м Далее было: их ведет черный испанец; он показывает им на Красное домино; кучка, хихикая, толпится за спиной Софьи Петровны и Красного домино)

^м Далее было: К р а с н о е д о м и н о . Какие шутки?

^ч Далее было: <с >облегчением

^у Далее было: нет, < >

^б Далее было: Софья Петровна и Красное домино.

^з Было: Опять этот черный испанец.

^ю Было: Послушайте: я — люблю вас; простите за все; это... это... болезнь во мне: переутомление, мозговое расстройство; я не могу без вас; дайте возможность мне...

Черные домино отвратительно улюлюкают, нападая на красное домино и разделяя его с Софьей Петровной;^а Софью Петровну властно берет^в испанец и увлекает на авансцену к кулисе, а черные домино, образовав вокруг красного домино круг, взявшись за руки, начинают отплясывать.

Испанец. Не передали письмо?^б

Софья Петровна (*бешено*). Не передам никогда.^в Я его разорву.

Черный испанец^г (*еще бешеной*). Вы — должны.

Софья Петровна. Никогда!^д Подлые шутки!..

Черный испанец. Он — трус...^е Это — месть.

Софья Петровна.^ж Неправда!

Черный испанец^з (*властно*). Передайте и убедитесь: какой подлый трус!

Черные домино с гиком и свистом гонят красного сотоварища мимо Софьи Петровны; все скрываются в левой кулисе.^и

Испанец. Видите? (*Софья Петровна — раздвоена; он увлекает ее в левую кулису*).^к

Из правой^л кулисы у авансцены выходит Аполлон Аполлонович Аблеухов,^м перерастерянный и не нашедший себя; его сопровож-

---

^а *Было:* В это время черные домино с отвратительным паясничеством нападают на Красное домино, разделяя его и Софью Петровну;

^в *Далее было:* под руку черный испанец и увлекает к левой авансценной кулисе,

^б *Было:* Черный испанец (*увлекая Софью Петровну к левой авансценной кулисе*). Так вы не передали [запис<ки>] письма?

^в *Было:* Некогда, никогда:

^г *Далее было:* Вы должны передать.

^д *Далее было:* это подлые шутки...

^е *Далее было:* Это месть — за предательство. [Этого мешковатого выродка.]

^ж *Далее было:* (*взволнованно*). Вы говорите неправду: а вы — кто такой вы?

^з *Далее было:* Все равно: передайте и убедитесь, как он испугается... Трусости есть предел.

^и *Было:* В это время черные домино с гиком и свистом гонят Красное домино мимо черного испанца и Софьи Петровны в левую кулису.

^к *Было:* Черный испанец. [Вы] Видите, какой трус... (*Увлекает Софью Петровну в левую кулису*.)

^л *Далее было:* авансценной

^м *Далее было:* он видимо растерян и расстроен;

дает Морковин; оба^а у правого авансценного зеркала, около столика <- ост>анавливаются.

Аполлон Аполлонович. <Так> мой сын, – говорите?

<Морковин. Да: я хотел вас поставить в известность>;^о да, ваше вы<сокопревосхо>дительство<о, – да.>

Аполлон Аполлонович.^п Говорите – красное домино, о котором пишут,^р и Николай Аполлонович.

Морковин. Да, ваше высокопревосходительство, – да.^с

Аполлон Аполлонович (*обрывает Морковина с нечеловеческой жесткостью*). Так: что же^т имеете, милостивый государь, доложить еще мне?

Морковин (*представляясь растерянным*). Ничего более, ваше высокопревосходительство... Я хотел лишь^у заметить: шутка эта уже разыгралась; полиция, пресса...

На правую авансцену^ф является группа из трех мегер; Аполлон Аполлонович стремительно обрывает Морковина.

Аполлон Аполлонович. Так... Что же еще имеете доложить мне об...^х об «Ухтомских Ухабах»? (*Морковин – недоумевает.*) Так – всё?...^ч Ну так дело об этих ухабах мы ликвидируем.

---

^а Далее было: останавли<ваю>тся

^о Было: < > для блага его < >

^п Далее было: Говорите, что красное домино, о котором [все] в газетах писали?

^р Далее было: и Николай Аполлонович – одно лицо!

^с Было: И Николай Аполлонович – одно лицо.

^т Было: Так-с: что

^у Далее было: заметить, что шутка уже привяла неуместный характер... Полицией приняты меры... И пресса...

^ф Было: В эту минуту на правую авансцену

^х Было: И так-с... Что же [еще об ухабах] вы имеете доложить мне по делу

^ч Далее было: Ну так мы об этих ухабах...

Аполлон Аполлонович срывается¹ на середину гостиной;² мегеры – к Морковину; из белого куска зала³ летит домино, гонимое кучкою⁴ черных; Аполлон Аполлонович и⁵ домино останавливаются, как⁶ вкопанные – оба у входа в красную комнату: Аполлон Аполлонович у входа со стороны гостиной, спиной, прямой и бесстрастный; домино всплескивает руками, делая шаг назад; <куч>-ка черных ушмыгивает мимо красного сотоварища, в обе невидные части кровавой комнаты: три – налево; и три – направо; из левой кулисы испанец влечет Софью Петровну Лихутину, уличительно ей указывая на красное домино; на лице Софьи Петровны – омерзение негодования; Морковин – указывает мегерам на домино; раздается яростный, быстрый шепот матрон.

Шепот <матрон>.³ Что вы говор<ите!..> Сын?..⁴ Ха-ха-ха!.. <прочили в минист>ры!..⁵ Он губи<т стра>-ну... Его сын – негодяй... Мы играем в темную карту:^{VIa} она будет бита...

Аполлон Аполлонович (внятно и раздельно).⁶
Я узнал тебя, Коленька...

---

¹ Было: Вдруг Аполлон Аполлонович срывается с места и вылетает

² Далее было: [матроны] мегеры подскакивают к Морковину; но

³ Далее было: вылетает стремительно красное домино,

⁴ Далее было: черных домино;

⁵ Далее было: красное

⁶ Далее было: вкопанные: друг перед другом: [Аполлон Аполлонович] домино у входа в красную комнату со стороны зала, а Аполлон Аполлонович у входа со стороны гостиной, спиной к публике; Аполлон Аполлонович, прямой, как палка, останавливается совершенно бесстрастно; красное домино всплескивает руками и делает шаг назад; <куч>ка черных домино шмыгает мимо красного домино в невидные части красной комнаты: три – налево, три – направо; из левой авансценной кулисы черный испанец выволакивает Софью Петровну, уличительно указывая [на Николая Аполлоновича] рукой на красное домино; на лице Софьи Петровны отпечатлевается омерзение и негодование; Морковин, хихикая, указывает мегерам то на Аполлона Аполлоновича, то на домино; раздается яростный и быстрый шепот матрон.

³ Далее было: Как...

⁴ Было: Так <кр>асное <доми>но его сын?..

⁵ Далее было: Ужасн<о?> < > <пон>имаете?.. А сын –

^{VIa} Далее было: его карта бита...

⁶ Было: (внятно и раздельно бросая домино)

Мегеры. Ах!..

Домино поднимает маску на лоб.^в

Николай Аполлонович (с достоинством).^г Да, это я — папаша.^д

Морковин (подбрасываясь к Николаю Аполлоновичу). Честь имею представиться... Павел Яклич Морковин: имею дело.

Николай Аполлонович отстраняет его рукой и делает шаг к отцу:^е потом настигает отца, останавливается рядом с ним и взглядом проходит в него, переживая всю горечь; некоторое время они стоят молча.

---

^в Было: [Аполлон Аполлонович быстро переворачивается спиной к домино] Красное домино [срывает с себя маску] поднимает маску на лоб, и обнаруживается, что это Николай Аполлонович.

^г Было: (с тихим достоинством)

^д Далее было: (Замирает, держа руки по швам.) Аполлон Аполлонович [быстро] поворачивается к нему спиной [и пробегает к авансцене], отбегая на авансцену; [лицо] и здесь наклоняет [лысую] голову набок и глубоко пригорюнивается, заложив руки за спину.

[Я р о с т н ы й] шепот мегер (указывающих веерами на Аполлона Аполлоновича). Мы играем в темную карту. Бедная Анна Петровна. Она будет убита... Позор... Он погубит страну... У него ужасные уши... Ему вставляли катетер.

М о р к о в и н ([бросаясь] подбрасываясь к Николаю Аполлоновичу). [Хи-хи...] Честь имею представиться, Павел Яклич, Морковин: имею [к вам] дело.

Николай Аполлонович отстраняет его рукой, [делает два шага] и делает шаг к отцу, но Аполлон Аполлонович [стремительно убегает] уходит вдоль авансцены в [правую] кулису, не глядя на сына.

[Ч е р н ы й] и с п а н е ц (указывая Софье Петровне [на Николая Аполлоновича]). Так [вот] — убедитесь же: [никакой] бомбы — нет; убедитесь, что — трус.

С о ф ь я П е т р о в н а ([быстро] идет к Николаю Аполлоновичу [и] сует [ему] письмо, [холодно] и небрежно [бросая] бросает). Николай Аполлонович, я должна передать вам: вот это (передает [ему] письмо и проходит), бежит в белый зал, [там] откуда оборачивается и с [не<веро>ятным] напряжением впиивается [в него глазами] в спину домино, схватившись за голову).

[Я р о с т н ы й] шепот мегер [(по адресу Аполлона Аполлоновича)]. На посту же министра он [разве что возмутитель: он —] вымутит революцию.

^е Далее было начато: уходит вдоль авансцены

Испанец (Софья Петровна).^ж Я уверяю вас: бомбы нет;^з она выдумка... (Вовсе загадочно) Непоправимое там (Протягивает руку по направлению к родственной паре)^к совершается.

Софья Петровна^а в гипнозе трогается с места, приподымая руку с письмом; Аполлон Аполлонович будто украдкой^л стреляет глазами на сына, лепечет усталым, простым человеческим голосом.

Аполлон Аполлонович. Я готов слушать.^м

Николай Аполлонович^н (еле веря себе). Попробуем вынести. (Углы^о губ его вздрагивают улыбкой, которая отдается^п в сенаторе: Аполлон Аполлонович наставляет с доверием ухо).

Аполлон Аполлонович. Ну...^р

Софья Петровна быстро подходит, касаясь Николая Аполлоновича белым конвертиком.^с

Николай Аполлонович отворачивается от отца,^т видит Софью Петровну^у <и> принимает конвертик, сливаясь с ней взглядом.^ф

Аполлон Аполлонович. А?.. Не слышу.

Увидев, что сын от него отвернулся, покорно^х идет, опустив свою <го>лову, по авансцене^н направо<, скрываясь в кресле; когда

---

^ж Далее было: Смотрите же: непоправимое совершится.

^з Далее было: бомба –

^к Далее было: а оно – совершается; только [записка] письмо еще может распутать все это. б вон там.

^л Далее было начато: впадая в гипноз, лунатически делает два шага к

^м Далее было: метнувши глаза на лукавого сына, –

^н Было: а Как же это так, мой голубчик? (с надеждой) б Как же так случилось в Как же это так?

^о Далее было: Взглянем прямо на вещи: перенесем всё до дна

^п Далее было: губ

^р Далее было: в глазах дрожанием рук:

^с Было: а Ну, – я слушаю... б Ну, готов...

^т Далее было: Софья Петровна. Николай Аполлонович. Николай Аполлонович. А?

^у Далее было начато: и берет

^ф Далее было: <их?> взгляды сливаются;

^х Далее было: < > безотчетно) Аполлон Аполлонович, [повернувши] подняв голову < > <увид>ев, что сын от него отвернулся.

^л Далее было: опять пригорюнивается

^м Было: <ме>дленно проходит по авансцене<не>

он равняется с кучкой <мегер, то> мег<еры б>росаю<т: «Какое зеленое ухо... Я знаю>:¹ вст<авляли катете>р ему...» Николай Аполлонович по<ворачивается и покорно проходи>т вглубь сцены <с письмом, останавливается в к>расной комнат<е; Софья Петровна> пронесится мимо н<его в белый зал> и схватывается руками за голову.

Первая мегера. А водяным пузырем вздуть свой лоб может всякий.

Николай Аполлонович² посередине красной комнаты раз<рывает> конверт, быстро чи<тает за>писк<у;> и на лице его —³ страдание, отвра<щение, ужас;> он воздевает руку — выпад<ает записочка;>⁴ борода маски образует справа и слева на лбу его по фантастическому⁵ крылу;⁶ за плечами Софьи Петровны из зала растет белое домино.

Софья Петровна.⁷ Что сделала? *(Всплескивает руками, но белое домино, обнимая, насильно уводит ее⁸).*

Испанец — справа, Морковин — слева идут к порогу кровавой комнаты,⁹ останавливаясь у правой и левой колонны; опираясь спинами на них, оба поворачивают головы в красную комнату, где страдает¹⁰ Николай Аполлонович; из невидных частей красной комнаты справа и слева выглядывают и показывают руками на Николая Аполлоновича — черные домино: три — слева; три справа;⁶ раздается их быстрый шепот.

Первое домино (справа). Подкинуть ее...

Четвертое (слева). Подложить под подушку...

---

¹ Далее было: наверно:

² Далее было: разрывает < >, стоя

³ Далее было: <безм>ерное

⁴ Далее было: крылья

⁵ Далее было: черному

⁶ Далее было: за плечами Софьи Петровны, стоящей в белом зале, вырастает белое домино в черной маске.

⁷ Далее было: (из белого зала)

⁸ Далее было: в невидную часть белого зала

⁹ Было: Черный испанец справа и Морковин слева идут к порогу красной комнаты,

¹⁰ Далее было: Николай Аполлонович, теперь полуизогнутый, с невидящим взглядом;

⁶ Далее было: и

Второе (справа). Дрожать, тосковать и подслушивать: ждать, как там бацнет, как хлопнуть.

Пятое (слева). Себя успокоить: не скоро.

Третье (справа). И — обмануться...

Шестое (слева). Неповторимый звук: грянет.

Пауза.

Первое. Тогда: с перекошенным белым лицом — да, да, да — побежать...

Второе. И вдыхать жадно запахи: газа, гари и крови...

Третье. Вбежать...

Четвертое. Штукатурка, осколки разбитых паркетов и...

Пятое. Красная половина стены.

Шестое. Вот чего он хотел!

Издали, как бы надвигающееся пение: «Со святыми упокой...»

Пауза.

Первое. Через трое суток...

<Второе>. Следовать за кат<афал>ко<м...>

<Третье. С> сенаторами, кам<ерге>ра<ми и мис>трами.

<Четвертое. И на> следствии д<ать показания, кот>орые бросят <тень> на прислугу...

Пятое.^в Да, да... вот чего он^г хотел...

Шестое. Вот о чем размышлял.^д

Голоса,^е поющие «Со святыми упокой»,^ж приближаются: вот-вот вступят в зал; Николай Аполлонович пронесится в ужасе к аван-

^в Далее было: Бросят тень на прислугу...

^г Далее было: хотел; вот о чем размышлял.

^д Было: Он — подлец.

^е Было начато: Звуки

^ж Далее было: приближаются; кажется, что сейчас хор вступит в зал; Николай Аполлонович, быстро обернувшись, пронесится в совершенном ужасе к авансцене; хор смолкает; из правой и из левой стороны авансцены из-за кулис появляется толпа гостей:

сцене, и хор смолкает; из правой, из левой кулис – толпа: подростков, чиновников, барышень, масок;³ Морковин подхватывает записочку.

Голоса: «Николай Аполлонович!..^н Вы?.. Я бы вас не узнал!».

Николай Аполлонович бросает невидящие взгляды.^к

Николай Аполлонович. Кто поет?..^л

Голоса: «Что с вами?..^м»

Николай Аполлонович^н бросается через красную комнату в зал, исчезает; Морковин^о – за ним.

Морковин. Николай Аполлонович... с вами я...^п
(Исчезает.)

Шепот недоумения, раздражения, возмущения; матроны подсказывают к гостям, передавая небылицы.^р

Голоса: «Ужас что?..» – «Его сын есть – то самое, о чем пишут...^с Je vous défends, nous partons...»^{*} – «Что такое... Mais on ne sait jammais, où on...»^{**}

Из белого зала валят какие-то сомнительные личности, никем не приглашенные; между ними чиновник в виц-мундире, весь маска-

---

³ Далее было: а начато: особенно с правой авансцен < >
б Морковин поднимает оброненную Николаем Аполлоновичем записочку.

^н Далее было: Это вы?.. Домино?..

^к Было: Николай Аполлонович бросает взгляды невидящими глазами направо и налево.

^л Было: Поют?.. Кто поет?.. Что поют?

Далее было: К т о т о. Да никто...

^м Далее было: Как бледны вы.

^п Далее было: со стоном

^о Далее было: бросается

^п Далее было: Я за вами... (Исчезает в зале.)

^р Было: Везде шепот недоумения, раздражения, негодования; матроны бесятся, подсказывая к гостям и передавая небылицы.

^с Было: Скандал... Это ужас что?.. Его сын – негодяй... Говорите, – то самое домино, о котором писали газеты?.. Да, [да, да:] после этого вечера [Аполлон Аполлонович] он – лишь вдова министерского кресла...

^{*} Запрещаю вам, пойдемте... (фр.).

^{**} Но никогда не знаешь, где... (фр.).

радный костюм котор<ого> заключает<ся> лишь в <огро>мном носе <с синими> очками, <играющими роль> маски⁷; из <аван>сценной ку<лисы появляется> белое доми<но, склоненное> над плачущей Софьей Петровной и ведущее ее к выходу – к белому залу.

Софья Петровна. Сергей Сергеевич: что сделал он?..^у Ведите к нему.

Белое домино. Ответов не может быть:^ф мы встретимся – в свете; теперь мы в смертельном томлении; но свет – светит^х; он вспыхнет^п – может быть, через час, через год, через сто, через тысячу лет:^ч – свет!

Софья Петровна. К нему!..

Сливаются в толпе; из левой авансены выступают важные чиновники, не знающие еще о скандале.

Лысый сенатор (чиновнику). Самодержавие сменится вельможедержавием. (Проходят.)

Профессор статистики (чиновнику). Нет-с, позвольте: статистика, как наука о силе, богатстве страны,^ш отмечает рост банковских операций.

Чиновник (профессору). Но правительственное, или^ш частно-кредитное, вверительное учреждение для вкладов и займов полезно тогда лишь, когда и векселедатели и векселесодержатели... (Проходят.)

За почтенною кучкой гостей выступает почтительно окруженный^ф Цукатовыми и немногими почитателями – воспламененный какою-то мыслью и перевозбужденный, но сохраняющий строгий вид, Аполлон Аполлонович; и – проходит,^ш неся свою речь под ли-

---

⁷ Было: масок

^у Было: [Бедный, бедный] Сергей Сергеевич: что он сделал?..

^ф Далее было: и мы все

^х Далее было: в том

^п Далее было: слепительно – [через сто, через]

^ч Далее было: свет – вспыхнет.

^ш Далее было: обнимает и

^ш Далее было: частное учреждение

^ш Далее было: хозяевами

^ш Далее было: произнося нечто, подобное речи, под фиолетовый шар источника света; здесь он – поворачивается,

ловый шар света, где он – поворачивается, бросая на слушателей и на зрителей^б очень огромные, напоминающие два расплавленных камня, глаза; видно: что-то^в мешает ему говорить;^м его речь – не отточена, косноязычна; он борется с оппозицией, из которой – огромное большинство; при вступлении в комнату Аблеухова, вся гостиная устремляет презрение, ненависть на него; три мегеры, аристократка и многие прочие спешно выходят, созвав дочерей, сыновей, жен, мужей; лишь старик-генерал из овала гостиной <прип>летается к сенатору; лысый сенатор,^к поджавши^{ix^a} губу и сложив саркастически <руки>, отдельно от кучки^б поклонников, справа бросает отдельные реплики,^в полные яда; и близ него – уже кучка взволнованных демократов, непрошенных либералов;^г меж кучечкой Аблеухова и толпой неизвестно откуда возникших людей,^а притекающих в левую, в правую часть авансены, – кольцо пустоты; среди слушателей и масочки; черные домино с черепами на спущенных капюшонах слагают подкову у входа в кровавую комнату,^е – непосредственно за спиной у сенатора; за их спинами до стены белой залы – пустое пространство;^ж и публика – в сумерках двух^з авансцен; у лиловых овалов в гостиной жижеет она.

---

^а *Далее было:* свои огненные глаза,

^б *Было:* видимо, внутреннее волнение

^в *Далее было:* и потому речь его – вопреки обыкновению не отточена, а косноязычна по форме; и видимо, – борется он с оппозицией [зала] слушателей, из которых огромное большинство при вступлении сенатора в комнату устремляет на него взгляды презрения, насмешки и ненависти; мегеры, старуха-аристократка и очень многие прочие покидают гостиную, вызывая своих дочерей, сыновей, жен, мужей и направляя<сь к> выходу; только старик-генерал из овала гостиной доверчи<во прип>летается слушать сенатора;

^к *Было:* лысый же старичок-сенатор,

^{ix^a} *Далее было:* отви<сшу>ю

^б *Далее было:* а начато: поклонников Аблеухова выделяется с правой кулисы б начато: поклонников, с правой в поклонников, справа у авансены, бросая отдельные фразы.

^в *Далее было:* полные яда, на речь Аблеухова; к концу речи вокруг него кучка непрошенных либералов;

^г *Далее было начато:* мегеры [япы< >] меж кучкою

^а *Далее было:* выпирающих из красной комнаты и текущих на левую и на правую часть авансены, – кольцо пустоты; между слушателями мелькают и маски; а шесть домино с черепами на спущенных случайно как бы образуют подкову [за]

^е *Далее было:* немо внимая сенатору; и за ними – от красной комнаты и до стен

^ж *Далее было:* вся публика –

^з *Далее было начато:* авансцен – слева, справа; уж и

Аполлон Аполлонович Аблеухов (*идя под фонарь*).
Ну и так-с, господа... Я всегда говорил, что...

(*Вскинув брови и повернувшись к зрителям выпученными глазами, морщинит свой лоб*)

Что Русская Империя... наша...

(*Он пальцем своим назидательно машет пред носом какого-то старца, задрав кверху голову, приподымаясь на цыпочки*)

Что наша Империя... так сказать, состоящая, и – так сказать – заключающая: во-первых – великую, малую (*перечисляет по пальцам*), червонную, белую Русь; во-вторых... ме-ме...

Лысый сенатор (*бросая с сарказмами*). Амплификация!...

Аполлон Аполлонович. Но... – и так далее...

Лысый сенатор (*бросая с сарказмами*). Аббревиация!..

Аполлон Аполлонович <(накло)нив низко голову и загнувши ручки <в брючки>.> Так далее... дале... <что> я ска- зал?.. Ме-ме...

Лысый сенатор (*сочувственно очень лохматому демократу*). Э... э... нарушается артикуляция мыслей... э... э...

Аполлон Аполлонович. И – так далее: осуществи- ма, как органическое единство, безукоризненным – как? (*Он бросает растерянный взгляд пред собой; и потом вращает рукой.*) Да: и так... так... вращением нашего государ- ственного...

Лысый сенатор (*вполне иронически*). Колеса?

Аполлон Аполлонович. Колеса... Но тогда – ме- ме –^н милостивые государи (*зрелит, как в Сенате он*)^к при- дется оставить легенду каких-то волнений нам, –

Сенатор. Хе...^л

Аполлон Аполлонович. Охвативших, как мно- гие – да – говорят...: ну и там – миллионы... Такого вол-

---

^н Далее было: мои

^к Далее было: нам

^л Было: Хе-хе...

нения – нет, никогда не бывало, не будет... Должна быть изыскана планомерность во всем: *(тычет пальцем)* и так – мой девиз: да.

(После паузы; с удивлением обводя всех глазами).

Волнен<ия!.. Что> такое волнения? Милост<ивые государи, волнения –> антиг<осударственные явления; где> есть <план>омерность, там нет и вопроса о том, существуют ли, или – не существуют волнения... Они –

(потрясает он пальцем)

явления трения и инерции: энергии сопротивления – знаешь-тили; и косная, глухая материя – то же явление: сопротивления... Сопротивление – фикция,^м уничтожаемая... ап-па-рррра́-том; и не бороться с волнением...

Лысый сенатор. Да он – завирается?..

Аполлон Аполлонович. Призваны мы, а бороться с явлением трения внутри нашего *(потрясает он пальцем)*... государственного... ап-па-рррра́-та – как? Что? – артикуляцией ведомств... И линии из точки центра *(он центр намечает рукой)* – к периферии *(бросает он руки и вправо, и влево)*... Так: грамотно составленный циркуляр.

Голос *(жалобно возопивший откуда-то)*.^н «Это же, господа, просто черт знает что: валторна, в которую дует реакция!»

Аполлон Аполлонович *(яростно метнув молнию по напр<авлению к> голосу)*. Грамотно составленный <цирку>-ляр.

<Друг>й голос *(впол<не возм<ущен>ный)*: «Меня охватывает просто ужас, когда я подумаю, что приведет он к бесчестию и к бесславию своими бравадами,^о водевильною бутафорией и вакханалией фраз».

---

^м Далее было: уничтожающая,

^н Далее было начато: Это – валторна

^о Далее было: водевильными буффонадами

Аполлон Аполлонович (не без страха). Что-с?..

(Вполне оправляясь).

Так: грамотно составленный циркуляр есть та линия.

Наглый голос: «Да, да: на семнадцатой линии — черт знает что... баррикады и...»

Аполлон Аполлонович (беспомощно обращаясь к почитателям). Есть же правила?

Ледяной, теоретический голос: «Правил нет!»

Лысый сенатор. Что я говорил?

Аполлон Аполлонович. Как?.. кто, смею сказать, утверждает.

Голос: «А я...»

Аполлон Аполлонович (едко). А кто вы?

Кучка демократов расступается и <из> нее выходит теоретический <человек> в плохо скроенном мундире; у него <вместо> маски <ли>шь синие <очки да> нос из картона с коротенькими, но <густыми усами.

Теоретический человек. Вот он я...

Аполлон Аполлонович (окончательно саркастически). То есть, — кто?

Из кучки почитателей Аполлона Аполлоновича возгласы: «А?..
Какая наглость... Да как он попал?.. Кто впустил?..»

Аполлон Аполлонович (с тем же сарказмом). Так-с?.. Ну и как-с?..

Теоретический человек. Просто так-с...

Аполлон Аполлонович, совершенно растерянный и беспомощный, бежит к выходу; добежавши до белого зала, он поворачивается к нахалу.

Аполлон Аполлонович (со всхлипом). Вы... вы... вы...
(вдруг притопнувши ножкою)... Обыватель!..

Хозяева сопровождают сенатора к выходу; замаскированные, взявшись за руки, образуют вокруг обывателя круг; и он — дирижирует ими; они — распевают.

Х о р.

Уехали фон-Сулицы...
Уехал Аблеухов...
Проспекты, гавань, улицы
Полны тревожных слухов...
Исполненный предательства,
Сенатора ты славил...
Но нет законодательства,
Нет чрезвычайных правил...
Он – пес патриотический –
Носил отличий знаки:
Но акт террористический
Свершает ныне всякий.

Г о л о с: «Я <вас поздравля>ю: всеобщая забастовка!..»

З а н а в е с

Картина шестая

Сцена представляет собой дешевенький ресторанчик; справа, у самой рампы^а пространство, ведущее в раздевальню; отсюда приходят в ресторанное помещение и сюда уходят; отступая несколько от рампы, у правой стены – буфет: стойка, на которой расставлены закуски под колпаками, рюмки, бутылки; за стойкой – хозяин, угрюмый, заспанный, с лохматою бородой, красноносый и толстый; у авансены четыре столика;^б два крайних справа – пустые; на крайнем слева сидят двое рабочих; один все болтает; другой – угрюмо молчит; рядом с ними сидят за водкой два писаря; один – красноносый, небольшого росточка, усиленно пьет; во втором ряду столиков, за писарями веселится пьяная компания, очевидно, приказчиков; за столиком, параллельным^в первому пустующему столику^г справа, наискось^д него и наискось от столика писарей, сидят два человека неопределенных профессий; один все ковыряет в зубах; другой от времени до времени икает; обоим – скучно, и от нечего делать они занимаются наблюдениями; где-то в глубине сцены веселится компания с двумя проститутками; все время в ресторанную комнату входят и выходят посетители; между столиками и буфетом суетятся половые – в белом во всем, с полотенцами, перекинутыми через плечи; стены ресторанчика украшены грубою малярною росписью, изображающею^е разные дикие сцены; между прочим: на задней стене, над столиками, изображен Медный Всадник, с лицом, обращенным к зрителям; его протянутая рука указывает <как> бы на пространство над пустующим столиком (крайним слева), за который усядется Николай Аполлонович с Морковиным; в глубине сцены –

---

^а *Далее было:* видна лестница, ведущая

^б *Далее было:* слева

^в *Далее было:* второму

^г *Далее было:* слева

^д *Далее было начато:* от писарей и наискось от

^е *Далее было начато:* событ<ия>

проход в отдельные кабинеты; туда и оттуда часто входят и выходят размалеванные женщины в кричащего цвета платьях; впечатление от ресторанички – впечатление <какой->то гнили и бреда; посетители <шума>т; стоит смутный гул; от времени до времени где-то в глубине, из отдельного кабинета, – скрежет* граммофона.

Икающий наблюдатель (половому). Мм... Как тебя?

Половой. Чего изволите-с...

Икающий наблюдатель. Чего бы нибудь...

Половой. Дыньки-с?..

Икающий наблюдатель. К шуту ее: мыло с сахаром твоя дынька... (*Задумывается над выбором.*)

Громкий рабочий (кричит). Надоело послушество, раболепничество да замолчки: щемили, прищипывали... Довольно уж...

Писарь (обиженно поворачиваясь к нему). Рáтатели! Пей, ешь-ка: ведь истина – естина...

Рабочий (сердито ему). Я-то не пью, не пляшу, как вот ты, а – работаю; ты-то вот – пьешь, льешь и в литавры бьешь... (*Товарищ его унижает, а писарь, повернувшись к рабочим, насмешливо их наблюдает.*)

Половой (икающему наблюдателю). Бананчика-с?

Икающий наблюдатель. Неприличного сорта фрукт.

Половой. Астраханского винограду-с? (*Икающий наблюдатель не может ничего выбрать.*)

Писарь (рабочему). Работаешь зря... Ты работай с прохладцей...

Рабочий. Рабы кабалёные мы.

Писарь. Человек всяк – Божий раб.

Второй рабочий (сердито писарю). Бросьте вы суетства... Алкагалический человек, – вот вы кто.

Половой (икающему наблюдателю, затрудняющемуся в выборе фрукта). Арбузика?

* Далее было: фонографа

И кающий наблюдатель. К шуту:³ в зубах только хруст, а во рту – хоть бы што...

Второй рабочий (наеживая из пустой бутылки капли в рюмку первого рабочего). Пей остатки-то: все равно их хозяин скаплюжит.

Появляется слева Николай Аполлонович; его подталкивает Морковин, юлящий вокруг него.

Морковин. Николай Аполлонович: вот – как раз, вот – сюда... А про то, что костюм скидали в передней – не беспокойтесь: <на> это никто здесь внимание не обратит...

Николай Аполлонович (чрезвычайно <бледн>ый и растерянный). Да позвольте...

Морковин (подталкивая <Николая Апол>лоновича локтем и указывая на проститутку). А интересная-с<... (Николай Аполлонович мор>щится.) Ну – не буду-с.

Николай Аполлонович. Настигнут<ь на улице,> намекать на отца:^н на к<акой>-то ваш разговор... И за-тащить вот сюда... Согласитесь...

Морковин (подталкивая Николая Аполлоновича к стойке). Да вы не смущайтесь<; все> зна<ют меня: Алекс>андр Иванович, Шишиганов, Бутищенко, Пепп. <(Николай Аполлонович вздрагива>ет испуганно.)

<Раздается взрыв хохота и женский> визг <из глубины> ресторанчика.

Хозяин (из-за стойки, громко). Ну, чего вы расхрюкались?

Громкий голос. Поросенок, родной мой, не хрюкает, лишь когда он под хреном.

Морковин (подведя к стойке Николая Аполлоновича). А признайтесь-ка... (Хозяину.) Две водки... (К Николаю Апол-

---

³ Далее было начато: арбузы <?>

^н Далее было: про

лоновичу.) Ну-ка... (Хозяину.) С пикончиком... (К Николаю Аполлоновичу.) Ну-ка: что скажете?^к

К стойке подходит толстый, бородатый мужчина, очевидно, лавочник.

Толстый мужчина (протягивая хозяину руку через^л посуды). Девять с пальцем – хозяину трахтирного заведения: без крепких напитков.

Хозяин. А что ж: ресторация... (Небрежно Морковину.) Так с пикончиком?

Мужчина. Да, кабачок хоть куда.

Хозяин (наливая водки Морковину и Николаю Аполлоновичу, – к толстому мужчине). Ходи в кабак, вино пей, нищих бей, – будешь архиерей...

Морковин (подмигивая на хозяина). Что вы скажете?.. (Они пьют с Николаем Аполлоновичем.) По второй?.. (Хозяину.) По второй.

К хозяину подбегает половой и что-то шепчет.

Хозяин (сердито половому). А фактурную книгу-то спросят с кого? (Ласково толстому мужчине.) Да, вот: денешки, Никодим Аверьяныч, счет любят.

Толстый мужчина. С меня получай: четвертной.

Хозяин (половому, надевая очки). Счеты дай. (Считает.)

Морковин (Николаю Аполлоновичу). А не правда ли – странно... По третьей?.. (Закусывает сардинкой.)

Николай Аполлонович (взволнованно). Я жду объяснения...

Морковин (платя за водку). Ну?.. Что вы скажете?.. Об инциденте на бале...

Николай Аполлонович. О домино?

Морковин. Разумеется.

Николай Аполлонович (брезгливо). Виноват: вы закапались са<рдиноч>ым жиром.

^к Далее было: А?..

^л Далее было: прилавок

Морковин (чистится и ведет Николая Аполлоновича на ава<исцену> к крайнему пустому столику). Ну так вот... <О домино> – вы не думайте: домино – так себе...

Пока оба проходят к столику, мимо ика<ющего и ковыряюще>го <в зубах> наблюдателей, наблюдатели осматривают их с головы <до ног>.

Ковыряющий в зубах наблюдатель (икающему: про Николая А<поллоновича>). А смотри-ка: забавн>ый какой: руки трет...

Икающий наблюдатель. Просто – ик – девушка <ка>ка<я-то:> ик!...

Ковыряющий в зубах наблюдатель (указывая на Морковина). А с ни<м р>ядом, – сморчок-то<: карюз-лик> какой...

Рабочие, расплатившись, уходят с крайнего правого столика; Морковин, подведя Николая Аполлоновича к пустому столику, бросает половому.

Морковин. Человек: чистую скатерть... И водки... (Садятся за столик.) Теперь согласитесь-ка: дикая мысль, что вы есть домино? (Оглядывается, будто поджидая кого-то; во всем последующем разговоре он видимо растягивает разговор в ожидании кого-то, что приводит Николая Аполлоновича просто в неистовство; Николай Аполлонович, наоборот, – так и рвется уйти, но не может уйти, очевидно, пойманный чем-то.)

К стойке подходят два чиновника.

Первый (второму, дуя на руки себе). Ох, – подул северяк: заснежило.

Второй (первому). Не климат, а северный полюс.

Морковин. Эй, человек... Да, да, да... (Берет карточку.) Почек дай-ка, с мадерою. (К Николаю Аполлоновичу.) А – вам?.. Ничего?.. (Половому.)^н Ну так порцию; и – водки графинчик... (К Николаю Аполлоновичу.) Все-таки:^н узы, связавшие нас... (Потирает руки.)

^н Далее было начато: Две

^н Далее было: есть так

Николай Аполлонович (обеспокоенно). Узы, — вы говорите?

Морковин. Ну да... (Вдали скрежещет фонограф.)

Николай Аполлонович. Что разумеете вы?

Морковин. Узы крови...

Николай Аполлонович (вскакивая). Позвольте.

Морковин (усаживая). Не думайте, чтобы узы те были бы узами (хитро поглядывая) пролития крови... Да что вы дрожите? Ишь, <— вспы>хнули: молодая девица...

Половой приносит графинчик водки и две рюмки.

Николай Аполлонович (придя несколько в себя). Да объясните же... Вообще, — извините меня (с возму<щени-ем>): по>ведение ваше... не нравится мне... <Не> тяните: <высказ>ывайте скорее... Мне — некогда.

Морковин. Их-хи-хи-хи<-хи-хи... В>от ведь — некогда: а готов я поклясться: пока <не скажу>, — не уйдете отсюда; отсиживать будете <здесь; сколько я> захочу, столько высидите. <(Николай Аполлонович с опасением впивает>ся в него взглядом, хватаясь за боковой карман сюртука.)

Второй наблюдатель (первому). Глядит, как баран на гумно...

Первый (второму). А другой-то, сморкач, — не плохая блоха...

Второй. Он — скотина смышлёная: ик!..

Николай Аполлонович (Морковину). Что такое об узах вы...

Морковин (оглядываясь на вход и видимо беспокоясь, что кого-то все нет). Да, — ведь вот: Николай Аполлонович, прихожусь-то° я братом... Ну да — незаконным... Что? Думаете, что папаша ваш в юности возымел интересный романчик?..

° Далее было: ведь братом я...

Николай Аполлонович (с негодованием). Да не пори́те же гадости... (Лакей приносит Морковину порцию почек.) Вот вы за почками, а еще ничего не могу я понять...

Морковин (в восторге над почками). А? А?.. Плечико... Отчего передернулось?..

Николай Аполлонович. Отчего?

Морковин. Оттого, что родство незаконное... (Бросая половому.) Перцу, соли, горчицы!.. (К Николаю Аполлоновичу.) Вам со мной: оскорбительно... И вы, знаете, —^п похрабрили.

Николай Аполлонович (опять хватаясь за боковой карман сюртука). С какой стати мне трусить?

Наблюдатель первый (толкая локтем второго и показывая глазами на Морковина). Сводник он — вот что: объегоривает студентика.

Морковин. А похрабрили вы оттого, что по вашему мнению... (перевязывается салфеткою и копошится над почками, точно трупный червяк) объяснилася цель^р моя и, так сказать, наглость: сюда затащить, чтобы... как бы сказать... шантажировать... Вы меня извините: я — щупаю вас...

Наблюдатель второй (на Морковина). Настоящая вошь.

Первый. Чужеядное насекомое... Ик... У всякого... ик... своя вошка...

Морковин. И тоже о нашем родстве: это — как отнесетесь... За ваше здоровье... Я должен — обрадовать вас и, увы, огорчить... Всё же братья при разных родителях мы...

Николай Аполлонович вскидывает брови и сердито выпивает р<юмку>; тут входят трое пиджачников с видом не то охранников, а не то <расп>ропага<ндир>ованных писарей из участка; у одного подвязана щека; у другого л<ицо в красной> сыпи; у тре-

^п Далее было: вдруг

^р Далее было: моя: моя,

тьего вид скопца; Морковин, увидев компанию, вопро^сительно расширяет глаза; писарь с видом скопца делает Морковину едва заметный утвер^дительный кивок; Морковин, видимо, весьма удовлетворен.

Морковин (*весело потирая руками*). Ну так вот-с: братья^с с вами мы – по убеждению.

Компания писарей усаживается за пустующий столик, где только что сидели рабочие; и все время вытягивает головы, наблюдая за столиком, где сидит Николай Аполлонович.

Николай Аполлонович. Как вы можете мои убеждения знать?

Морковин (*вытягиваясь через столик, бросает Николаю Аполлоновичу^т*). Вы – отъявленный террорист: вот вы кто.

Николай Аполлонович (*с деланным пафосом*). Террорист? Что за вздор! (*Испуганно оглядывается.*)

Морковин. Я фамилии-то закинул неспроста: про Пеппа, про Александра Ивановича...

Николай Аполлонович (*с изумлением*). Про Пеппа: откуда вы знаете?

Морковин (*в восторге*). А? А?.. Эти страхи: Пепп Пеппович Пепп – по ночам... Не смущайтесь – хи, хи – теоретик наш: бестия... У! (*Делает игриво позу из пальцев на Николая Аполлоновича.*)

Один из писарей-охранников (*поднимаясь с места и наблюдая Морковина*). Молодец Павлуша: знай наших...

Другой.^у А Аполлонович?

Первый. Бледен, как алебастр...

Другой. А что же Липпанченко?

Третий (*с видом скопца*). Разве поспеть ему: с балу да за Александром Иванычем.

Первый. Он^ф чего-то опять мастерит.

---

^с Далее было: мы

^т Далее было: тихо

^у Далее было: А тот – что?

^ф Было начато: Чего он

Все вместе (громово). Ха, ха, ха!..

Николай Аполлонович (с негодующею мольбою протягивая руку к Морковину и другую схватившись за боковой свой карман). Я вам вот что скажу: ошибаетесь... К террору у меня отрицательное отношение...

Морковин (вдруг бросая шутливый тон; твердо и не без грусти). Николай Аполлонович: <не т>аитесь; да я же все знаю – об узелочке, об Александре Ивановиче, о Софье Петровне... И – по служебному долгу...

Николай Аполлонович. Вы служите?

<Морковин. Да:> в охране...

<Оба застывают,> вперяясь друг в друга: Николай Аполлонович быстро сует руку в боко<вой карман, к>ак бы нащупывая что-то.

Морковин (окрысившись смехом). Пустой конвертик...

Николай Аполлонович (упавшим голосом). Что?..

Морковин (вынимает из бокового кармана записочку, развертывает и разглаживает ее). Вот она... Вы ее уронили на бале... Так я подобрал ее... Все же там ей не место валяться... (Отвратительно смеется и^x вычитывает одну фразу.) «А нужный вам материал в виде...» (подмигивая) в виде, скажем, того узелочка, который принес вам тогда Александр Иванович – так-с! (Нагибается и читает.) «Материал... своевременно передан вам» ... хи-хи-хи – «для приведения в исполнение данного обещания»...

Николай Аполлонович окаменевает от ужаса, а Морковин ёрзает головкой над десятью пальцами растопыренных над запискою рук; долгая пауза; из глубины сцены – брань.

Голос: «Недопляс!..»

Другой голос: «Оболда!..»

Голос: «Козел!..»

Другой голос: «Мухоед...»

Голос: «Я тебя размучканю».

---

^x Далее было: читает

Первый наблюдатель (равнодушно). Человек расхмелел.

Вдруг плач: «Петербург, Петербург: мучитель жестокосердый». Половые вывлекают из глубины ресторанчика пьяного, очевидно, художника, — к выходу; он бьет в грудь себя: «О, зеленые, кишасящие бациллами воды»; перед Николаем Аполлоновичем пьянчужка останавливается и, поднимая на него мутные глаза, бросает: «Да, да: это — я»; его выволакивают; у входа он наталкивается на Липпанченко, влекущего Александра Ивановича Дудкина мимо столика, где сидят Морковин и Николай Аполлонович; Липпанченко обменивается с Морковиным взглядом; Александр Иванович не видит Николая Аполлоновича; оба идут к стойке; Морковин, увидя Александра Ивановича, влекомого Липпанченко, в высшей степени удовлетворен.

Морковин (после долгой паузы к оцепеневшему в ужасе Николаю Аполлоновичу — с^п едкостью). Не пугайтесь: я, кажется, не собираюсь допрашивать... (Пряча записочку в боковой свой карман.) Половой: счет. (Половой считает.) Так-с: получите...

Компания писарей-охранников, увидав Липпанченко у стойки, приходит в восторг; писарь в прыщах поднимается и приветственно вращает Липпанченко кистью руки; Липпанченко отвечает тем же. Николай Аполлонович бросает голову в руки, поставив их локтями на столик.

Морковин. Зачем же, помилуйте, — такая покорность... В охранное отделение я приставлен от партии...

Николай Аполлонович (подняв голову с глубочайшим изумлением и все с тем же ужасом). Вы смеетесь?

Морковин. Будь я полицейским, вы были бы арестованы, — даже в том случае, если бы я не имел документика в виде записки... Все время у вас ярко выражен жестик: хвататься за грудь, за карман, боковой; этот жестик вас выдал, заставивши думать, что вы там в кармане припрятали какие-нибудь документы та-

---

^п Далее было: огромною

кие... Что, я наблюдателен?... Ха́-ха-ха-ха... Ха-ха-ха́...

Николай Аполлонович снова бросает голову в руки, закрывая лицо: видно, что плечи его передергивает дрожь; Морковин переглядывается с Липпанченко; Липпанченко показывает Александру Ивановичу на Николая Аполлоновича; Александр Иванович изумлен; оба смотрят на Николая Аполлоновича.

Второй наблюдатель (*первому, указывая на Липпанченко*). Вот: уставился, точно скот просторогий.

Первый (*второму*). Такой тупомордый толстяк: и с картошечным носом.

Второй (*первому*). Он – телепень: ик!..

Первый (*второму*). Да не кекай же...

Вдали начинает скрежетать труба граммофона; со столика^ч к проходящей по комнате проститутке срывается распатанный блондин с губами сердечком, весьма возбужденный вином.

Блондин. Ну и бледнавка же вы (*толкая ее плечом*): ах, какая казистенькая!

Проститутка (*отталкиваясь плечом же*). Оставьте, пожалуйста, вы кадрили словесные.

Блондин. Не угодно ли, кисанька, к нашему столику...

Кто-то решительно уводит блондина.

Первый наблюдатель (*второму*). Бабич он...

Проститутка идет дальше, наталкиваясь на полового с блюдом, которому хозяин кричит из-за стойки: «Салфетку-то, – счетвери...» Николай Аполлонович, после долгого молчания, поднимает голову на Морковина.

Николай Аполлонович. Пытка эта – к чему? Если тот вы, действительно, за кого выдаете, то поведение ваше – вполне недостойно.

Морковин (*поднимаясь <из-за ст>олика и застегивая пуговицы^ш*). Това<рищ (*наклоня голову к Николаю Аполлоновичу*),

---

^ч Было: с отдельного столика

^ш Далее было: сюртука

условимся же о дне: обещания... <Не для шу>ток я вызвал сюда вас: условимся... Что мне им пе<редат>ь?

Николай Аполлонович (*вскакивает: в совершеннейшей ярости*). Как вы смеете приставать с этой мерзостью!..

Морковин. Вас арестуют...

Николай Аполлонович. Что?

Морковин. Не забывайте же, — документик при мне: я ж — чиновник охранного отделения.

Николай Аполлонович. Что же скажет вам партия?..

Морковин. Пользуясь положением в охран<к>е, отомщу я за партию.

Липпанченко от стойки идет к столику, где сидят охранники-писаря, встречающие его с восторгом.

Липпанченко (*скопцу, указывая на Николая Аполлоновича*). Готов.

Писарь (*с видом скопца*). А, гренадский испанец: скорёхонько.

Липпанченко. Спешил: притащил с собой Дудкина. (*Указывая глазами на Александра Ивановича и на Николая Аполлоновича*). Пусть-ка их встретятся. (*Шепчет что-то.*)

Все трое. Ха-ха́!... Кукиш с маслом... со сливочным... ха-ха-ха!..

Морковин (*к Николаю Аполлоновичу*). Ну-с — прощайте... Подумайте: поторопитесь... Срок: трое суток... (*Не простившись, уходит; Николай Аполлонович стоит оцепенело над столиком, не видя ничего.*)

Александр Иванович, все время недоуменно смотревший на Николая Аполлоновича, теперь быстро идет к нему и останавливается за плечами у него; наблюдатель первый, толкая второго.

Наблюдатель. А вот подошел карамазый: какой киселяй...

Александр Иванович (*трогая за локоть Николая Аполлоновича*). Николай Аполлонович — здесь? В таком виде, в такое время?

Николай Аполлонович (*злбно хватая его за руку*).^м
И вы здесь — подстерегаете: знайте же — никогда...

Александр Иванович (*с величайшим изумлением*). Что?

Николай Аполлонович. Как вы смеете думать!..

Александр Иванович (*с тем же изумлением*). О чем вы?

Николай Аполлонович (*распалаясь яростью*). Не пронизывайте глазами меня... И прошу вас оставить в покое. (*Бросается к выходу.*)

Александр Иванович (*настигая*). Да стойте же.

Николай Аполлонович. А вы не хватайтесь!
(*Сплетя пальцы рук.*) И э<то вы назы>ваете выступлением партии?

Наблюдатель. Поели: и — будет.^н

Николай Аполлонович. Да, да: окружить меня сыском... Во всем разувериться... Милостивый государь, — вы, вы, вы... (*Вырывается и выбегает вон; Александр Иванович бросается за ним.*)

Липпанченко (*похлопывая себя по животу*). Ну, теперь не мешает и водочки.

Прыщавый охранник (*наливая ему водки*). Вы — художник, Липпанченко.

Охранник с подвязанной щекой. Кукиш с маслом!.. Ха-ха... Буду пить за вас...

Охранник (*с видом скопца*). Как хватает на все вас?

Липпанченко. На то отдаю свой живот. (*Хлопает себя по животу.*)

Прыщавый охранник. Объявили бы голодовку, так — провалился бы.

Липпанченко. Нет, послушайте, — и была же потеха... Она ему... (*Шепчет.*) Он ей... (*Шепчет.*) Сенатор... (*Шепчет.*) А я себе — за ними: испанцем.

^м Далее было начато: Вы

^н Далее было: (*Идут к выходу.*)

Охранник. Ну, а Павлуша Морковин?

Липпанченко. А он – и туда, и сюда...

Охранник. А Александр Иванович про «кукиш» не знает?

Липпанченко. Он думает – узелок: для хранения...

Охранник. Будет потеха-то – с «кукишем»...

Первый наблюдатель (*указывая на Липпанченко*). Толстый-то.

Второй наблюдатель (*равнодушно*). Видывал его я – в блудилище: не вылезает оттуда.

Липпанченко (*наливая всем рюмки*). Ну, деятели истории, – пьем. (*Пьют.*)

Прыщавый охранник. И чего писаки писали – про домино-то, про это.

Второй охранник. Писали писаки – читали собаки.

В это время за столиком рядом вдрызг напившийся писарь, услышавши, что говорят про писак, встает с рюмкой и, весь дрожа, оборачивается к охранникам с искательным выражением, расплескивая рюмку.

Писарь. Пп... писано-переписано...

Прыщавый охранник. Писарь, пиши мыслете ногами.

Писарь (*дрожащей рукой пишет по воздуху*). Пп... пп... писано...

Компанион писаря (*с достоинством*). Этого писаря теперь не уймешь... Этот писарь настро<чит> просьбу, какую хочешь.

Голос: «Строчит в два <пе>ра...»

Пис<арь. Строчу,> как хочу.

Г<олос (*презрительно*): «Писар>чйшко...»

<Компанион писаря (*обиж>енный за писаря, усаживая последнего*). Не говорите; есть <же цв>еющее состоянье <письм>ян.

Писарь (*грозит рюмке*). Настрочу: ябед!

Наблюдатели (*друг другу*). Пошли? Пошли. (*Встают и уходят.*)

Александр Иванович вовлекает обратно Николая Аполлоновича в ресторан.

Александр Иванович. Николай Аполлонович, — согласитесь: без объяснения нам расстаться нельзя; объяснитесь толковее... Изблекли-то как!

Николай Аполлонович. В чем еще объясняться? Страдаю ведь я... Передать узелок безо всякого объяснения; сгинуть и... угрожать мне полицией.

Александр Иванович. Какая полиция? Вы откуда надергали это?

Николай Аполлонович. Я бы вас...

Александр Иванович (*перебивая*). Не навертывайте...

Николай Аполлонович (*перебивая*). Оставьте свои извороты: ее передали вы мне.

Александр Иванович. Что же тут особенно предосудительного (*шепчет*), когда партия вас попросила до времени побереечь узелок, когда вы согласились.

Николай Аполлонович (*перебивая*). Да если бы дело касалось хранения...; а — тут: тут — навастриванье на гадость.

Александр Иванович. Тсс! Тише: нас могут услышать.

Николай Аполлонович. А вы не вывертывайтесь: суть — в насилии, в сыске.

Александр Иванович. Насилия не было.

Николай Аполлонович. Летом...

Александр Иванович. Что?

Николай Аполлонович. В принципе я соглашался, предполагая, что принуждения никакого не может быть; если ж у вас — принужденье, вы — шаечка интри-

ганов; ну что ж, если дал обещание в принципе, – так оно не касалось... (с мучением) отца; обещание ж мог взять обратно я.

Александр Иванович (что-то соображая). Поймите: я вас перебую... Вы – про летнее предложение?... Да не в том вовсе дело же...

Николай Аполлонович. Как не в том? В обещании совершить... (шепотом) террористический акт... Обещание же истолковано было подло.

Александр Иванович (с досадой). Заладили о насилии... (Дума<ет>.) До меня доходили какие-то слухи о действии... над... над... над вашим...⁴¹ родителем; будто бы вы предложили его... (Горячо.) <Так> ведь это – безумие: думал я, – тут какая-то мозговая болез<нь... Это гадость.>

Николай Аполлонович (жадно). Считаете гадостью? Сами же <называете гадостью, а при>ложили к ней руку.

Александр Иванович (схватываясь за голову). Вот на́вертыш... <(Впиваясь глазами в какую-то> точку.) Мы – упрекаем друг друга – да в чем же, коли согласны мы оба, что...

Николай Аполлонович (перебивая). Что гадость?

Александр Иванович. Да – гадость...

Липпанченко (приподымаясь, оглядывает Николая Аполлоновича и Александра Ивановича). Сцепились.

Охранник. Теперь не расцепишь.

Александр Иванович. Ответьте: такого вы обещания не давали, чтобы... (тупясь) отца?

Николай Аполлонович (тоже тупится). Я отца никогда не любил; и не раз выражался...; но чтобы я?.. Никогда!

---

⁴¹ Далее было: отцом;

Александр Иванович. Верю. И – что же: причастен, по-вашему, я?

Николай Аполлонович. Вы ж *ему* помогаете?

Александр Иванович. Да кому?

Николай Аполлонович. Неизвестному, затащившему с улицы; он настаивал на свершении гадости; он мне вбил в своей скверной записке, подsunутой мне на балу.

Александр Иванович (с ужасом смотрит на Николая Аполлоновича). Вы тут что-то опять перетяпали: уверяю вас, в партии *Неизвестного* – нет.

Николай Аполлонович. Он в сознании выгранил мне...

Александр Иванович. Да ведь – нет *Неизвестного!*

Николай Аполлонович (в совершенном недоумении). Я три месяца от него получаю записки.

В ресторанчике уже большинство посетителей разошлось: начинают гасить электричество; на столике ставят свечи; из глубины ресторанчика пьяный вопль: «Будут, будут кровавые дни: и потом – все провалится»...

Николай Аполлонович (жалобно). Стоишь тут курбаном издолбленным: не понимаешь.

Александр Иванович (участливо). Вы – много выпили...

Николай Аполлонович (со слабой надеждой). Стало быть, полагаете вы, – во все вкралась ошибка?

Александр Иванович (разгневанно). Гнусная провокация... Надо же было топить выступление партии!.. Навахлали делов!!

Николай Аполлонович. Да, какое-то издálбливательное обстоятельством.

Александр Иванович. Соберитесь же с мужеством: узлы козни сумею распутать сегодня же я. (Бросает с надеждой взгляд на столик Липпанченки.)

Липпанченко <(из-за столика дьяв>ольски хохочет). Ха-ха!..

<Николай Аполлонович. И стоишь избичеван>-ным...

<Александр Иванович. Пора вам домо>й. Узелок-то – в Неву: ну его! Посидите-ка до<ма, не выходите: за> вами наверно следят; пейте бром – вы измучены; и не такого сломало бы... Впрочем, – лучше без брома... Идите-ка... (Протягивает Николаю Аполлоновичу руку; Николай Аполлонович пожимает ее и уходит.)

Александр Иванович идет к Липпанченко и берет его за руку, отводя вглубь рестораника; Липпанченко неохотно следует; Александр Иванович ему быстро шепчет что-то; рестораник пустеет окончательно; половой подходит к охранникам.

Половой. Изволите долго сидеть: скоро закрывать будем. (Отходит.)

Первый охранник (указывая глазами на Липпанченко). Опять навилял.

Второй. Перепростоволосишься с эдаким: всякой дряни <набухает>, – не наворачтаешь, навоеешься.

Третий. Надо бы и его^б на видках попридерживать.

Первый. Очень Липпанченко тонкий паук.

Второй. Прилиппанченко!

Видно, как хозяин, надев на нос очки, отщелкивает у конторки на счетах, считая выручку; из глубины неосвещенного ресторана теперь вычерчивается громада, очевидно, вышедшая из отдельного кабинета; <она остол>бенело стоит, будто вылитая из <еро-зеленой> меди; нельзя понять, пьяна <ли она до> бесчувствия, или – ушла в свою <олоссальную думу>; из тьмы громада до <странности> напоминает Медн<ого Всадника>; Липпанченко ведет Александра Ивановича <на авансе>ну к пустому столику<, садится, нетерпеливо> и угрюмо барабани пальцем по столику.

---

^б Далее было: держать на видках.

Липпанченко (с недопустимым пренебрежением). Нутека: кратче...

Александр Иванович (изумленно). Я все сказал.

Липпанченко (дергая носом, с жестом, показывающим, что до сей поры он старался воздействовать на совесть Александра Ивановича, а теперь вынужден прервать излияния). Стыдно!

Александр Иванович. Как? Долг же мой его выручить: вы>снить провокацию эту.

Липпанченко. Нет, уже лучше оставьте распутывать.> (С достоинством, <превозмогающим себя до снисхождения.) Письмо>мо писано мною.

Александр Иванович. Как?

Липпанченко. Да вы что, – вы пропамятовали?> ведь письмо шло чрез вас.

Александр Иванович (с изумлением). <Вот какое письмо!> (Спешно.) Но не я передал, а Варваре Евграфовне <я поручил передать.>

Липпанченко (грубо). Все – увертки: письмо адресата нашло.

Александр Иванович (с ужасом). Так вы автор так<же> <?>

Липпанченко (вдруг придя в ярость). Э, да полно <притворничать: или у вас недо>хват в голове? (После паузы, кладя <руку на плечо к Александру Ивановичу.) Нехоро>шо: изблизи я посматривал на <соглашательство ваше> с ним. (Пауза.) Очень нехорошо.

Александр Иванович (потрясенный). Это что же еще <– обвинение?>

Липпанченко. Тяжкое... (После паузы.) <Поворошите мозгами-то: просьба за> провокатора, которого мы казним. (Ударяет кулаком по столу.) Пусть участие ваше во всем этом деле – гадательно, предупреждаю по дружбе: оно – устанавливается; вы с Николай Аполлоновичем...

Александр Иванович. Кто с провокацией?

Липпанченко. Да и он, да и вы: и это знают уже — о провале ЦК.

Александр Иванович (в ужасе). Как? ЦК провалился?

Липпанченко (саркастически). И это вам не известно? Да не виляйте: проумничали... (С <весом.>) Ну допустим, что вам неизвестно... Но не прикидывайтесь, будто роль Аблеухова и причины, заставившие нас казнить Аблеухова поручением, — вам неизвестны; да, да: альбинос разыграл свою роль; и расчетец был правильный: на эдакое вот слюнтяйство, как ваше... Да, да: благородный де сын⁹ ненавидел отца, собирался отца ужокошить; его затащили вы к нам; и он нам навизжал рефератиков философских, отмачивал дурака среди нас, наворовал всяких сведений, их <представил> папаше; вы, вы приводили его; наплели коробов п<ро изверты>ша этого; вы наговорщик <и есть...> А что плакал он, <слезы — гри>м провокатора, и ра<спростуха же вы>... А про этого ме<шковатого в>ыродка есть у меня груды <фактов; приде>те ко мне — все по пунктам вам вылож<у; я готов, хоть на суд:> и впоследствии, уж поверьте, меня<-то поймут... Теперь некогда> думать: теперь положение вын<уждает стремительно выжечь за>разу; и мне было жалко подпи<сывать приговор; но ведь гиб>нут десятки; и все — из-<за вашего, из-за этого; вы-то едва> не погибли: из<блуйте из сердца его. (Вставая.) Не перечьте, не суй>тесь, не пу<тайтесь... лучше — казнитесь.>

С негодованием идет к <своему столику; Александр Иванович в недоумении, спиной> к публике, вперясь в темь ре<сторана; громада, стоявшая в глубине, прибли>жается к Александру Ивано-

---

⁹ Далее было: ненавидит

вичу с протян<утою рукою; она принимает в его сознании> вид
Медного Всадника.

Медный Всадник (*ст<оя перед Александром Ивановичем>*). Да, да: я> – гублю без возврата.

Раздается дьявольский¹⁰ хохот ком<пании> Липпанченко; Липпанченко схв<атывается одной> рук<ой за жив>от, а другую протягивает по направлению <к Александру Ивановичу.

Липпанченко. Ха-ха-ха... кукиш с> маслом!

<Медный Всадник прохо>дит мимо Александра Ивановича – вон из ресторана; Александр <Иванович опрокидывается в обмо>рок – спиною: на столик; половые бе<гут к нему.

З а н а в е > с

---

¹⁰ Далее было: грохот

Картина седьмая

Сцена представляет собою внутренность двух комнат, разделенных посередине коридором; справа – кабинет Аполлона Аполлоновича, освещенный малиновым светом каминных огней; посередине – письменный стол, боком к зрителям, приходящийся как раз против двери, ведущей в коридор; шкапы и черные полки с книгами; перед столом – кресло; у стены – лесенка на колесиках, передвижная; несколько разбросанных кресел; весь кабинет производит впечатление чего-то черного: темно-серые обои, черного дерева стол, кресла, шкафы, коленкор, занавешивающий книжные полки; обивка кресел – черная, кожаная; ковер – темно-серый; окна завешены черными шторами; сквозь которые просвечивает луна; на столе поставлено несколько черных, толстых, переплетенных томов; в глубине коридора – проход в спальню; дверь – открыта; видны подушки кровати да кусок стены; спальня озарена луной; когда там вспыхивает свет, то все там – темно-желтое: обои,^a желтая покрывка на подушках.

Слева видна часть кабинета Николая Аполлоновича, составляющего противоположность с кабинетом Аполлона Аполлоновича; все там –^b т<емн>о-синее, несколько зловещего оттенка, напоминающее померкающую темно-синюю муть горизонта; такого же цвета ковер во всю комнату; такие же кресла; такие же полки для книг, такие же занавески, такое же сукно на письменном столе; в глубине сцены – проход в спальню; когда вспыхивает свет там, то все там – лиловое: часть кровати, стены и т. д.; в то время как колпак на электрической лампе,^в стоящей на письменном столе у Аполлона Аполлоновича, – черный, стеклянный, колпак лампы, стоящей на письменном столе у Николая Аполлоновича, темно-синий; очевидно, в спальне – фонарь с лиловым абажуром.

---

^a Было: желтые обои;

^b Далее было: красное: красные обои, письменный стол красного дерева

^в Далее было: в комнате Аполлона Аполлоновича – зелены<й>

При открытии занавеса обе части сцены, изображающие кабинеты, темны, озаряемые луной (в комнате у Николая Аполлоновича – очевидно, не спущены шторы, а в комнате у Аполлона Аполлоновича – спущены;^г в комнате^а размешивает угли Семеныч; луна тусклеет сквозь черные^е шторы; в коридоре же совершенно темно; где-то часы бьют два. Дверь в коридоре открывается;^ж видно в раскрытую дверь темного коридора, что там – что-то красное (очевидно – красная комната); на красном фоне вырастает силуэт Аполлона Аполлоновича, вперенного в черную мглу коридора; видно, что Аполлон Аполлонович запыхался; он тяжело дышит.

Голос лакея (из красного пространства): «Завтра, как всегда – в десять, ваше высокопревосходительство?»

Аполлон Аполлонович. Ме-эмме... Нет: завтра не выеду я... (Поворачиваясь к лакею и схватываясь за нос.) Вообще – что?.. Ме-ме-ме...

Голос лакея: «Что прикажете?..»

Аполлон Аполлонович. Хотел сказать – кто?.. (Лакей, очевидно, недоумевает.) Кто у... так всё... бывает... Ме-ме... у... Коленьки?..

Голос лакея: «Не могу знать: никто не бывает-с...»

Аполлон Аполлонович. Как так?

Голос лакея: «Никак-с нет-с...»

Аполлон Аполлонович.^з А скажите, как часто бывает... так всё... молодой человек...

Голос лакея: «Бывают-с: да редко...»

Аполлон Аполлонович. А молодой человек с усиками?

Голос лакея: «С какими-с?.. Бывают-с и с усиками... Да почти не бывают-с».

---

^г Далее было начато: и потому

^а Было: у камина

^е Далее было начато: занавес<ки>

^ж Далее было: щелкает электричество; коридор – вспыскивает; он – темно-серый;

^з Далее было начато: Хотел

Аполлон Аполлонович. А – с черными... как вчера: так и всё...

Голос лакея: «Да редко этот заходит: был – раза два...»

Аполлон Аполлонович. Ну и что ж?..

Голос лакея: «Да вчера приносил узелочек какой-то...»

Аполлон Аполлонович. Какой такой узелок?.. Очень хорошо-с.

Аполлон Аполлонович стремительно пролетает в коридор; дверь захлопывается; вспыхивает свет в коридоре; Аполлон Аполлонович стоит перед дверью своего кабинета с крайне разволнованным лицом и не может отдышаться; потом стремительно пролетает в дверь и попадает в свой кабинет, предварительно потушив свет в коридоре; кабинет вспыхивает; Семеныч, отогнувшись от камина, тоже чем-то крайне взволнованный, собирается что-то сказать Аполлону Аполлоновичу, но, увидев его, закусывает губы. Аполлон Аполлонович пролетает к письменному столу и, схватив в рассеянности черную линейку, в рассеянности пускает ее^а колесом между пальцами, другою рукой отбарабанивая дробь по столу.

Семеныч. Что это, барин, лица на вас нет? Запыхались... Кучер-то с каретой приехал – давно: говорит, отпустили...

Аполлон Аполлонович. Там всё: ме-эмме... Захотелось пройти...

Семеныч видимо желает сообщить что-то важное Аполлону Аполлоновичу, но тот – пролетает в кресло, схватывает черную папку^б дел с письменного стола, утыкает лысую голову в бумаги, водя носом по строчкам.

Аполлон Аполлонович (*сам с собой*). Дело об Ухтомских Ухабах... Ме-ме... Оказался мерз... Ме-ме... Ход был дан... Да, вот, знаешь-тили, сударь мой, Аполлон Аполлонович!.. Просто мерзавцем...

---

^а Далее было: ходуном

^б Далее было: с делами

Семеныч вздыхает, не решается сообщить чего-то и плетется в спальню, где вспыхивает свет: Семеныч копошится там.

Аполлон Аполлонович (вскакивая с громким шепотом).
Просто мерзавцем!..

Семеныч (испуганно высовываясь из спальни). Чего-с?..

Аполлон Аполлонович (тоненьким,^п нарочито-невинным голоском). Так-с, так-с: очень хорошо-с... Ничего-с... (Семеныч пропадает в спальне; Аполлон Аполлонович, вдруг круто поворачиваясь к спальне.) Семеныч?..

Семеныч (невидный). Ась?..

Аполлон Аполлонович. Коленька маленький был... Так и всё... Я его и таскал, и подкидывал.

Семеныч (появляясь из спальни).^м И стишки-с сочиняли ему...

Аполлон Аполлонович (горестно).^п И стишки сочинял: «Дурачок, простачок, Коленька танцует: он надел колпачок, — на коне гарцует». Ме-ме... Ну — (очень резко) — и вот!

Семеныч (быстро). А что?..

Аполлон Аполлонович (еще решительнее). Дотанцевался!..

Семеныч. Как так?

Аполлон Аполлонович. Так.

Семеныч (молча пожевав губами и, по-видимому, не удивляясь). Что ж, барин: недобрый глаз поглядел на нас... (Аполлон Аполлонович не отзывается на эту сентенцию, Семеныч открывает уже рот, чтобы сообщить Аполлону Аполлоновичу свою новость, но Аполлон Аполлонович с такою яростною стремительностью повергает голову в бумаги, что Семеныч быстро^о идет в спальню.)

Аполлон Аполлонович (сам с собой над бумагами). Я, судари мои... Я, судари мои... А?.. Негодное нарушение законных порядков?.. (Вдруг вскакивает и хватается

---

^п Далее было начато: мягким го<лосом>

^м Было: (появляясь из спальни — с удивлением)

^п Было: (горько)

^о Далее было начато: тащит<ся>

ся рукою за лысину.) Негодяй, негодяй, негодяй!.. (Роняет карандаш и падает в кресло, опять хватается карандаш и припадает головою к бумаге, вычитывая оттуда.) «Гражданские обязанности двойки: к правительству, к ближнему»... (Что-то отмечает.) Везде – разграфить... (Отваливается, вдруг ломает один карандаш, другой карандаш, третий.) На основании каких же законов и правил?.. (Подходит Семеныч и собирается что-то сказать, но Аполлон Аполлонович, не видя Семеныча, круто поворачивается к нему спиной, лицом к публике, мефистофельски скрещивая руки на груди и глядя на зрителей исподлобья.) Законов – нет?.. Правил – нет?.. (Надувает щеки и выпускает со свистом воздух, потирая сухие ладошки.) Нет-с, судари мои: правила – есть!.. (Перетирает ладони над бумагами.) И законы, судари мои, – есть (иронически) пока что...

Семеныч. Аполлон Аполлонович, ваше высокопревосходительство, барин... Осмелюсь сказать.

Аполлон Аполлонович (быстро поворачиваясь). Что?.. А – что?..

Семеныч. Да вот-с, барыня наша-с... Случилось такое, что – иии...

Аполлон Аполлонович (вытягивая шею и подставляя ухо). Говорите громче: не слышу.

Семеныч (бросая в ухо). Вернулась...

Аполлон Аполлонович. Кто?

Семеныч. Барыня... Из Гишпании – в Питербурх... Остановились в гостинице...

Глубокое долгое молчание.

Аполлон Аполлонович (будто проглотил несъедобный предмет, но без всякого неудовольствия). Как так? (С ничего не выражающим лицом рассматривает свой носок.)

Семеныч. Только что, ваше высокопревосходительство, изволили выехать-с, как посыльный-с... Письмо я – на стол, а посыльному в руки – двугривенный... (Аполлон Аполлонович продолжает исследовать свой носок.) Не прошло еще часу, вдруг слышу – звонятся... Отво-

ряю я дверь: барыня. (Аполлон Аполлонович поворачивает к Семенычу голову; оба старика вперяются друг в друга.) Я им: «Чего угодно?» А барыня: «Дмитрий Семеныч, – да вы не узнали меня»... Я тут к ручке: мол, матушка, барыня... Говорят: «Вот хочу посмотреть, как вы тут без меня!»

Аполлон Аполлонович поднимается с кресла и, полусогнутый, засунувши ручки в брючки, не отрывая глаз от Семеныча, тихо обходит письменный стол, останавливается против Семеныча и с изумлением вперяется в него; так же поступает и Семеныч; на лицах у обоих – недоумение, умиление; Аполлон Аполлонович вынимает ручки из брючек, недоуменно разводит руками и тыкает головой в сторону Семеныча с таким видом, точно он говорит: «Я всегда говорил, а вы – говорили...» Семеныч повторяет жест Аполлона Аполлоновича; после этого жеста Семеныча Аполлон Аполлонович, как побежденный, отходит прочь, с неприязнью жуя губами и схватившись за бачку.

Семеныч. Анна же Петровна (вдруг начинает умильно он хныкать в рукав), дай Бог им здоровья, – посмотрела она на меня: да и в слезы... Из ридикюльчика – не наших фасонов – повынимала платочек-с... А у меня от вас, барин, строжайший приказ: не пускать-с... Только барыню иетта пустил... А они... (Опять хныкает.)

Аполлон Аполлонович (раздражаясь на слезы, надменно). Ну, да – так: так и всё... И – так далее, далее... (Вдруг он подходит к Семенычу и с неожиданной старческой добротой его треплет, выфыркивая.) Верно вы, Семеныч, старая ватрушка, – рассудили это лысою макушкой... (Семеныч схватывает его руку и целует ее; тогда Аполлон Аполлонович раздражается на собственный порыв.) Ну – да, там... И идите... (Семеныч выходит в темный коридор; Аполлон Аполлонович следует за ним, останавливается на пороге двери, бросая во тьму.) Ээ... ме... Ну – и что ж?..

Семеныч (поворачиваясь из тьмы). Осмотрели барыня нашу гостиную, залу, – сказали: «По-прежнему все тут у вас»; и отбыли, видно, в гостиницу ихнюю; адресок тут оставили: «Ежели, – говорят, – Аполлон Аполлонович»...

Аполлон Аполлонович (*запальчиво перебивая*). Ну и прекрасно, прекрасно... Это – не ваше дело... (*С раздражением*.) Вы – что тут?.. (*С надсадливым прикриком*.) Ваше дело тут... (*ищет слов; вдруг находит*) Пыль стирать... Много пыли... Везде – пыль, пыль!..

Семеныч (*из глубины коридора*). Пошла бурчя... (*Выходя из себя*.) Сами же подходить не велите мне к книжным полкам; и будто не вижу, что пыль... Пыль и есть.

Аполлон Аполлонович зажигает электричество в коридоре; оба старика ожесточенно вытягивают головы по направлению друг ко другу; Аполлон Аполлонович закрывает электричество; Семеныч^п открывает коридорную дверь; Аполлон Аполлонович бросает.^р

Аполлон Аполлонович. Хам... Нахал... (*Идет к себе в комнату*.)

Семеныч (*стоя на пороге коридора и красной комнаты*). Сам-то хорош!.. И сын-то хамлетист.

Уходит, оставляя дверь в красную комнату открытой; Аполлон Аполлонович, притворив дверь в коридор, с величайшим волнением ходит по коридору, разводя руками и качая головою; в красном куске^с комнаты появляется Николай Аполлонович в своем красном домино с черной маской в руке; он стоит – красный в красном – вперяясь оцепенелыми от ужаса глазами в мрак коридора; потом стрелой прометывается в свою комнату, шмыгая в дверь, приходящуюся как раз против комнаты отца; Аполлон Аполлонович настораживает ухо у себя в кабинете; Николай Аполлонович стремительно летит к письменному столу; все его жесты – стремительны, бешены и безотчетны; руки у него дрожат, челюсть пляшет; лицо – белее полотна; впопыхах он забывает снять домино, и оно разлетается от него во все стороны; он бросается к письменному столу и ерзает по нему руками; Аполлон Аполлонович выкидывается из желтой комнатки и бежит к письменному столу кабинетика; на нем серый, мышиного цвета халат, с малиновыми отворотами и кистями; из-под расстегнутых пол халата виден желтый трикотаж кальсон, обтягивающих его худые ноги; он – в туфлях; он подбегает к письменному столу, распечатывает на-

---

^п Далее было: хлопает, уходя, коридорную дверью;

^р Было: бросает во тьму коридора

^с Было: из красного куска

ходящееся на столе письмо Анны Петровны и прочитывает его; между тем: Николай Аполлонович ерзает руками по письменному столу, отыскивая пропавший ключик; оба они выборматывают каждый в своем кабинете отрывистые слова.

Аполлон Аполлонович. А?.. скажите пожалуйста-ста...

Николай Аполлонович. А!..

Аполлон Аполлонович. Приехала!

Николай Аполлонович. Где же?.. Ключик... Вот-с... Нашел-с...

Николай Аполлонович схватывает ключик, отпирает письменный стол, выбрасывает оттуда большой фотографический портрет, какие-то бумаги, связки писем... Просовывает руку в ящик и достает узелок.

Аполлон Аполлонович (*бормоча над письмом Анны Петровны*). Да-с, знаешь-тили, сударь мой, Аполлон Аполлонович, – да-с: вот[†] так штука...

Николай Аполлонович дрожащими руками развязывает узелок и достает оттуда коробку от конфет, перевязанную розовой ленточкой, осторожно взвешивает в руке и, ужаснувшись, ставит на стол, быстро отпрядывает от стола, налетая на кресло и производя шум; стоит и дрожит в некотором расстоянии от стола; Аполлон Аполлонович, услышав шум, настораживает ухо и подходит к двери кабинетика; Николай Аполлонович судорожно поворачивает голову по направлению к двери своего кабинета, одним скачком оказывается у нее, отпирает ее и высовывает испуганную голову в коридор; Аполлон Аполлонович прикладывается ухом к двери; Николай Аполлонович бесшумно подкрадывается к двери отца и заглядывает в замочную скважину; то же проделывает Аполлон Аполлонович; одно время отец и сын глядят в ту же замочную скважину: Аполлон Аполлонович из кабинета – в коридор; Николай Аполлонович из коридора – в кабинет; в ту же минуту на пороге открытой двери в кабинет показывается полуодетый Семеныч[‡], он видит, как Николай Аполлонович подглядывает, приложившись к замочной скважине;[§] Николай Аполлонович

[†] Далее было: ведь

[‡] Далее было начато: и вперяется

[§] Далее было начато: Аполлон Аполлонович [отхо<дит>] отдергивает голову от

поворачивается на Семеныча, отдергивается от двери и бросает Семенычу, точно пойманный вор.

Николай Аполлонович. Вы что?

Семеныч (почти даже грозно).^x А сами вы что?

Аполлон Аполлонович при звуке голосов в коридоре отступает на шаг от двери и внимательно слушает, наклонив набок голову; звук голоса сына напоминает ему об инциденте на бале, и на лице его — величайшая тревога, смешанная с раздражением и обидою; в руке он зажимает письмо Анны Петровны.

Николай Аполлонович (растерянно).^ц А я... тут... Папаша не спит... Там вот — ходит... Я, думаю, — свет... Я хотел.

Семеныч. Нехорошо: очень нехорошо-с...^ч

Николай Аполлонович (подскакивая к Семенычу^ш с дикой злобой). А вы — то же: не зазнавайтесь... Какое право имеете вы...

Семеныч (яростно). А вы сами-то что? Ну чего вы таким абдраганом себя повели?

Николай Аполлонович. Кем?

Семеныч. Да абдраганом... Дрожите, как листики: трусоватость доказываете.

Николай Аполлонович. Молчать! (Ест глазами его.)

Семеныч (и грубо, и угрожающе). Глаза-то не пырьте: не причиняю вам уязвления... Вас, барин, я пұпышем знал; на руках вас таскал: перед судом-то все равны... (При этих словах Николай Аполлонович, как уличенный в провинности, быстро идет к своей двери и останавливается у порога ее, как бы защищая порог.) А гла́зы вы колом не^ш тычьте: (громче) глазов не боюсь... (Николай Аполлонович тупится.) Один глаз на нас, а другой на Арзамас... (Еще громче.) В глаза-то не забегайте... И в ухо не лезьте... У меня и так в правом ухе звенит...

^x Далее было начато: Сами вы-то

^ц Было: (растерянно Семенычу)

^ч Далее было: Эх...

^ш Далее было: с отчаянной злобой

^ш Далее было: пырьте

Николай Аполлонович (*наступая на Семеныча с сжатыми кулаками и головой указывая на дверь отца*). Да тише, черт вас подери! (*Поднимает кулак.*)

Семеныч (*совсем громко*). Эдак голову пролабаните. (*Впиваются друг в друга глазами: Николай Аполлонович – с ужасом; Семеныч – с гневом.*) По когтям да по ушам зверя узнаешь. (*Сплевывает.*) Глазобивец вы – вот кто. (*Скрывается в красном куске: там свет тухнет.*)

Николай Аполлонович стрелой летит в свою комнату, забыв затворить свою дверь,² так что кабинет его глядит в дверь Аполлона Аполлоновича; с диким испугом срывает розовую ленту с коробки, но не решается коробку раскрыть; он стоит изогнутый над письменным столом, с руками, дрожащими над коробкою; в это время Аполлон Аполлонович, стоявший у двери и прислушивавшийся к звуку голосов, – дверь открывает и с порога кабинетика смотрит через раскрытую дверь в спину Николая Аполлоновича; на лице его сложные чувства: боли, негодования, обиды, растерянности, даже брезгливости, – со смутной жалостью к сыну; но Николай Аполлонович быстро повертывается и, увидав отца, одним прыжком оказывается у двери, чтобы замкнуть ее под носом у отца; при этом жесте на лице Аполлона Аполлоновича – сильнейший гнев.

Аполлон Аполлонович (*с нехорошим смехом*). А?.. А?.. Домино... Скажите, пожалуйста... Нет, – поди-ка, поди-ка... (*Николай Аполлонович повертывается на коробку и делает два шага к отцу; видимо, он весь в мыслях о коробке; Аполлон Аполлонович, ухватившись рукою за домино, тащит Николая Аполлоновича в свой кабинет, закрывая дверь; Николай Аполлонович стоит у двери, засунув руки за спину и голову припластав к двери; он почти ничего не видит и не слышит, видимо, переживая предстоящее ему какое-то дело с коробкой; Аполлон Аполлонович с тем же письмом жены, бессознательно зажатый в руке, похаживает перед Николаем Аполлоновичем с очень нехорошим смешком.*)

Аполлон Аполлонович. Так-с... Коленька... так-с... Что ж: костюмчик... (*Вдруг обрывая смешок: с просительной надсадою.*) И давно это так? (*Ждет ответа: Николай Апол-*

---

² Далее было начато: которая

лонович молчит.) Давно, говорю, начал ты заниматься такими вещами?..

Николай Аполлонович (точно из другого мира: не двигаясь). Какими вещами?..

Аполлон Аполлонович (подскакивая и тыча пальцем в домино). Вот этими... (Вдруг ударяет кулаком по столу.) Оставь, пожалуйста: не притворяйся, пожалуйста... (Николай Аполлонович – нервно моргает со стиснутыми^а губами.) Да не вымаргивай слезы из себя: ведь противно смотреть!

Николай Аполлонович (вдруг со злобой). Вы – ничего не понимаете: отпустите!..

Аполлон Аполлонович. Шут гороховый!.. (Грозно.) Оставь ты своих кантонистов: они довели уж тебя... до... до... до: до конвульсии танцующих ног и до этих вот тряпок... Ты – уличник.

Николай Аполлонович (бросая поперх головы Аполлона Аполлоновича). Ах, оставьте клеванья, казенья: я все объясню, но сперва отпустите, папаша.

Аполлон Аполлонович. Во-первых, – тебе не папаша; а во-вторых... (Видя, что Николай Аполлонович хочет его перебить.) Не кликушничай, не клуби словесами: Коген, «Theorie der Erfahrung»... В конце концов, знаешь ли, голубчик мой, – сын?.. В роду Аблеуховых ничего подобного не было. Это – поповская кровь: со стороны матери была поповская кровь... (Сам с собой.) Несомненно: поповская кровь и изгадила род^б (с надтреснутостью)... ме-емме..., подарив просто гаденьким сыном. (С ненавистью к Николаю Аполлоновичу.) Ублюдок ведь мог проделывать лишь подобные предприятия – доплясаться: до... до... до – чего?.. (С отчаянием откинув голову назад и протягивая руку вперед к Николаю Аполлоновичу.) До – домино!.. (Вперяется в сына; и^в сожалея о прошлом.) Ты был маленьким: я тебя

^а Далее было: зубами

^б Далее было: Аблеуховых

^в Далее было: будто

нянчил... Стишки сочинял... Ну и вот (*раскланивается перед собой*): и – донянчился...

Николай Аполлонович (*с той же рассеянною бесчувственностью*). Такое мыленье: а – за что?

Аполлон Аполлонович (*ледяным тоном*). Не понимаешь? А я – понимаю, ме-ме... (*С ужасною гримасою пародируя себя самого*). «Дурачок, простачок»... Не дурачок, а... (*громовым голосом*) ужаснейший негодяй...

Николай Аполлонович.¹⁰ Дайте высказать...

Аполлон Аполлонович (*перебивая*). Глазами-то не ястребись: расфинтился.. Сними балаганные тряпки.

Николай Аполлонович. Но дайте...

Аполлон Аполлонович (*перебивая*). Устраивать там никому не понятную гнусность: рядиться в кровавые тряпки, таскаться по улицам в них, возбуждать там внимание и плодить bestолковые слухи... Я знаю все, милостивый государь...

Николай Аполлонович (*как бы из другого мира*). Ах вот вы о чем!

Аполлон Аполлонович. О вас пишут в газетах... Вы есть домино: за такое... такое... сажают... сажают в тюрьму... за такое... Да-с: я-с знаю-с всё-с!!.. (*Стуча пальцем по столу*.) Вы преследовали там даму – вот в этих вот тряпках... какую-то даму... Вы, видите ли... (*Обрывая себя*.) Словом, известно мне все.

Николай Аполлонович (*с убийственным¹¹ равнодушием*). Это – было сделано...

Аполлон Аполлонович (*пораженный*). Ну и что ж?.. Было сделано, – говоришь? Для чего было сделано?

Николай Аполлонович (*думая лишь о кардонке, с отвращением придумывает¹² первое попавшееся объяснение*). Этого – не объяснишь: было сделано на... пари...

¹⁰ Далее было: (*вспыхнув*)

¹¹ Далее было: *спокойствием*

¹² Далее было: *выход*

Аполлон Аполлонович (с недоумением). Какое-то пари, — говоришь?

Молчание.

Аполлон Аполлонович. Ну какое это такое пари?..

Молчание: Николай Аполлонович лишь пожимает плечами.

Аполлон Аполлонович (настойчиво). Нет, — какое пари?..

Николай Аполлонович. Я дал слово — молчать.

Аполлон Аполлонович (яростно и не слушая). Нет, какое пари! Нет, какое пари!! Нет... нет... какое... (Задыхается, подбегая вплотную к сыну со стиснутыми губами, произвольно поднимает ладонь руки, точно собираясь ударить Николая Аполлоновича; тот не двигается, устремив в Аполлона Аполлоновича далекие и дерзко расширенные глаза; Аполлон Аполлонович с недоумением опускает руку и хватается за бачку, точно сломленный ледяным, неестественным спокойствием Николая Аполлоновича,⁶ усталым, плаксивым голосом, точно старая баба.) Нехорошо, голубчик мой, — стыдись... (С надеждою и как будто с любопытством.) Пари, говоришь ты!.. Какое такое?..

Николай Аполлонович (измученным голосом с проникающей душою искренностью, но⁸ обращаясь не к отцу, а к кому-то третьему). Я там, на балу, хотел высказать все; я — шел, а вы — побежали.

Аполлон Аполлонович (озадаченный). Ме-ме... Я увидел — ме-ме, как тебя,⁷ так и всё, отвлекли; там какая-то, знаешь-тили-шли... стояла: какая-то дама... И я, так сказать...

Николай Аполлонович (как бы сам с собой). А сейчас — не умею... Тяжелое навалилось такое — в тот миг...

⁶ Далее было: [вдруг] вдруг

⁸ Далее было: говоря не с отцом, а как бы над отцом, с кем<-то> третьим

⁷ Далее было: мой дружок,

Я все скажу; только теперь отпустите: на десять минут отпустите, – удостовериться, что оно – действительно то, чем оно подкатилось... Я скоро – вернусь; и я – все-все-все объясню: все-все-все – понесу... Такой час мой пришел; и я – да: виноват без вины; и невинен, хотя перед вами виновен; но как я мог думать, что действия мыслей моих на меня же лавиной повалятся и остынут массивами из гранитов: Гауризанкарами бреда...

Аполлон Аполлонович (*совершенно потрясенный тоном Николая Аполлоновича, сперва пятится от него как бы в страхе, потом вникает с удивлением*).^а Честное слово дал? это, это... Я, так сказать, честное слово... Ме-ме... смутноватое объяснение: не понимаю, ступай... Соберись,^б ме-ме, с мыслями, и что можешь сказать, – разъясни... (*Николай Аполлонович стремительно хватается за ручку двери, чтобы броситься в свою комнату, но Аполлон Аполлонович, увидев в зажатой руке своей письмо Анны Петровны, останавливает его*). **Постой:**^ж кстати, я должен сказать тебе... (*Подходит неожиданно к сыну и кладет руку ему на плечо, от чего Николай Аполлонович мучительно вздрагивает; Аполлон Аполлонович потрясает письмом Анны Петровны пред носом Николая Аполлоновича*). **Вот-с...** Письмо: от матери твоей, Анны Петровны. (*Взглядывает испытующе на сына*). И я хотел выяснит перед тобой немаловажное *status quo*, меняющее (*бегает по комнате и убеждая себя самого пальцем*)... домашнее... *status quo*... так сказать... **Словом:** (*останавливаясь и вскидывая брови*) Анна Петровна вернулась... Она извещает, что у нее есть намерение...^з (*Вновь^к принимаясь ходить*). Анна Петровна, мой друг, совершила поступок, который... так всё... очень

---

^а Далее было начато: [Ну] Смутнова <тое?>

^б Было: Соберись там,

^ж Было: Постой, Коленька:

^з Далее было: переехать... [сно<ва>] сюда...

^к Далее было: начиная

трудно мне, Коленька... (Собирая все хладнокровие, останавливается, приподымается на цыпочки.) Кв'али-... (упадая на всю ступню)-фицировать... (Обрывая.) Словом, – поступок известен: поступок – ты это заметил – воздерживался я... ме-ме... при тебе обсуждать: во внимание к твоим естественным чувствам... Конечно (начинает он шаркать туфлями и перевязывать кисти халата), приезд ее – неожиданность: полная!

Николай Аполлонович (рассеянно и мучаясь, что его не отпускают). Кто бы мог...^к

Аполлон Аполлонович. То же самое и я говорю: кто бы мог подумать (растерянно^л разводя руками и поднимая плечи, раскланивается сам с собой), что Анна Петровна захочет... ме-ме... из Толедо вернуться... Ме... Полная неожиданность может окончиться, как имеешь ты все основания полагать, изменением (поднимает палец, гремя на всю комнату) нашего государственного колеса – виноват: домашнего status quo; *de jure* – ничто не изменится, но *de facto* – меняется... Или все остается по-прежнему, или же... (раскланивается перед отсутствующей Анной Петровной): милости просим... Вот так-то... Я думаю, приняв во внимание естественность чувства... и все там такое... то... ме-ме-ме... Ну, об этом мы после... Ступай.

Николай Аполлонович стремительно летит в свой кабинет, бросается к коробке, раскрывает и вынимает из коробки сардинницу с приделанным к ней часовым механизмом, ставит на стол и с выпученными глазами неподвижно вперяется в нее, как окаменелый;^м потом выпрямляется, заламывает руки над сардинницей.

Николай Аполлонович (бросая в потолок). Ааа... вот оно: совершилось.^н (С сумасшедшими глазами бросает вниз голову над сардинницей и разглядывает ее, точно делает стойку над

---

^к Далее было: подумать?

^л Далее было: разводит руками и поднимает плечи)

^м Далее было начато: вдруг

^н Далее было начато: вдруг

ней.) Сардинница, как сардинница... (С больным озорством.)^о А я ее – в реку... (С больным юмором^п тыкая пальцем в сардинницу – скороговоркой.) Вы закапались сардиночным жиром, послушайте... (Что-то соображая.) Ел^р сардинки и делал сардинницы... (Выпрямляясь и бросая руку на стол.) Не сардинница, а сардинница ужасного содержания!..^с Нет, нет, – не вернется обратно. (Уронив голову в руки, идет в спальню, на ходу туша свет в кабинете; кабинет – зеленый от луны; в спальне вспыхивает лиловый свет; видно, как там Николай Аполлонович садится, лицом к кабинету, со странным, застывшим, с себя сошедшим лицом.)

В это время Аполлон Аполлонович Аблеухов, видимо, потерявший голову от происшествий бала, известия о возвращении Анны Петровны и разговора с сыном, бежит в желтую спальню, гася свет^т в кабинете; видно, как он там бежит и жестикулирует, полы его халата распахиваются и на ходу видны цыплячьи ноги его в желтом трикотаже; он что-то бормочет; потом, вдруг остановившись, он начинает быстро водить носом, с рукой, готовой что-то схватить; так ловят моль в воздухе;^у подкрадывается к креслу.^ф

Аполлон Аполлонович (крадучись к чему-то невидному). Ти-ти-ти-ти...^х (Делает рукой быстрое движение, ловя что-то.) Проклятая муха... (Подносит два защемленных пальца к носу и разглядывает: потом другой рукой с величайшим остервенением рвет мухе крылья и лапы;^и не уgomонившись, выбегает из спальни со свечой и начинает трогать пальцами^н книжные полки и шепчет ожесточенно.) Пыль... пыль... Знаешь-тили... Не угодно ли видеть?.. Какая гадость!.. Пыль, знаешь-тили, содержит микроорганизмы бактерий... (Оттирая

---

^о Было: (со странным, сумасшедшим озорством)

^п Было начато: вспоминая что-то и с больным юмором ука <звивая>

^р Было: Да, да: ел

^с Далее было: Нет, нет: Пепп Пеппович Пепп...

^т Далее было: в кабинетике

^у Далее было начато: вдруг

^ф Далее было: с рукой готовой [что-то] схватить

^х Далее было начато: [Ах] ваф! (при последнем звуке он)

^и Далее было: потом,

^н Далее было: пыль книжных полок

палец о халат,³³ выходит в коридор и проходит по коридору со свечою в руке.)

Николай Аполлонович (из спаленки). Нет, нет: не ноги (видно, как щупает себе ноги), а мягкие части болтаются... (Встает и тащится к сардиннице, зажигая свет в кабинети-ке.) Ничего подобного не было: бред, бездна, бомба; пришла, раздавила... Как бык под ножом быкобойца... (Останавливается над сардинницей.) Сардинница, как сардинница: с часовым механизмом... будет в реке – вот сейчас, сию минуту... (С больной улыбкой.) Так уж я подведу... (Бросается к сардиннице и поворачивает винтик часового механизма дрожащими руками.) На час, на два, на десять, на двадцать четыре часа!.. (Прикладывает голову к сардиннице и откидывается от нее в каком-то священном ужасе.) Затиликала... тикает... тикает... (С огромным усталым удовлетворением.) Теперь – в реку... Не будет сардинницы. (Но вместо того, чтобы нести сардинницу к реке, бессильно опускается в кресло и тотчас же не то засыпает, не то впадает в болезненн<ый> транс, не то в обморок; голова его опускается на руки, <брошен>ные на стол; и он – замирает.)

Дверь в глубине коридора распаивается; видно, как Аполлон Аполлонович шествует в свой кабинет, имея по правую и по левую сторону от себя по сонному лакею с зажженными канделябрами в руке; у одного в руках тряпка; шествие замыкает полуоде-тый Семеныч с заспанным, сердитым лицом; лакеи зевают; шествие³⁴ проходит в кабинет, где вспыхивает свет; Аполлон Аполлонович расставляет лакеев у книжных полок, а сам суетливо бросается к передвижной лесенке.

Семеныч (трогая пальцем полки). Пыль... Пыль и есть...

Аполлон Аполлонович суетливо катит лесенку; лакеи бросаются ему помогать.

Первый лакей. Ваше высокопревосходительство, ваше ли дело?

---

³³ Далее было: идет

³⁴ Далее было: двигается

Второй лакей. Позвольте-с... Ишь как запыхались...

Аполлон Аполлонович (*подкатывая лесенку к полкам*). Нет-с, знаешь-тили: вы не знаете, как и что... (*С раздражением*.) Вы – стойте: светите.

Семеныч (*строго лакеям*). Вы стойте: светите.

Аполлон Аполлонович (*выхватывает тряпку и карабкается на лесенку; лакеи светят справа и слева, воздев канделябры*). Подымите-ка свет... Да не так... И не эдак, а...

Семеныч (*лакею*). Что ж ты – свети...

Аполлон Аполлонович (*напоминая серую мышиную кучу, копошится по полке рукой, вооруженной огромною тряпкой*). Э, да что же вы это, мой сударь... Да разве так светят?

Семеныч. Ты – выше...

Аполлон Аполлонович. Еще... Ме-эмме... (*Возится, обтирая поспешно корешки*.)

Лакеи, закрывая лица руками, трясутся от беззвучного смеха.

Семеныч (*шепотом, тыкая в бок лакея*). А ты что?..⁷ Не смейся...

Аполлон Аполлонович (*с вершины лесенки*). Пыль... Ишь ты... Ишь ты... А ну-ка я... – тряпкою... Ах, какая гадость!.. Ужасная гадость... Так-с, так-с: очень хорошо-с!..

Первый лакей. Барин!..

Второй. Ваше высокопревосходительство...

Аполлон Аполлонович. Протру-ка... я... (*Разглядывая тряпку*.) Не угодно ли видеть? (*Сует тряпку в нос лакею*.)

Лакей. Пыль и есть...

Семеныч. А я что сказал?

Аполлон Аполлонович (*обращаясь к лакею*). Пыль содержит все, знаешь-тили, – микроорганизмы болезней...

Семеныч (*отходя от лакеев*). О, Господи!.. Нет тебе днем, а – изволите видеть – ночью!

⁷ Далее было: Свети...

Аполлон Аполлонович. А я ее тряпкою!..

Семеныч (*выходя в коридор*). Экая – тьфу, тьфу, тьфу – непоседа... Укусит, – и эдак, и так, будто лезлая муха которая: в нос тебе лезет и в ухо жужжит... Тут сама-то вернулась... Тут с сыном, а выдумал пыль... (*Отворяя дверь в коридор*.) Как не быть пыли тут... (*Уходит.*)

Аполлон Аполлонович (*запыхавшись, слезает с лесенки, передавая тряпку*). Так и всё... Да: там – завтра... (*Щупает себе пульс и задыхается.*) Довольно... Идите...

Лакеи придвигают лесенку на старое место и идут в коридор; Аполлон Аполлонович нетерпеливо ждет чего-то, затворив за ними дверь; лакеи в коридоре переговариваются.

Первый лакей (*фыркая*). И туды, и сюды – точно моль платяная...

Второй (*наставительно*). Барин наш – человек с пунктиком: с пылей с своих в одурь вошел.

Первый. Что говорить, – живет пыльно: пылит ни во что.

Второй (*наставительно*). Каковы веки, таковы и человеки; человек он большой, государственный, горизонтальный; и – прочая: книгу копит; сидит перед ней, как перед писаной миской; ну – пыль оттого.

Уходят.

Аполлон Аполлонович, очевидно, ждет сына, отворяет дверь в коридор, подходит к комнате сына, стучит; видя, что не отвечают, он пробует дверь, отворяет, входит, останавливается перед спящим сыном, видит брошенный на пол портрет, поднимает, разглядывает, видит сардинницу, заинтересовывается ею, прикладывает к ней ухо.

Аполлон Аполлонович. Скажите пожалуйста, тикает!..

Уносит портрет и бомбу к себе в кабинетик, усаживается за письменный стол и принимается разглядывать сперва портрет.

Аполлон Аполлонович. А?.. Какая-то дама...

Николай Аполлонович – дергается, просыпается, вскакивает, вперяется в^м то место, где стояла сардинница; с бешеной быстротой выдвигает ящик, перерывает все.

Николай Аполлонович. Нет?.. Где же это такое... А?.. Что же это такое... Запрытал?.. Куда?..

Кидается под стол, потом к книжным полкам, о<тдерги>вает одну из занавесок и беспорядочно шарит рукою за <книга>ми.

В это время Аполлон Аполлонович, отсмотрев портрет, принимается внимательно разглядывать сардинницу.

Аполлон Аполлонович. Прекурьезная штука... Скажите пожалуйста, тикает... *(Прикладывает^в нос к часовому механизму.)*

Николай Аполлонович в совершенном беспамятстве выхватывает с полки толстый том, бросает его, шарит пустое место; губы, руки, ноги и голова его – пляшут.

Николай Аполлонович. Что же это такое, что же это такое... *(Выкидывает том за томом на землю: вдруг прислушивается.)* А? Тикает, тикает... *(Крадется по книжному ряду и выхватывает том.)* Нет... *(Бросается к печке, засовывает руку, шарит там, вынимает руку; рука – черная от сажи; хватается за лоб; на лбу отпечатлеваются три черных пальца, прислушивается.)* Тикает!..

Аполлон Аполлонович *(над бомбою).* Тикает...

Николай Аполлонович *(крадясь к письменному столу с бессознательно зажатым толстым томом в руке и останавливается у столика, ища рукой источник тиканья).* Тикает... *(С ужасом.)* В животе!..³ *(Опускает глаза^о и схватывает со стола часы.)*

Пауза.

Аполлон Аполлонович *(проводя пальцем по поверхности*

---

^м Далее было начато: пустое место

^в Далее было: почему-то

³ Было: У меня в животе!..

^о Далее было: на живот

^а Было: Э, да она открыта:

сардинницы). Э, да – открыта:^а бумажкой заклеена... А я ее – ножиком... ме... (Ищет ножик, раскрывает его и наставляет на сардинницу.)

Николай Аполлонович (взревая в ужасе).^{IIIa} Унес!..

Аполлон Аполлонович, который только что подковырнул сардинницу и открыл заклеенную крышку, вздрагивает и поднимает голову, но^б Николай Аполлонович влетает к нему в комнату, в совершенном безумстве потрясает толстым томом над головой.

Николай Аполлонович (видя отца <над> сардинницей). Что вы делаете?.. Остановитесь!.. Ведь это...^в это... это...^г

Николай Аполлонович летит к письменному столу, чтобы выхватить сардинницу; Аполлон Аполлонович отдергивает руку с сардинницей; Николай Аполлонович схватывает его за руку и вырывает сардинницу; с ней летит к коридору; Аполлон Аполлонович с распахнувшимися полами халата летит за ним; Николай Аполлонович спотыкается, сардинница у него вылетает из рук, ударяется в стену и падает на пол;^д Николай Аполлонович застывает в полуизогнутом состоянии,^е закрыв лицо рукой; Аполлон Аполлонович быстро на<гибает>ся, схватывает сардинницу, летит с ней к письменному столу; и с <недоумением> высыпает на стол из нее – желтенький песочек; вместе с песочком вываливается и небольшой пакетец.

Аполлон Аполлонович (строго, недоуменно). Сардинница оказалась с песком... объясни это странное, весь-ма странное, чрезвычайно странное обстоятельство.

Николай Аполлонович (с которого спали миллионные тяжести). С песком... (Открывает лицо и, весь изнемогая, валится в кресло.) О, о, о... Слава Богу.

Аполлон Аполлонович (берет и разворачивает пакетик и с изумлением достает двумя пальцами фигу). Фига и... (разгля-

---

^{IIIa} Было: (вскрикивая с нечеловеческим ужасом)

^б Далее было: в это время

^в Далее было: бомба

^г Далее было начато: (При слове бомба сардин<ница>?)

^д Далее было: в ту же минуту

^е Далее было: – в необорном ужасе;

дывает бумажку) сливочное масло...

Николай Аполлонович (*взмахивает из кресла рукой в блаженном изнеможении*). Фига и масло... Так, стало быть, – шутки.

Аполлон Аполлонович (*прочитывая надпись на бумажке*). Позволь, что такое. Написано тут: «Поздравляю вас: фига с маслом»... Не понимаю... как так – фига с маслом.

Николай Аполлонович (*с тем же блаженным изнеможением*). Ну – да: фига с маслом... Какое счастье...

Аполлон Аполлонович (*сердито*). Но это же аллегорически значит – «кукиш».

Николай Аполлонович. Ну да: кукиш с маслом.

Аполлон Аполлонович. Но это... это... позволь: что такое? Насмешка...

Николай Аполлонович (*ничего не понимая, в блаженном изнеможении и сам с собою*). Ну да: так прислали они только «кукиш»... какое счастье.

Аполлон Аполлонович (*сердито фыркая*). Но, другой, – это... это... какая-то неуместная ситуация, обидная для тебя... Не к «пари» ли относится этот кукиш... «Пари», – говорил ты.

Николай Аполлонович. А я то... А я то... (*Изнеможенно*.) Ну – да: там пари... (*Поднимается с кресла*.) Я вот был домино: с дамой шутки шутил и ходил на пари в домино... мне сказала она: «Домино». Я и стал домино.

Аполлон Аполлонович (*доверчиво принимая выдумку с большим внутренним облегчением*). А она тебе... На это... (*Лицо его расплывается старческой улыбкой*.) «Вот вам... ме, – эмме... кукиш с маслом»... Что ж, – (*подняв брови*) не без остроумия...

Николай Аполлонович изнеможенно утирает лоб красным рукавом.

Аполлон Аполлонович. Дальше можешь мне не рассказывать; говоришь, – дал честное слово – мол-

чать... *(Устало.)* И как тебе, мой дружок, не наскучат подобные... так сказать... мальчишеские... сказал бы я, — шалости... Так и всё... *(смягчая)* ме-эмме, ме-эмме... *(Что-то тихое, усталое и нежное проскальзывает во взгляде, брошенном на сына.)* Мой дружок, — не будем же сердиться и, так сказать: ссориться... все-таки, Коленька, *(перевязывая кисти халата)* — гуманитарные начала нам нужны.

Николай Аполлонович вдруг начинает трястись и неудержимо рыдает; упав на колени, он припадает к рукам отца.

Николай Аполлонович. Простите... простите...

Аполлон Аполлонович *(глубоко тронутый, гладит его по голове).* Так-с, так-с: очень хорошо-с... будь со мной, мой дружок, откровенней. *(Идет в кресло, садится и задыхается; с Николаем Аполлоновичем продолжается припадок истерики.)* Быть может, стесняешься ты, мой дружок, моего, ме-эмме... положения, накладывающего, знаешь ли-тити-шли — некоторую холодность в общении... с предметами, так сказать, домашнего обихода: членами семьи, хотел я сказать. *(Прижимая руку к сердцу.)* Черт возьми, как колотится. *(Перебивая себя.)* Государственные обязанности и прочие служебные функции мне препятствовали, так сказать, и — так сказать: ме-ме... Так уж ты — прости: так и всё... Я порой устаю. *(Хватается за пульс.)* Да и сердце не то... Будем терпимее и доверчивей. *(Николай Аполлонович бросается к нему; Аполлон Аполлонович целует его.)* Полно... Ну, полно: устал ты и я устал. Иди спать... Да... *(с большой надсадой)* оставь там пари...

Николай Аполлонович *(в радостном изнеможении уходит, проходит к себе, гасит свет и отправляется в спальню; проходя в спальню).* Кукиш с маслом: какое счастье...

Аполлон Аполлонович смотрит долгим, усталым, грустным взглядом вслед сыну; потом начинает задыхаться, поднимая к боку левую руку, скрючиваясь и икая; видимо, ему плохо; он протягивает руку к звонку; звонит и все не может додохнуть.

Аполлон Аполлонович. Черт возьми, как однако...
КО...

Появляется на босу ногу Семеныч – полуодетый.

Семеныч. Господи... Лица на вас нет.

Аполлон Аполлонович задыхается и смотрит молча на Семеныча.

Семеныч. Барин, что же это...

Аполлон Аполлонович (*справляясь с собою*). А, а ничего-с.

Семеныч. Сердечные колики.

Аполлон Аполлонович. Да нет-с: это просто желудок. (*Замолкает, прислушиваясь к сердцу.*)

Семеныч (*с невыразимую нежностью*). Ах, вы – абаза немая... (*почтительно*) позвольте, батюшка-барин, я вас уложу-с...

Тихо обхватывает Аполлона Аполлоновича и ведет в спальню.

Семеныч. Слабы мы: пора нам в постельку, а то – трюх-трюх-трюх: а потом и в тщедушие.

Аполлон Аполлонович (*останавливается на пороге в спальню, и с убеждением Семенычу*). Это – газы... Газы, знаешь-тели, распирают желудок: грудобрюшная преграда сжимается... оттого и толчки, и икота: развитие газов.

Семеныч. Не газы, а сердце.

Уходят в спальню, слышна оттуда их воркотня.

Семеныч. Разволновались вы очень: молотить-то устало оно.

Голос Аполлона Аполлоновича: «Авось...»

Голос Семеныча: «Что?»

Голос Аполлона Аполлоновича: «Перемелется...»

Голос Семеныча: «Вы авосевы причты оставьте: тут дохтуров совет надобен... затрхохлели <так!> мы с вами...»

Семеныч завешивает проход в кабинет серо-зеленою занавескою, на которой появляется лысая тень головы Аполлона Аполлоновича; кабинет темен.

Голос Аполлона Аполлоновича: «Камергер Сапожков объяснил мне на выходе *(с облегчением)*: “Вы не слушайте докторов... Они – врут: это, знаете, – газы, не сердце... Лепешка же угольная абсорбирует газы; лепешку в рот, как рукой снимет”».

Голос Семеныча: «Лепешка лепешкой, а самого себя лечить, – только портишь–с... И камерхер – не лечец: очень просто залечит».

Голос Аполлона Аполлоновича: «Ну вы там...»

Голос Семеныча: «Не “ну”... Давеча всё воркота-ли да туфлями шлендали, да тарантили над лесенкой; всё кипучесть показывали: навоевали, нагавкали... Отчего?.. *(Разъяснительно.)* От сердечного дела-с... Расходуетесь хвораньем. *(После паузы.)* Дайте-ка... нижние кальсоны: стяну-ка я... вот-вот так-с, укопать одеяльцем-то».

Голос Аполлона Аполлоновича *(расслабленно)*: «Это у Коленьки... Хи-хи-хи... по-видимому, сердечное дело... Пари там... и разные... хи-хи... кукиши со сливочным маслом... Хи-хи... Хи-хи...»

Голос Семеныча *(с неудовольствием)*: «Сюська какая-нибудь... Не подвязать ли набрюшничек?..»

Далее не слышно: слышно лишь, что Аполлон Аполлонович силится что-то свое разъяснить упирающемуся Семенычу и, как бы перекрикивая его, бросает громко – жалобным старческим голосом: «Это, знаете, – газы».

Семеныч *(выходя из спаленки, сам с собой)*. Изжил век, а всё – эк...

Занавес >

Картина восьмая

Сцена представляет собой проспект; у самой авансены тротуар^а; с правой стороны авансены видна задняя часть пролетки извозчика; за тротуаром дом, серо-желтый; посередине – подъезд, над которым поддерживают балкон две кариатиды – два каменных бородача;^б слева от подъезда – витрина магазина готового платья; за стеклом среди прочих принадлежностей туалета две восковых куклы: модели; одна изображает мужчину в студенческой форме; лицо восковой куклы до странности напоминает лицо Николая Аполлоновича; другая кукла изображает Софью Петровну Лихутину; она – манерно прижимает к лицу муфту; слева от подъезда какая-то другая лавочка; слышен звук большого города; вдоль тротуара идут прохожие; среди прохожих редки котелки и дамские шляпы с перьями; больше проходят рабочие в косматых манджурских шапках; манджурские шапки идут с какою-то крепкой самоуверенностью; на лицах проходящих чиновников особая растерянность. Иногда идет дождь; и тогда появляются распущенные зонты.

Пробегающий студент (курсистке). Какой небывалый подъем!

Курсистка (студенту). Переживаем события исторической важности!.. (Пробегают.)

Манджурская шапка (такой же шапке). Перли и перли. (Пробегают.)

Чиновник (чиновнику). Не надо показывать вида. (Пробегают.)

Мещаночка (кавалеру). Какой вы медуза! (Пробегают.)

---

^а Далее было вписано: и дом;

^б Далее было начато: у бородачей

Рабочий (*рабочему*) (*идут тихо*).^а Уж мы растемяшили все это – про прямое, всеобщее, равное, тайное; и пошли на заводе: свободные разговоры. (*Проходят.*)

Второй рабочий (*первому*). Послушничество, раболопничество надоело: шпандоренье это... (*Проходят.*)

Барышня (*кавалеру*). А вы покатайте меня.

Кавалер (*барышне*). Как же – покатаемся: к чертовой матери. (*Проходят.*)

Прохожий (*прохожему*). Он же, как был экземпляр ископаемый, то я ему: «Кожа тебе для стегалки^г поспела?»^д Его^е и потяпали: он побежал без кровинки;^ж на скулах, – багровины. (*Пробегают.*)

Чиновник (*чиновнику*). Водка, курения, любострастные чувства. (*Пробегают.*)

Манджурская шапка (*такой же шапке*). Бастуют: судостроительный, Александровский, ревельский, чугунно-литейный; бессменные караулы повсюду повывести; казаки в потае сидят. (*Проходят.*)

Народ скапливается; проходят у самого тротуара городовые.

Первый городской. Послонитесь.

Второй городской. Идите себе постепенно: последовательным порядком.

Третий городской (*мальчишке*).^з Ты что стал, последователь?

Мальчишка. Дай прочихнуть...

Городовые проходят.

Свободный обыватель (*в спину городовым*). А власти-то послупились.

---

^а Было: (*приостанавливаясь и сходя с тротуара*)

^г Было: «Кожа-то тебе для постегалки

^д Далее было начато: Тут

^е Далее было: тут

^ж Далее было: бежит; на скуле-то, – багровина;

^з Было: (*прохожему*)

Протестующий голос купца: «Умокиченье!.. Старое поломали, а нового не настроили».

Свободный обыватель (*обертываясь на купца*). Бросьте вы это.^к

Горничная^к (*купцу*). Ну, я вам скажу, — экземпляр...

Купец (*озлобленно обертываясь на^л горничную*). Фордыбака какая!..

Горничная. Ты-то?

Купец. Я-то?

Расходятся: начинается дождик; кой-где распускают зонты; видно, как к краю пролетки подходит извозчик и поднимает верх; кто-то, не видный на сцене, бросает извозчику: «Он, хозяин,^к вкатит в убыток тебя».

Извозчик (*кому-то*). У меня же расчет беспрогульный, а что получу? Белебеню.^к

Голос (*извозчику*):^о «Ах мы, безалтынные голыши:»^к а жизнь — вдва́дорога!»

Извозчик (*проходящей раскрашенной даме*). Прокатаю?.. (*Вслед барыне.*) Ишь ты, — прибагрянчилась.

Дверь подъезда распаивается; выходит господин с седыми бакенбардами; с ним — изящно одетая дама; господин тревожно оглядывает перед собой.

Господин (*даме*). Началась забастовка уже на Московско-Казанской дороге, на Курской,^р на Муромской, Нижегородской.

Дама (*оглядывая прохожих*). Никто не сказал бы... (*Проходят.*)

---

^к Было: Бросьте вы это бабьево тряпье свое.

^к Было: Курсистка.

^к Далее было: курсистку

^к Было: хозяин-то,

^к Далее было начато: Так

^о Далее было начато: Так

^к Далее было: ни к чему нет уж приступа: вдва́дорога!

^р Далее было: Нижегородской

Голоса двух прохожих: «Рабочему некогда заниматься приличием...» «Околодочный надзиратель покрикивал, а ему смешки в спину».

Манджурская шапка (такой же). И так я расплавился в чувствах, товарищ, что я^г говорю: «Разбессовестный, я с богатыми не верстаюсь...»

Проходят:^у справа налево на тротуар выходит Аполлон Аполлонович в черном, наглухо застегнутом пальто, в черном цилиндре с распущенным зонтиком; он согнул ручку калачиком; на нее опирается грузная полнотелая дама в пальто не наших фасонов, с двойным подбородком, лет сорока шести; со шляпы на лицо ее опущена темная вуаль; руки в перчатках; на одной перчатке – продранный палец; на лице дамы написано волнение и смущение; она задыхается, навалившись всей тяжестью на Аполлона Аполлоновича; прохожие, обгоняя, эту пару заталкивают локтями; Аполлон Аполлонович сводит даму с тротуара и останавливается.

Аполлон Аполлонович.^ф Анна Петровна: машины^х обычно – здесь.

Анна Петровна. Верите ли, – что мне думать?..^д Я спрашиваю «The complete»... А тут^г – с карточкой... «Где они?» – «В коридоре...» – «Просите же»...

Аполлон Аполлонович (озираясь). Я спешил засвидетельствовать почтение... Ни одной машины!.. Вы – не привыкли?^ш (Озирается, ища глазами автомобиль.)

Рабочий (рабочему). Вы мужиковал себя право народ... (Проходят.)

Прохожий (прохожему). Не дают послесарить... (Проходят.)

---

^г Далее было: говорю ему:

^у Далее было: слева направо

^ф Далее было: Знаешь ли-тили,

^х Далее было: проходят здесь.

^д Было: Верите ли; я же – двадцать четыре часа... И – что мне думать?..

^г Далее было: горничная – с вашей карточкой...

^ш Было: Вы – не привыкли к ходьбе... Хотя бы одна?..

Баба (бабе). Белье-то я банила... А они разбрыкались: тяпня!^м (Проходят.)

Прохожий (прохожему). Околодочный надзиратель открыл фабрикацию бомб.

Аполлон Аполлонович (Анне Петровне). А у нас начинается...

Анна Петровна (перебивая). Как вы помолодели... При мне никогда у вас не было этого цвета пальто...

Аполлон Аполлонович. Начинается – говорю – всеобщая забастовка... (Прохожий задевает локтем его; он делает два шага к рампе.) Черт знает что: ни одной машины!..

Анна Петровна.^б А Кука – такой же ли?

Аполлон Аполлонович (жуя губами). Коленька-с, скажу прямо, ведет себя странно.

Анна Петровна. В Гренаде во сне я увидела Куку.

Аполлон Аполлонович (перебивая). Встаешь в половине десятого;^м в одиннадцать – служба; Коленька же встает с пушкой: в полдень. (Помолчав.) А я вот – в отставку. (С ужасом поглядывая на прохожих.)^б Служить – управлять; а они – развалили...

Прохожий чиновник (чиновнику). Бескрысая сторона. (Проходит.)

Седой господин (старомодной старушке). Бросьте вы это бабьево тряпье... (Проходит.)

Взволнованная дама (студенту). Ничего кроме тел: согнутых, полуизогнутых – тел, тел...³ (Проходят.)

---

^м Было: Белье это банила я... Тут они разбрыкались: тяпня, пошла... на мостовой – телеса...

^б Далее было: Как Коленька?

^м Было: Мне приходится вставать в половине десятого;

^б Далее было: пошел – обыватель;

³ Далее было: И раздается, что – там-то и там-то, и там – забастовка...

Анна Петровна. Едемте^ю летом в Пролетное...^я
Были когда вы там?

Аполлон Аполлонович.^{Па} Перед тем, как мне ехать в Токио. (Начинается снова дождь: зонты раскрываются.) Дождь, а машины – нет.

Сцена мутнеет: раздается гудение двух бородатых кариатид.

Первая кариатида. Надвое^а разделилась Россия...
И надвое^б разделилась судьба...

Вторая кариатида.^в Рассеется земля... И обрушатся горы... Поля обгалятся...

Первая кариатида.^г Опустится Петербург.

Прохожий (прохожему). Его и нет вовсе...^д а кажется, будто он существует... (Проходят.)

Дверь^е на балконе, висящем над подъездом, открывается; там показывается Липпанченко с Морковиным; оба – в пальто с поднятыми воротниками; молча и насмешливо глядят вдаль.

Первая кариатида. Броситься бы: пропасть в облаках!

Вторая кариатида. Опуститься бы на дно океанов!..

Проясняется.

Аполлон Аполлонович. Довольно-с: пора...^ж

Анна Петровна. Между прочим: вас, говорили мне, прочили...

---

^ю Было: Поедемте

^я Далее было: Не были вы там – лет двадцать?

^{Па} Далее было начато: В последний раз был

^б Далее было: разделились судьбы...

^в Далее было: Земля рассеется... И горы обрушатся... И поля обгалятся...

^г Далее было начато: Опустятся европейск<ие>

^д Далее было: Это только кажется, что он существует...

^е Было: Туман проясняется: дверь

^ж Далее было: (с нехорошим [юмором] смехом) Хе-хе-хе-с...

Аполлон Аполлонович (*не слушая*). Что же?.. Вячеслава Константиныча – нет... Вы – ретировались в Испанию... Пал Порт-Артур.

Анна Петровна. Вот³ поедем в деревню...

Аполлон Аполлонович (*не слушая*). Россия – равнина с неизмеримостями...⁴ Позади убегают века; впереди – то же самое: неизмеримости летят вам навстречу; и волки голодные собираются... Другое дело – в экспрессе; выйдешь же из вагона – нет, нет: деревенский ландшафт меня прямо пугает; (*опасливо*) пространства вредны мне... ме-ме...; и выезд – вреден; еще с докладом, к министру, – туды-сюды... (*Свертывает калачиком ручку и подает Анне Петровне, показывая зонтиком куда-то вперед.*) Вон – машина. (*Роняет зонтик; прохожий писарь, тот самый, который сидел в кабачке, – поднимает зонтик и почтительно подает Аполлону Аполлоновичу.*)

Писарь. Пожалуйте, ваше высокопревосходительство...

Аполлон Аполлонович (*рукой касаясь цилиндра*). Благодарю: не ожидал. (*Берет зонтик и глазами показывает Анне Петровне на писаря.*) Человек – городской, благовоспитанный.

Писарь (*сияя*). Из собственной канцелярии вашей: человек писцовый, письменная душа.

Аполлон Аполлонович (*добродушно*). Писец: писцы... (*Анне Петровне.*) Поскрипывает, переворачивает листы: писец, писцы... Вережит...

Писец. Иной пишет, ваше высокопревосходительство, что рожает; другой пишет, – только перо скрипит; (*вдруг снимая фуражку*) внимлите же неотступному домогательству: жду-с чиноповышения.

---

³ Было: Ну вот

⁴ Далее было: Неизмеримости летят вам навстречу

Аполлон Аполлонович. А... ну... там... Писец: писцы — ме-эмме. (*Анне Петровне.*) Идемте к машине... Я думаю, что растение «вереск» происходит от верещанья...

Проходят; какой-то рабочий останавливается и ждет: к нему бежит мальчишка.

Рабочий. Айдаком? Пospel: пострел!

Мальчишка. Взопрел я, бежамши... Казаки... Порабивали цейхаузы наши-то... Порасклеили там листы... (*Спешно проходят.*)

Писарь (*бормочет озабоченно*). Посмутился народ: забезбожничал. (*Проходит.*)

Во время последующего диалога: народу — больше; видимо,^к народ волнуется; собираются кучки; и показывают руками куда-то направо.

Липпанченко (*с балкона Морковину*). Вы убедились теперь, что — артист. (*Тычет себя в грудь.*)

Морковин. Убедился: такой наплели паутины...

Липпанченко. В ней мухи жужжат...

Морковин. Только вот, — для чего это «кукиш»?^п

Липпанченко. А — гениально?

Морковин. Я действовал просто вслепую: не понимаю я; вот «домино», «узелок», — понимаю.^м

Липпанченко. Подкладывать настоящую бомбу? Зачем? оскандалить сенатора при помощи домино;^н «узелком» усыпить, сколько можно, внимание партии;^о

---

^к *Далее было:* чего-то волнуются;

^п *Было:* Только вот что скажите: а для чего это «кукиш» вы выдумали?

^м *Было:* Да действовал я тут вслепую: не понимаю, признаться, — доселе я...; «домино», «узелок» — это я понимал.

^н *Было:* Для чего же мне было подкладывать им настоящую бомбу? Мне нужно было бы во-первых чрез домино оскандалить сенатора; вместе с тем:

^о *Далее было:* подготавливаю де [покушение] действие, [этим на] одновременно карающее и отца, и сына;

и на сына набросить там тень, чтоб отвлечь подозренье в провале Ц.К.... Результаты – достигнуты; подозренье – брошено; сенатор^п – уходит в отставку: по собственной воле.

Морковин. А разве уход его нужен?^р

Липпанченко. Конечно же:^с Звездная Палата заинтересована^т; надо было – сенатора^у вывести из строя; и вместе с тем:^ф подозрение партии усыпить; теперь – Звездная Палата довольна; и – партия: в руках у меня.

Морковин. Ах, какой вы паук...^х

Липпанченко. А еще говорите!..^ц *(Морковин исчезает с балкона; Липпанченко, сатанински протягивая руку вперед.)* Он думает, что все – кончено?.. Будет – бред, бездна, бомба! *(Исчезает.)*

Первая кариаида. Бегут... Бежит – многоножка...

Вторая кариаида. Она пробегает столетия...

Первая кариаида. Переменяются звенья: она –^ч та же...

Вторая кариаида. Бегают^ш членистоногие звенья...

Первая кариаида. Что видим – изменчиво, необъяснимо.

Вторая кариаида. Как мертвенно шелестение пробегающих ног: и вечно зелены лица.

---

^а Было: и кроме того на сына же надо было набросить мне тень, чтобы отвлечь подозренье от себя в провале Ц.К.... И вы видите: результаты – достигнуты; подозренье брошено; на сына – в партийных кругах, а сенатор

^р Было: А для чего это нужно?

^с Было: Ваш департамент полиции не все ведаёт:

^т Далее было: в уходе сенатора;

^у Далее было: довести до отставки, до добровольной;

^ф Далее было: заслужить доверие партии;

^х Было: [Теперь только] Вижу, какой вы художник.

^ц Далее было: *(Исчезают с балкона.)*

^ч Далее было: та же вся.

^ш Было: Бегают, бегают

Первая карнатида. Рвануться бы вместе с карнизом; и – грянуться оземь.

Вторая карнатида. Предела презрению – нет; и предела отчаянью – нет... (Умолкают.)

Слышен вдали глухой нарастающий гул; кучки роятся на тротуарах. Быстро проходит слева направо Николай Аполлонович, кутаясь в николаевку; Липпанченко выходит из подъезда; Николай Аполлонович, увидев Липпанченко, останавливается с испуганно выпученными глазами; Липпанченко вперяется в него с дикой злобой; потом проходит Сергей Сергеевич Лихутин в штатском, с бритым идиотским лицом, запыхавшись, нагоняет Николая Аполлоновича^м; у него перевязана шея; он^н обгоняет и загораживает дорогу Николаю Аполлоновичу.

Сергей Сергеевич. Кажется^м – не узнаете?

Николай Аполлонович (вылупляя глаза на него). С кем имею честь? (Вдруг откидывается и сдергивает фуражку с переkrивленным лицом.) Да, какими же способами? Или – глаза изменяют? Сергей Сергеевич? В штатском? И –^н как-то преобразились... Хотел сказать, – выбрились...

Сергей Сергеевич (стараётся схватить рукой Николая Аполлоновича). Не для того я за вами бежал, чтобы мы говорили о бритости. (Схватывает его за руку.)

Николай Аполлонович (стараясь высвободиться). Ах,^о как некстати!^ю

Сергей Сергеевич. За вами я – следом: я был там у вас,^я но сказали, что вышли; на набережной увидел, как вы – на извозчика;^{IIIa} и я – на извозчика. Имею дело...

---

^м Было: за ним гонится; и схватывает за рук<у>

^н Далее было: нагоняет Николая Аполлоновича

^о Было: Вы кажется

^я Далее было: бриты?

^ю Было: В чем дело?.. (С досадой.) И –

^{IIIa} Далее было: Пустите руку.

^я Далее было: мне сказали, что только что вышли;

^{IIIa} Далее было: ну и я – на извозчика: вот сюда.

Николай Аполлонович. Пустите.^б

Прохожие останавливаются, с любопытством наблюдая сцену.

Николай Аполлонович. Зайдемте в кофейную:^в смотрят... Я^г знаю, что вы о поступке моем — с домино?

Сергей Сергеевич (*подтаскивая Николая Аполлоновича к извозчику*). Нет, поедemте на квартиру^д; а здесь — неудобно.

Николай Аполлонович. По некоторым обстоятельствам —^е неудобно у вас.

Сергей Сергеевич. Э, да полноте!^ж

Николай Аполлонович. Вы...^з человек просвещенный, гуманный; у вас^и же — и Софья Петровна, и — прочее.

Сергей Сергеевич (*вдруг насильно втаскивая Николая Аполлоновича в пролетку*). На Мойку!

Голос Николая Аполлоновича (*из пролетки*): «Позвольте, да это залавливание какое-то!»

Голос Сергея Сергеевича (*из пролетки*): «Пошел!»

Пролетка трогается, т. е. задняя часть пролетки исчезает за^к кулису; два наблюдателя сцены между Сергеем Сергеевичем и Николаем Аполлоновичем смеются.

Наблюдатель первый. Жулика поймали.

Второй. Он его — тиск, а тот — в писк.

Волнение^л на тротуаре, все время возраставшее, во время последней сцены крайне усиливается;^м кучки на тротуаре повертывают

^б Было: [Но] Пустите. Но пустите.

Далее было: Сергей Сергеевич (*не пуская*). Имею дело.

^в *Далее было:* на нас

^г Было: Вы это —

^д *Далее было:* ко мне; а то здесь неудобно.

^е *Далее было:* у вас неудобно.

^ж Было: Э, полно: здесь смотрят.

^з Было: И я говорю то же самое, но вы... вы...

^и *Далее было:* — неудобно мне

^к *Далее было:* авансцену;

^л Было: В это время волнение

^м *Далее было начато:* все голов<ы>

ся влево; гул оттуда слышнее; туда машут руками и смутно намечается пение: «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

Голоса с тротуара: «Пошли... Идут...»

Господин в котелке (*прибежав из левой кулисы, курсис-тке*). А... здравствуйте... Ну и вот: началось;^н в аудитории – ничего, кроме тел, тел и тел; все обсели и заняли амфитеатры; и...

Слева голос: «Расходитесь, расходитесь»... Пробегает вдоль тротуара толстый околородочный, придерживая шпагу; вслед ему голоса.

Голоса: «Шашки-то не теряй...» «Растрясывай брюхо...» «Перемордовал народ; и – бежит...»^о «Ах, бесовестный...» «Я те кулак-то приляпаю к морде...»

Вдоль тротуара бегут трое рабочих в манджурских шапках.

Один из рабочих. Тварыиши... Бастовать: и – ни с места!

Рабочий из кучки на тротуаре. Как рабочему люду не поспособствовать!

Второй рабочий. Поспопутствуем: вашинские!

Первый рабочий (*второму*). А ты – где?

Второй. На бумажной фабрике, в тряповарне.

Первый. А я – чемоданный мастер.

Наблюдающий контр-революционер (*другому*). На них посмотрю, – шелудивики: им натъфукать на все...

Голоса: «Идут...» «Стой...» «Ни с места...» «Вваливайся, вгребайся в толпу...»

Пение, которое было все громче, приближается: слева направо показываются первые фигуры манифестантов, несущие древко, к которому прикреплено красное знамя.

Первые фигуры манифестантов. «Вы оотдаа-аа-аа-ли все, что могли заа него»...

Занавес

---

^н Далее было: я был

^о Далее было: Тьфу!..

Картина девятая

Сцена представляет собой небольшой коричневый кабинетик Лихутина; посреди – письменный стол, небольшой, и кресло; слева, у авансцены – диван; несколько кабинетных кресел; двери, ведущие из кабинетика в желтую переднюю, открыты; в передней Софья Петровна Лихутина в домашнем японском *кимоно* стоит с лицом, очевидно, обращенным в гостиную, переговариваясь с Марфушкой.

Софья Петровна. Ковры – не обчищены:^а пятна извести здесь вот и там... Приготовьте мне платье: берéжевое...

Голос Марфушки: «Чистила:^б не отчистишь; набарабошил наш барин: чинить потолки?.. Потолки были целы; теперь же середка-то – ввисла».

Софья Петровна. Оставьте свое верезжанье... А что, мне идет то *бандо* – из двулицой^в материи?

Марфушка (*появляясь в передней со щеткой*). Уж и на лестнице черной смеются: «Ночью-то у вас что за шум?»^г уж мы собирались за дворником; вы,^д смотрите, потише»...

Софья Петровна (*надувшись*). В расстройстве был барин: представились потолки... А в чулке, как я вам говорила, вы ввязочку сделайте...

---

^а Было: Ковры-то – недообчистили:

^б Далее было: не отчищаются;

^в Далее было: той ткани?

^г Было: На лестнице черной и то барахвостили: «Ночью у вас грохотали:

^д Далее было: уж потише»...

Марфушка. Может представиться; только зачем представления делать; нет, нет: наварварил наш барин.

Звонок – стремительно-резкий; Софья Петровна пропадает из передней; Марфушка бежит отворять; в дверь влетает что-то барахтающееся, представляющее собою сплетение из Сергея Сергеевича и Николая Аполлоновича; видно, что Николай Аполлонович втаскивает силком Сергея Сергеевича;* во всей последующей сцене видна физическая сила Сергея Сергеевича, против которой никакие словесные увещеванья не действительны, потому что по внешнему виду Сергей Сергеевич представляет собой одержимого, сумасшедшего человека, охваченного диким порывом; Николай Аполлонович, соблюдая остатки достоинства, пытается что-то растолковать сумасшедшему подпоручику, все время испытывая испуг, как бы будучи в клетке со зверем.

Николай Аполлонович. Оставьте свои расхвата-
НЬЯ...

Марфушка. О, Господи. *(Всплескивает руками.)*

Сергей Сергеевич. Я...

Николай Аполлонович. Нет, хватаетесь: вы не хватаетесь.

Сергей Сергеевич. Не думаю.^е

Николай Аполлонович. Эдак можно ведь в пыль раструсить.

Сергей Сергеевич* тащит Николая Аполлоновича в кабинетик, но Николай Аполлонович зацепляется ногой за дверной порог; Сергей Сергеевич, держа руками Николая Аполлоновича за спину, пытается ногой отцепить ногу Николая Аполлоновича; фуражка слетает с Николая Аполлоновича; Софья Петровна, испуганная и визжащая, появляется за их спинами.

Софья Петровна. Ах: ай, ай!..

Сергей Сергеевич. Сюда.

Софья Петровна. Что вы?^з

Марфушка.^н Пойдут потолки тут...

---

* Так в автографе. По смыслу: Сергей Сергеевич втаскивает силком Николая Аполлоновича;

^е Было: Не думаю: вы – вот сюда.

^з Далее было начато: втаскива<ет>

^н Было: Что вы, Сергей Сергеевич

^н Далее было: Заварварил;

Николай Аполлонович (*схватенный Сергеем Сергеевичем, поворачивает голову к Софье Петровне*). Оставьте нас, Софья Петровна, пожалуйста: между мужчинами полагается... (*Поворачивая глаза к Сергею Сергеевичу*.) Врач сказал, что – расстройство: редчайшее, мозговое... В припадке расстройства стоял там в подъезде.

Сергей Сергеевич отцепляет ногой своей ногу Николая Аполлоновича от порога, стремительно вбрасывая его в кабинетик; Николай Аполлонович со всего размаху налетает коленом на кресло и отхрамывает от него, потирая коленку; шинель его, зацепляясь за кресло, на нем повисает двукрылым созданием.

Софья Петровна. Ай!

Марфушка. Ай!

Сергей Сергеевич (*влетая за Николаем Аполлоновичем, замыкает под носом Софьи Петровны дверь кабинетика на ключ*). Потому что...^к

За дверью истерические вскрипы Софьи Петровны и голос Марфушки; Николай Аполлонович, прихрамывая, задвигается от Сергея Сергеевича креслом; Сергей Сергеевич ловит Николая Аполлоновича из-за кресла; во время последующего диалога они бегают друг за другом, повышая голоса до крика, перебивая друг друга и неся каждый свое, кажущееся от спешного высказыванья – галиматьей.

Николай Аполлонович (*оттанцовывая вокруг кресла*). Да что́ вы?

Сергей Сергеевич. Распрыгались?^л

Николай Аполлонович. Я же не прыгаю;^м а сказал, что стоял там в подъезде.

Сергей Сергеевич. Запрыгали!..

Николай Аполлонович (*перебивая*). Я^н стоял там в дурацком – не перебивайте! – costume...^о

Сергей Сергеевич (*с досадой*). Трясулька!^о

^к Далее было: душа тут новая погибнет!

^л Было: Чего вы распрыгались?

^м Далее было: я вам сказал: я стоял там в подъезде.

^н Было: Как я сказал, я

^о Далее было: расторопились!

Николай Аполлонович (*перебивая*). Смущая покой уважаемой Софьи Петровны...

Сергей Сергеевич (*перебивая*). Да стойте!

Николай Аполлонович (*перебивая*). А вы^п не держите меня под призором;^р я дал обещание... но – проволочивание по комнатам, пханье... (*Сергей Сергеевич, схватившись за кресло, прищемливает креслом Николая Аполлоновича к письменному столу.*) Да не прикатывайте же^с кресла... Я^т вам объяснял: врач сказал...

Сергей Сергеевич (*перебивая*). И порядочный человек – человек простой, без затей – должен явно^у ворваться в такое стечение обстоятельств; тут – долг христианской души...

Николай Аполлонович (*перебивая*). Он сказал...^ф

Сергей Сергеевич (*перебивая*). Верующий человек...

Николай Аполлонович. «Псевдогаллюцинации это»...^х

Сергей Сергеевич.^ч Во всякой же...

Николай Аполлонович (*перебивая*). Водолечение мне поможет; теперь никогда не позволю себе я^ч гулять у Канавки; смущая покой уважаемой...

Сергей Сергеевич (*перебивая*). Ведь во всякой душе может вспыхнуть чистейшая искра!.. (*Хватает Николая Аполлоновича за фалду; Николай Аполлонович отлетает в сторону; фалда – кракает.*)

За дверью – взрыв визгливого крика Софьи Петровны.

Софья Петровна (*за дверью*). Оставьте: впустите меня... Так нельзя...

^п Было: да

^р Далее было: я знаю, что дал обещание... Софье Петровне;

^с Далее было: кресельной спинки ко мне...

^т Было: Я же

^у Далее было: вмешаться

^ф Было: Он сказал: «Эти призрачные явления сознания»...

^х Было: «Псевдогаллюцинации» – так он это...

^ч Далее было: Чего вы расторопились?..

^с Далее было: прогуливаться таким способом

Николай Аполлонович и Сергей Сергеевич, забыв, что они гонялись друг за другом, оба выскакивают из-за кресла к двери.

Сергей Сергеевич (*тихо Николаю Аполлоновичу*).^ш Ну чего вы кричите?.. Вы – трус... (*Громко за дверь*.) Соня, Сонечка; успокойся.

Николай Аполлонович (*тихо Сергею Сергеевичу*). Вы – пхун!

Сергей Сергеевич (*тихо Николаю Аполлоновичу*). Вы топóчите... (*За дверь – громко*.) Успокойся: ну что в самом деле.

Голос Софьи Петровны:^щ «Ах, Марфушка, – дворников!.. Ужас^ь что!..»

Голос Марфушки: «Барыня, дорогая, – идите к себе: ничего – потасовка... Не женское дело... Между мужчинами: водится...»

Сергей Сергеевич (*громко за дверь*). Что в самом деле?

Николай Аполлонович (*громко за дверь*). Ну что, – в самом деле...

Голос Софьи Петровны: «Впустите же...»^ы

Сергей Сергеевич (*в дверь*). Ничего особенного не происходит меж нами: вот тут – Николай Аполлонович... (*Тихо и угрожающе к Николаю Аполлоновичу*.) Да не делайте таких глаз: уголовных... (*Громко за дверь*.) Тут – я... Ничего особенного: ты – напрасно вообразила...

Николай Аполлонович (*в дверь*). Вот именно... (*Показывая на себя*.) Тут вот – я... (*Показывая на Сергея Сергеевича*.) Тут вот – Сергей Сергеевич... Мы объясняемся...

Голос Софьи Петровны: «Я^ь объясню: примирю...»

---

^ш Далее было: Чего вы деретесь...

^щ Далее было начато: [Ах, Маврушка] Вы там искалечите:

^ь Далее было: там

^ы Было: Впустите меня...

^ь Было: Я же одна

Сергей Сергеевич *(в дверь)*. Ничего и не будет...

Николай Аполлонович *(в дверь)*. Вот именно...

Сергей Сергеевич *(в дверь)*. Мы⁹ объяснимся...

Голос Софьи Петровны: «Ах, — нет, нет, нет, нет: я сама⁹... Я во всем виновата...»

Николай Аполлонович *(в дверь)*. Нет, я виноват; врач сказал⁹: «Очень редкое, знаете, мозговое расстройство».

Голос Софьи Петровны: «Пустите, а то вы начнете опять там чинить потолки...» *(Слышно истерическое рыдание.)*

Сергей Сергеевич *(с испугом)*. Потолки в совершенной исправности. *(Непроизвольно открывает дверь, попадая в объятия Софьи Петровны, которую он бережно выволакивает из передней; Николай Аполлонович смотрит настороженно в переднюю, просовывает туда голову, убеждается, что нет никого, схватывает шинель и фуражку, собираясь улепетнуть, но натывается на влетающего Сергея Сергеевича, который уволакивает Николая Аполлоновича к дивану и насильно усаживает его; дверь в переднюю остается открытой.)* Ну что вы? Сидите.

Николай Аполлонович. Сидел...

Сергей Сергеевич. Не усидите: опять ускакнете... К чему ускоренья?¹⁰ *(Впиваясь в глаза Николая Аполлоновича.)* Опять зашатались глаза?.. *(Отходит и тут только снимает пальто, бросая его на кресло.)*

Сергей Сергеевич. Ах, да⁶ вы не хотите понять!.. *(Яростно наступая на Николая Аполлоновича.)* Полуоципаный!¹¹ Вам же не угрожает насилие... Не убожничайте: угомозитесь...⁷

---

⁹ Далее было: сейчас

¹⁰ Далее было: объясню...

¹¹ Далее было: про меня

¹² Было: К чему ускоренья такие?..

⁶ Было: Ах, да Боже мой, —

⁷ Было: Ну чего вы такой полуоципаный:

⁸ Далее было: Не понимаете...

Николай Аполлонович.^д Угомозитесь вы сами.

Сергей Сергеевич. А, черт!^е *(Поднимает с угрозою кулаки над Николаем Аполлоновичем.)*

Николай Аполлонович *(вобрав голову в плечи, смотрит на кулаки исподлобья).* Эй, Сергей Сергеевич, – перестаньте, да полно, да тише: вы можете так ушибить.

В открытой двери появляется Софья Петровна: во всей последующей сцене она тихонько подсматривает и подслушивает происходящее; на лице ее играет гамма весьма сложных выражений; все происходящее между Николаем Аполлоновичем и Сергеем Сергеевичем отображается на ее лице; видно, что в этой сцене выигрывает в ее мнении Сергей Сергеевич; скоро по адресу Николая Аполлоновича у нее пробиваются иронические нотки.

Сергей Сергеевич *(брезгливо).* Да не корчитесь, *(про себя)* – полукрылое^ж насекомое! *(Отступает и берется за голову; Софья Петровна делает жест, точно она хочет прийти к нему на помощь.)*^з Дело, которое вынуждает меня к разговору... *(Ищет слов.)* Есть дело, где всякий порядочный человек... *(Проходит к открытой двери и назад: Софья Петровна – прячется; раздается звонок.)* Что сказал?..^и *(Мучительно трет лоб: резкий звонок.)* Да, – порядочный... *(Вдруг бросается к дивану, с которого Николай Аполлонович собирается ушмыгнуть в открытую переднюю.)* Где порядочный человек, должен броситься, пренебрегая приличием, положением в свете. *(Николай Аполлонович с неожиданной вертлявостью юркает к двери; Сергей Сергеевич – за ним, хватая его за надорванную фалду.)* Куда, куда, – стойте!..^к *(Фалда отрывается; Сергей Сергеевич ухватывает Николая Аполлоновича и снова отбрасывает к дивану его.)* Я...^к Вас не убью... *(Фалда вываливается из его рук.)* Не угрожает^п насилие. *(Продолжительный резкий звонок; Сергей Сергеевич идет*

---

^д Далее было: Понимаю прекрасно.

^е Было: Да нет: говорю же

^ж Далее было: какое-то

^з Далее было: Погорячился: да...

^и Было: Что я сказал?..

^к Далее было: Я?..

^п Было: Вам не угрожает

безотчетно в переднюю и открывает дверь; Николай Аполлонович подхватывает свою фалду и прячет руку с фалдой за спину; в передней показывается Вергефден с букетом хризантем; и показывается растерянная Марфушка из внутренних комнат.)

Вергефден. Здравствуйте... (Озирается с любопытством.) Я тут стою, и звоню, и звоню... Вы, Сергей Сергеевич, обрились?.. И горло болит?.. Николай Аполлонович тут?.. Как ваше здоровье – после вчерашнего. (Сергей Сергеевич и Николай Аполлонович тягостно молчат.) Я – на минуточку... Мы – по горло завалены... Знаете новость?.. (К Николаю Аполлоновичу.) Ведь Аполлон Аполлонович – в отставку:^м переменялась история... (С напускною сердечностью к Николаю Аполлоновичу.) И – простите; но вы^н не сочувствовали линии^о батюшки...^п Колесом механизма вращал пятилетие; и вот – все-таки: в учреждении обнаружилась брешь; Аполлон Аполлонович более – не глава Учреждения... Всеобщая забастовка объявлена... (Видя, что ему не отвечают, к Марфушке.) Это вот – барыне. (Передает хризантемы и вопросительно взглядывает на Сергея Сергеевича.) Ну, прощайте, – дружище: вид у вас – переутомленный, нервозный.

Николай Аполлонович (к Вергефдену). Я – тоже... Не по дороге ли?^р

Сергей Сергеевич (беря Николая Аполлоновича за руку). Вы забыли? (За Вергефденом захлопывается дверь; в открытой передней опять появляется подслушивающая Софья Петровна; Николай Аполлонович и Сергей Сергеевич ее не видят.) Я должен просить: извините... Погорячился...^с Я... я... оборвал у вас^т

---

^м Было: уходит в отставку:

^п Было: Вы простите меня; но ведь вы

^о Далее было: вашего

^п Далее было начато: Да, ведь вот

^р Было: Я – тоже: и мне... Не по дороге ли нам?

^с Было: Погорячился я: ведь все это так страшно, ужасно...

^т Далее было: фалду; это – произвольно; ведь вы обнаружили сами намеренье вернуться от объяснения.

фалду – непроизвольно; но вы обнаружили сами намерение увернуться.

Николай Аполлонович (*с досадой*). Неугомонливый человек!^у Вы же сами мешаете объяснению: верьте, история с домино...

Сергей Сергеевич (*перебивая*). Фалду^ф вам подошьют.

Николай Аполлонович. Фалда – вздор: по отношению к главному...

Софья Петровна берется за голову и отрицательно качает головой.

Сергей Сергеевич. Вздор; и –^х торчанье в подъезде... (*Вдруг вспыхнув*.) Не вздор, а престранное, говоря просто-напросто... (*Обрывая себя*.) Дело не в том уже: это – прошлое. (*Николай Аполлонович с недоумением на него смотрит*.) Я там...^п обрился себе: у меня на лице угревина; торчанье в подъезде...

Николай Аполлонович (*перебивая*). Торчанье в подъезде – в конце концов – проявление болезненного противоречия во взгляде на жизнь между мною и Софьей Петровной.

Сергей Сергеевич. Да не о ней...^ч

Николай Аполлонович. Как?

Сергей Сергеевич (*резко*). Вы Софью Петровну оставьте: мы с ней объяснились сегодняшней ночью... (*Подслушивающая Софья Петровна соглашается с этим*.) – под ПОТОЛКОМ (*перебивая*): вот все путаю...^ш

---

^у Было: Неугомонливый человек, кто ж мешает мне прямо сказать?

Далее было: Вы же сами: поверьте, история с домино объяснима расстройством.

^ф Было: А фалду вам...

^х Далее было: стоянье

^п Далее было: погорячился, обрился себе: оттого

^ч Было: Да не о Софье Петровне...

^ш Далее было: Голову мне зашибило.

Николай Аполлонович. Не понимаю. (*Незаметно вооружается пресс-папье.*)

Сергей Сергеевич (*горячо*). Я вас затащил...^м (*Вырывая пресс-папье.*) Убивалку оставьте... Вы^н здесь в безопасности... Вот только фалда... (*Софья Петровна тихо хихикает.*) Послушайте, (*горячо*) – вычищу^м я клоаку вашу...

Николай Аполлонович (*обиженно*). У меня нет клоаки.

Сергей Сергеевич (*еще горячее*). А бомба?.. Да разве же не клоака она?.. Вот о чем я: о бомбе, хранящейся^б и... (*крича*) предназначенной для... для кого?^в Для отца?! (*Николай Аполлонович всплескивает руками.*)^ю А... а... а?.. Отчего же зрочки закатались^я в белках?.. Как могли там вам дать? Как могли вы так взять?.. Нет: и я – не доносчик... Но допустить – понимаете – вас – понимаете?..^{ша} (*Быстро шагая.*) Вчера – понимаете, был я нервен, предчувствую;^б ударило, понимаете, в голову; и, понимаете, я... там чинил потолок... понимаете: без затей... Наоборот: чинил жизнь... Тут вернулась^в Сонечка: угомонила меня... Ну-с: и Софья Петровна призналась, что, вы понимаете, вскрыла записку она – без затей – руководствуясь... оправдываемым любопытством; прочла и подумала:^г «Шутки». Кто мог бы подумать, что вы, просто-напросто – сохраняли^д снаряд!..

^м Было: Полунасильственно вас затащил я сюда...

^н Было: Простите: вы

^м Далее было: эту я вашу

^н Далее было: в комнате вашей и... и...

^в Далее было: Для родного отца?!

^ю Было: (*Николай Аполлонович роняет голову в руки*)

^я Далее было: в глазах?..

^{ша} Далее было: Да я был бы клоакой!..

^б Было: предчувствуя что-то;

^в Далее было: Софья Петровна и белое домино:

^г Далее было: «Шутки друзей»... Как могла она думать...

^д Далее было: снаряд: для отца!..

Николай Аполлонович (*горячо бросаясь с места*). Не снаряд, а – сардинницу: с маслом!.. Я вам удивляюсь: как можете верить, приписывать мне... Как вы смее-те?.. Разве я знал, что – снаряд?.. Не снаряд: узелок. Приволок, попросил уберечь: «Что вам стоит? Обыски-ванья – не будет»... Я думал – литература: я взял... (*Кри-ча.*) Разве знал, что снаряд? И для чего такого сардин-ница эта... с песком для отца? Разве знал,^е что^ж – песок для отца, или – *как бы* снаряд... Обнаружилась прово-кация, потому что податель песка и не знал, что тут...^з Выяснилось: бомбы – нет; есть песок, обнаруженный^и Аполлоном Аполлоновичем в моем присутствии.

Сергей Сергеевич (*с облегчением*). Слава Богу. (*Оти-рает платком лицо.*) А я, как узнал, начал бегать: гонять-ся за вами... Вы, я, Софья Петровна...

Николай Аполлонович (*перебивая*). Упорное мозго-вое расстройство!

Софья Петровна в своей засаде соглашается с этим.

Сергей Сергеевич. Становится несущественным все это перед святынею человеческой жизни; я, человек простой, – полагаю: не смеем лишать бытия мы – себя и друг друга... Чинить потолки – вы простите, я путаюсь – чинить расправу; вчера прояснилось под сердцем.

Николай Аполлонович. И мне!.. Я всю ночь не ложился; все бегаю... А как сяду, так – пухну.

Сергей Сергеевич (*перебивая*). С утра – в бега: к вам; увидел на Набережной; и – за вами; и просто-напросто образовался на Невском, откуда привлек вас^к сюда... Фалду вам прикатают мгновенно.

---

^е Было: Разве знал я,

^ж Далее было: в том узелке есть

^з Далее было: кукиш... Все – выяснилось:

^и Далее было: трагикомически

^к Далее было: сюда, горячился... а фалду

Николай Аполлонович (*сердясь*). Да оставьте вы фалду, оставьте про фалду... (*Софья Петровна – хихикает.*) Обидно про фалду... Вся суть, что мы схвачены наваждением.

Сергей Сергеевич. Когда лез я на стол – починить...^л; снимал лампу, сорвался:^м сел в стуло с веревкой.

Николай Аполлонович (*не понимая*). С какою?..

Сергей Сергеевич (*не слушая*). То думал: в конце концов, просто-напросто, все раздоры – тщета: перед главным; тут жизнь и вошла, просияла; остался лишь свет: чистый свет!.. Я ведь *тоже* убить хотел.

Николай Аполлонович (*вздрагивая*). Как это *тоже*?

Сергей Сергеевич. Нельзя!^н

Николай Аполлонович. Невозможно: какое-нибудь двух-аршинное тельце, двенадцать вершков в поперечнике, а – попробуйте-ка доскою пришлепнуть; и – нет: не пришлепнете: тельце – периферия бессмертного «я»...

Сергей Сергеевич (*кладя руку на плечо Николая Аполлоновича*). Николай Аполлонович, полно упрямяствовать; с квадратурами круга, куда вы уедете? Это все – мозготня; вы взгляните прямее на вещи: отдайтесь совести!

Николай Аполлонович (*надменно*). Вы^о не верите?

Сергей Сергеевич. Верю...^п не сомневаюсь нисколько... А что касается фалды...

Николай Аполлонович (*с неожиданной яростью*). Не ведали вы, что творили: я, знаете, я – не отпетый мошенник... Как вас угораздило? А вы? Вы – подумали?..

---

^л Было: Появ я это, когда я залез там на стол чинить...

^м Было начато: лампу снимал: оборвался: стоял

^н Было: Нельзя убить...

^о Было: (очень надменно). Вы мне

^п Было: Верю я...

Вы меня собирались поддеть?.. И вы, пользуясь физическим превосходством, в присутствии дамы проволок-ли, как... как... тютюку на этот вот – полуостров: отрезали путь и угр^аживали... Убедитесь: отца не убил... (После паузы.) Что же касается до моих пережитий, до, в конце концов, морального мира и до моих социально-общественных убеждений, заставивших в центре сознания ставить проблему убийства и, так сказать, а priori^p помыслить о следствиях, вытекающих из покушений^c на... вообще... государственного человека, – то до всего того, вам какое же дело?.. А вы, – что вы сделали?.. Вы, как тютюку меня... (Вдруг с бешенством.) Ну чего вы растяпались? Фалду оттяпали... (Оглядывается на свою одну фалду.)

Сергей Сергеевич (с совершенным испугом). Фалду можно пришить. (Бросается в переднюю, налетая на Софью Петровну.)

Софья Петровна. Ах!..

Сергей Сергеевич (бросая в глубину квартиры). Марфушка: черных ниток, иголку!..

Николай Аполлонович (прихрамывая, с кривою улыбкой бросает Софье Петровне). Вы извините уж, Софья Петровна... Вот я (указывая на одну свою фалду) – в таком виде, как... как... казуар какой...

Сергей Сергеевич (влетая). Соничка, ты – подика...^t Николай Аполлонович – погорячился и... – оторвал себе фалду; ему бы – пришить.

Софья Петровна (кусая губы от внутреннего смеха). Вам пришить, может быть? (Она демонстративно обнимает Сергея Сергеевича, бросая любопытные, немного детские взгляды на Николая Аполлоновича.)

---

^p Далее было: размышлять о последствиях,

^c Далее было: а priori

^t Далее было: Вот

Николай Аполлонович. Мы вот, Софья Петровна, по-своему каждый так многое пережили... И я^у виноват^ф перед вами.

Софья Петровна (*с досадой перебивая*). Оставьте: то — прошлое.^х

Николай Аполлонович. Наваждение!^н

Сергей Сергеевич (*заглядывая в переднюю*). Марфушка, что же вы?

Софья Петровна (*к Сергею Сергеевичу*). Да не мешай.

Голос Марфушки (*издали*): «Нет иголок и ниток...»

Сергей Сергеевич (*бросая куда-то*). А вы поищите.

Софья Петровна (*к Николаю Аполлоновичу*). Так что^ч вы хотели сказать?

Николай Аполлонович. Я хотел...

Сергей Сергеевич (*подводя Софью Петровну к Николаю Аполлоновичу*). Просто-напросто, — помиритесь.

Софья Петровна (*протягивая руку с чопорно-надутыми губками*). Я право не знаю... Вы вот, Николай Аполлонович,^ш странный: смешной человек.

Сергей Сергеевич (*умиrotворяюще*). Николай Аполлонович, — ужас что пережил.

Николай Аполлонович (*горько*). В одну ночь поседеешь!

Софья Петровна (*с загоревшимися глазами*). А что^щ пережили вы, стоя над бомбой.

Николай Аполлонович (*с болезненно блистающими глазами*). Как я развязал узелок: вижу я, что — сардинница, с часовым механизмом.

Софья Петровна. Как? Бомба?.. Я думала, бомба — круглая.

^у Было: Я так

^ф Далее было: перед вами: я вел себя.

^х Было: Прошлое это: оставьте.

^н Было: Какое-то наваждение!

^ч Было: Ну что

^ш Далее было: странный какой-то:

^щ Было: Ну расскажите же, что

Николай Аполлонович. Дернулись пальцы и сделали произвольное такое движение; ключик – дернулся; часики – тикнули.

Софья Петровна. Ах!

Николай Аполлонович. А в жестянице – закопошилась жизнь: *(с ужасом)* стала всхлипывать, будто тело спросонья; скривила мне рожу.

Софья Петровна. Ай, ай!..

Сергей Сергеевич *(непроизвольно)*. Что вы сделали?

Николай Аполлонович *(самодовольно успокаивая)*. Все уже кончено: это – не бомба.

Сергей Сергеевич. Софи, слышишь?

На лице у Софьи Петровны произвольное разочарование.

Николай Аполлонович *(стоя и ероша волосы)*. Обильные ощущения одолели меня: отвращение, точно от нелужёной посуды, меня распирало; тошнило, как будто с проглотом.

Софья Петровна. Ах?

Сергей Сергеевич. Слышишь, Софи?

Николай Аполлонович. Лезла дрянь: и как будто слетела повязка со всех ощущений: зашевелилось над головою; по коже прощекотало; и – бегало пульсами. *(С вдохновением.)* Чувствовал, – пухну: расхаживаю распухшим уродом.

Сергей Сергеевич *(показывая Софье Петровне на Николая Аполлоновича)*. Вот?^в

Софья Петровна. Наоборот: вы – осунулись.

Николай Аполлонович. Рвался, как бомба... И до сих пор – не могу успокоиться:^м бегаю, оттого что сидеть не могу; как присяду, так – рвет во все стороны.

Софья Петровна *(у которой разблистались глаза от интереса)*. Это вот я понимаю!.. *(Облизывается, как кошечка.)*

---

^в Далее было: Николай Аполлонович. Ая... Не распух?

^м Далее было: бегаю все,

Сергей Сергеевич.^b Да, столько пережить: слава Богу, что все обнаружилось.

Николай Аполлонович (*разводя руками*). Шутки!³

Софья Петровна (*с произвольной досадой*). Я так и думала.

Сергей Сергеевич. С песком оказалась?

Николай Аполлонович. Не только — внутри оказалась бумажка: в ней^ю масло, сливочное, и... (*конфузась*) фи́га...

Сергей Сергеевич (*заинтересованно*). Скажите пожалуйста.

Софья Петровна^a начинает дико хохотать: Николай Аполлонович улыбается принужденно.

Сергей Сергеевич. Сонюшка!^{IVa}

Софья Петровна (*стуча ножками от хохоту*). Ха-ха-ха... Фига с маслом... ха-ха...

Сергей Сергеевич (*добродушно смеется*). Ха-ха... фи́га... ха-ха-ха...

Софья Петровна (*с еще большим хохотом*). Это^b же — кукиш?.. Ха-ха...

Сергей Сергеевич (*с откровенной веселостью*). Ха'-ха-ха... Кукиш!..

Николай Аполлонович. Как-нибудь я потом объясню это все (*оглядываясь*), а теперь я пойду. (*Вдруг садится*)³ Не смешно: (*с остановившимися глазами*)^г странно, страшно!

Софья Петровна опускает голову, притихая; у Сергея Сергеевича делается испуганное лицо.

---

^b Далее было: Ах, что ты...

³ Было: Да вот — шутки!

^ю Далее было: фи́га и масло,

^a Далее было: вдруг

^{IVa} Было: Что ты, Сонюшка?

^b Было: Так это

³ Далее было начато: Не смешно это (странно)

^г Далее было: странно и страшно!

Сергей Сергеевич. Да вы успокойтесь.

Николай Аполлонович (*лихорадочно*). Опасность – не миновала; такие события не разрешаются в воде-виль: нет, нет, нет!... И мне кажется все, что развязки никто не предвидит.

Сергей Сергеевич. Да полно.

Николай Аполлонович (*воодушевляясь*). И – кажется: есть содержанье сардинницы... Нет, – не песок! Оно – кинется расширяться без меры. (*В ужасе поводя глазами.*) Ведь я – расширяюсь? Без меры!?!

Сергей Сергеевич. Осунулись вы...

Николай Аполлонович (*не слушая*). Газы прытко раскинутся по кругам (*с дико вытаращенными глазами*), разрывая – всё, всё: с бурным грохотом; всё – лопнет, хлопнув; и тело, разорвано, – разбросается слякотью; в сотую долю секунды провалятся стены, и...

Софья Петровна. Да замолчите же, – страшно...

Сергей Сергеевич. Да вы успокойтесь!..

Николай Аполлонович (*не слушая*). Я бредил в младенчестве: передо мною^а попрыгивал шар из резины, не то – из материи странных миров, вызывал тихий ласковый звук: «Пéпп-пéппéп»; и – опять: «Пéпп-пéппéп», – разбухая до ужаса, принимая обличие странного толстяка-господина; толстяк, став положительным шаром, все ширился, ширился, ширился: «Пéпп... Пéппович... Пéпп»...

Софья Петровна (*закрывая лицо руками, – с привзвизгом*). Замолчите!..

Николай Аполлонович (*странно озираясь*). Сегодня на улице я увидел толстяка с невозможным, ужасным, но странно-знакомым лицом;^б (*хохоча*) и – припомнил!

Софья Петровна (*вскрикивая*). Пéпп... Пéппович... Пéпп?

^а Было: Знаете: я в детстве – бредил... Ночами порой предо мною

^б Далее было начато: он и

Николай Аполлонович. Пёпп... Пёппович...
Пёпп...

Сергей Сергеевич. Успокойтесь...

Николай Аполлонович. Лицо же сказало:^{*} все то, чем валился из детства – придвинулось, рушится... (Вскакивая в ужасе.) Будет бред!.. (Обрывая со странной улыбкой себя.) Ну – теперь я пошел.

Сергей Сергеевич (мягко). Вы примите антипириин.

Софья Петровна (прикладывая платок к губам и еще продолжая давиться от смеха). Не могу...³ кукиш с маслом... простите...⁴

Николай Аполлонович быстро прощается и спешит, прихрамывая, удалиться; Сергей Сергеевич пропускает его в дверь⁵ и недолго возвращается в комнату.

Сергей Сергеевич.¹ Очень грустно; я, знаешь, боюсь за него...

Софья Петровна² приближается к нему и становится на колени, руками обвивая его ноги.

Софья Петровна. Милый, бедный, любимый: мне страшно!..

Сергей Сергеевич (нагибается к ней, кладет ей руки на лоб). Прости меня.

Софья Петровна. Ты прости.

Сергей Сергеевич. Свет простит!

Вбегает Марфушка с иголкой и нитками.

Марфушка. Вот иголки, вот нитки...

Видя Сергея Сергеевича и Софью Петровну – останавливается в изумлении.

З а н а в е с

---

^{*} Было: Лицо его – грозно сказало:

³ Было: Нет, – простите: нет, я не могу...

² Было: Сергей Сергеевич укоризненно ее толкает в бок; Николай Аполлонович, несколько опечаленный концом разговора, прощается

⁴ Далее было: и, радостно потирая руки,

⁵ Далее было начато: Ну – вот-с: хорошо очень

⁶ Далее было: тихо

Картина десятая

Сцена изображает гостиную Аблеуховых; это бледно-голубая комната; всюду кресла ампир с золочеными ножками, перламутровые столики; посредине свисает люстра; диван, около дивана – кресла; старинные фарфоровые часы; у стен этажерочки; на этажерочках всевозможные куколки; посредине комнаты – камин; слева и справа проходы в две комнаты; левый проход открывает кусок столовой; правый проход ведет, очевидно, к выходным комнатам; третья дверь в середине левой кулисы ведет во внутренние покои; направо – окна, выходящие на набережную. При открытии занавеса^а в правый проход входит Аполлон Аполлонович, держа руку кренделем; на руку опирается Анна Петровна, прикладывая к глазам лорнетик; она с любопытством озирает комнату; за ней – Семеныч.

Анна Петровна. Вещичка к вещичке!

Семеныч (*высовываясь*). Ясnehонько: т^ирывали пыль каждый день с фарафорок; и, обязательно, – на прежнее место; ходил лакировщик:^б и личность на все наводил.

Анна Петровна (*снисходительно улыбаясь в лорнет*). Уж я вижу.

Семеныч. Без вас, как при вас: чуть пылиночка, – остановишься, пальцем мусолишь, лощишь по паркету. (*Разводя руками.*) Не вычищено, а – вылизано.

Аполлон Аполлонович. Э... когда же... обед? Мне ведь после – с докладом... ме-ме... во дворец.

---

^а *Далее было начато:* в правом проходе обнаруживается

^б *Далее было:* на все наводил свою личность.

Семеныч. В свое время-с...^в (К Анне Петровне.) Под всеми столами елозил с суконкой.

Анна Петровна. А Коленька где?

Аполлон Аполлонович (высвобождая руку). А он^г – так себе, ничего себе – поживает... (Бросает взгляд на Семеныча и отбегает к столику – схватить безделушку.)

Семеныч (неискренне). Коленька, Николай Аполлонович, тоись, – позволю заметить: красавчик, разумник-с; глазастик учливый такой.

Аполлон Аполлонович (перебивая). А Семеныч?... Скажу я, – Семеныч... Скажу-ка... ме-ме... А жена-то халдея... я полагаю – кто будет?

Семеныч (нервничая). Халдейка-с?

Аполлон Аполлонович (свирепо выпаливая). Нет: халда!

Анна Петровна (с улыбкой в лорнет). Такой же, как были.

Аполлон Аполлонович (неожиданно: после паузы). А Коленька много читает философов и рассуждает про них.

Семеныч (в тон). Мозготряс.^д

Аполлон Аполлонович (громче). Он читал «Theorie der Erfahrung» Когена, – такой есть философ.

Семеныч. Ведь – вот-с как: пестунчиком капельным были; теперь – во: каплун! Торжествует – всем дамам кадилник.

Анна Петровна (умильно). Каплюшкой, Кукою, был, а теперь?

Семеныч. Теперь перчик-с.

Аполлон Аполлонович (отрезывая). Да, да-с: резонер.

---

^в Было: Обед – в свое время-с...

^г Было: А Коленька

^д Было: Такой мозготряс.

Семеныч. Нагусарят мозгами такого, что – и-и-и...

Анна Петровна (*как бы спохватившись*). Отчего он ко мне не приехал?

Аполлон Аполлонович (*озабоченно трет переносицу*). Он был... ме-ме-ме...

Семеныч. Точно так-с...

Аполлон Аполлонович (*сморкаясь*). В свою очередь... очень-очень...

Семеныч. Так точно-с.

Аполлон Аполлонович (*пряча платок*). Обрадован.

Наступает неловкое молчание.

Анна Петровна. Дома он?

Аполлон Аполлонович (*Семенычу*). Отвечайте...

Семеныч (*конфузясь*). Прошу извинить-с: с утра вышли... Такой право стали: в папашу – с кваском.

Аполлон Аполлонович. Ну... вы... там...

Анна Петровна подходит к стене и рассматривает помпеанскую фреску; потом оборачивается на Аполлона Аполлоновича и подманивает его лорнеткою.

Анна Петровна. Аподите-ка, Аполлон Аполлонович, поглядите-ка... Что?

Аполлон Аполлонович (*подходит и, засунув ручки в брючки, вытягивается к фреске*). Да-с...

Анна Петровна (*игриво*). Где? Ну-ка, – ну?

Аполлон Аполлонович (*вытаскивая очки и напяливая их*). Да в Венеции?

Анна Петровна (*сентиментально*). Свадебное путешествие наше: еще мы стояли на площади Марка; и голубей там кормили; была в калаитовом я ожерелье. (*Одушевляясь*.) Гондола ждала... Ах Венеция – гондольеры, кантабиле; я была там еще этим летом; мы взяли гондолу; сказала я: «Спойте же, спойте же мне кантилену!»

Аполлон Аполлонович потирает переносицу с очень кислым лицом, поворачиваясь к Семенычу.

Аполлон Аполлонович. Ну?

Семеныч. Ну?

Аполлон Аполлонович (*подавая футляр с очками*).
Положите очки: полка «бе» —^е юго-запад.

Семеныч выходит; Анна Петровна устало садится в кресло.

Анна Петровна. Ну вот я и дома.

Аполлон Аполлонович. Вы, может, хотите оправиться? Апартаменты ваши — боюсь, что^ж не топлены, и потом, — эти запахи нафталина: ме-ме...

Анна Петровна. Пойдем в комнаты Куки, а то здесь — темно; вот в Испании...

Аполлон Аполлонович. А у нас тут...

Анна Петровна (*не слушая*). Привыкла к прогулкам; в Толедо — прекрасные ослики: в красных помпонах; бывало, закажем себе пару осликов; и, бывало, мы — в горы...

Аполлон Аполлонович. А я вот — в отставку.

Анна Петровна (*не слушая*). А горы, а горы? Лиловая дымка на всем; на мне — черная шаль; и лиловый галстух на...

Аполлон Аполлонович (*кисло перебивая*). Ме-ме... Так к Коленьке?..

Подает руку; они проходят в левую дверь; за окном резкий свисток неевского пароходика; в куске столовой появляется лакей и накрывает на стол; за ним высовывается мальчишка.

Мальчишка. А тут — и подъехали: батюшки! Барин в наемной машине; и барыня с ним — в ватерпруфе, в дешевеньком.

Лакей. Ватерпруфов не носят.

---

^е Далее было начато: северо

^ж Далее было: там холодно;

Мальчишка. В пальте... Заваландана юбка, висит – в оборотках; шляпченка ж – заваляшина, рвань; баринок соскочил: с попыхов – прямо в лужу; а ручку ей – кренделем.

Лакей. Ишь ты – туда же: бравандит.

Мальчишка. Ушами прыдет и хвостом: зававакали по-хранцузски они.

Лакей. Ишь, – паркетные нежности.

Мальчишка. Барыня – не в себе; на перчатке – дыра: знать, в Гишпании дыры не штопают.

Лакей. Штопают: только дела у ней тощие стали.

Мальчишка. Аполлон Аполлонович, Бог ты мой, – в луже; а барыня на руку им навалилась; он – даже присел.

Лакей. И грузна, и стара.

Мальчишка. Баринок же вот – с естоль (*Показывает двумя пальцами, какого росту Аполлон Аполлонович.*)

Лакей. Ижица с двумя с ушами, издохоль: а туда же, скажу, – людожор.

В гостиную входит Аполлон Аполлонович с Анной Петровной, продолжая начатый разговор; у Анны Петровны в руках большой портрет; она его разглядывает; лакей и мальчишка скрываются.

Аполлон Аполлонович. Сами видели, что кровать – во всю комнату, точно не юноша он, а какая-то (*с форсированной бодростью*) – барышня, черт возьми!

Анна Петровна (*сядась в кресло*). Весь в меня: артистические наклонности!

Аполлон Аполлонович (*поворачиваясь на каблучках и держа одну руку в кармане, другой растирает свою переносицу*). Нет, что ни говори, – говорю: и бухарский халат, и ермолка... ме-ме... Молодой человек, – ему приличествуют спартанские вкусы; ну спорт, ну гимнастика, Мюллера, например (*бодро выпрямляется и, сжимая руку, пробует мускулатуру*), развивающая мускулатуру: кхе, кхе... (*Бара-*

банит пальцами по инкрустации столика.) Коленька стал как-то скрытен... (Он трет переносицу; вдруг, точно опомнившись, бодро.) А впрочем... Так-с, так-с: пустяки.

Анна Петровна (рассматривая портрет). Вероятно, его увлечение: дама... Мы все увлекались. И – я... Не судите же по себе: что вам нужно? Четыре стены, свод законов: вы счастливы. (Аполлон Аполлонович делает кислое лицо.) Что вы видите, например, на лугу? Нет, – что?

Аполлон Аполлонович (озадаченно). Ну – там: цветок, цветки.

Анна Петровна. А какие?

Аполлон Аполлонович (обиженно). Вот странный вопрос: не понимаю... Ну – там: колокольчики...

Анна Петровна. Всё у вас – колокольчики!.. «Колокольчики» – сколько раз я слышала; другие сказали б: «Фиалки, ромашки, ну, лютики там». А у вас все цветы – колокольчики; всё – «и так далее»; всё – лишь детали, не стоящие наблюденья; ландшафт, кабинет, стол, красивая женщина, – все это имеет громаднейший смысл, непонятный для вас; и понятно, что Коленька любит все это; ландшафт, – он внушает божественные переживания; или – орган, или... Стала я религиозна в Испании; я посещала там мессы, впадала в экстазы.

Аполлон Аполлонович (с неохотой). Ну³ – там: я не против; но всякие волхования, знаешь-тили, – затемняют в нас помыслы об источнике совершенства: меме... Для философа мысль, это – Бог, так сказать.

Анна Петровна (перебивая). Нет, а Кука – в меня: (нежно) мое отродье; и что там ни говорите – род сказывается.

При слове «род» Аполлон Аполлонович начинает сердито бегать, отбарабанивая на столиках пальцами.

---

³ Было: Ну да

Анна Петровна. Вы – что?

Аполлон Аполлонович. Так-с... Ничего-с... *(После паузы.)* Вы же сами Николеньку называли – отцовским отродьем?.. *(Сухо и зло.)* Нет-с, нет-с: я не то, чтобы, а – так-с... Вы смущались еще, когда корень «отродья» открылся ему, так сказать, в наблюдениях над замашками – собак: ме-емме...

Анна Петровна *(закрывая лицо)*. Ах, зачем, Аполлон Аполлонович, вы теперь это все неуместно так вспомнили?

Аполлон Аполлонович *(продолжая бегать)*. Вот так-то и понял наш Коленька: всё, что ни есть, – порождение... Порождение – я; порождение – вы: людей-то и нет... *(Вскидывая брови.)* А все только сумма: из крови и кожи...

Анна Петровна. Оставьте, а то – станет дурно: не для того я приехала из Толедо, чтоб... чтоб...

Аполлон Аполлонович *(с диким вдохновением)*. Мясо – портится...

Анна Петровна *(вставая)*. Очень даже странно, что...

Аполлон Аполлонович. И вот вам – отродье: а вы – про отродье... *(Иронически.)* Мое «отродье»: оно – вот оно... Ме-ме-ме...¹

Анна Петровна *(холодно)*. Я пойду: отдохну. *(Идет в левую дверь.)*

Аполлон Аполлонович *(наступая, – ей в спину)*. «Мое отродье» – сказали вы; ведь и я мог сказать: «мое отродье»... *(Бросая в раскрытую дверь.)* Не говорю же я: знаешь-тели – осторожней бы вы... *(Хлопает в ладоши, вызывая лакея; в ожидании – прогуливается; входит лакей.)* Чтобы лошади были поданы – после обеда, чтоб...

---

¹ Далее было: Я пойду: отдохну.

Пробегаёт Семеныч, бросая Аполлону Аполлоновичу.

Семеныч. Николай Аполлонович прибыли: переоделись; бегу доложить. (*Убегает во внутренние комнаты.*)

Аполлон Аполлонович спешно идет в дверь налево.

Голос Аполлона Аполлоновича: «Ну и вот-с, хорошо-с... Знаешь ли-тили-шли... Так сказать. Так всё...»

Аполлон Аполлонович появляется сызнова, ведя Николая Аполлоновича; Николай Аполлонович – переодет: на нем – штатская синяя пара; видно, что при ходьбе он слегка прихрамывает, зажав губы, с гримаской боли; лицо – бело, как мел; глаза – растерянные; в ту же минуту из двери налево взволнованная и грузная Анна Петровна семенит плавными малыми шажками навстречу сыну, склонив театрально голову и протянув обе руки; в одной руке платочек.

Анна Петровна. Милый Кука, мой мальчик любимый!..

Добежав до середины зала, она останавливается и, продолжая протягивать одну руку к Николаю Аполлоновичу, другую, с платочком, прикладывает к глазам, закинув голову, точно собираясь упасть в руки Семеныча, приготовившегося принять в руки Анну Петровну, если она задумает упасть в обморок; Семеныч делает вид, что поддерживает ее; она позволяет себя подвести к креслу, в которое как бы валится; Николай Аполлонович, прихрамывая, подбегает и рушится прямо в колени ей, охвативши ее толстый стан; Аполлон Аполлонович, разволнованный сценою, подставляет им спину и трогает пальцем китайца на этажерке; китаец мотает фарфоровой головой.

Николай Аполлонович (*с неподдельным порывом*).
Мамаша!..

Анна Петровна (*осушая слезы платочком*). Любимочка!..

Семеныч, от них отвернувшись, разволнованно делает понюшку из табакерки; Аполлон Аполлонович, засунувши ручки в брючки, повертывается с добрым, простым выраженьем лица: приближаясь, гудит густым басом, как шмель.

Аполлон Аполлонович. Успокойтесь, друзья мои...

Семеныч чихает и машет блаженно рукой, исчезая во внутренних комнатах; Аполлон Аполлонович направляется зачем-то в столовую, встав на цыпочки.

Анна Петровна (*лаская голову сына*). Мальчик, мой милый ушанчик!..

Аполлон Аполлонович (*обернувшись, с порога столовой*). У нас, Аблеуховых, выражен хрящевидный рас-труб – ме-ме-ме́-ме – ушного прохода... (*Скрывается*.)

Николай Аполлонович поднимается, закрыв голову; и – дрожит; зубы не попадают на зубы; Аполлон Аполлонович появляется из столовой со стаканом воды и тихо подходит к Николаю Аполлоновичу, боясь стакан расплескать.

Аполлон Аполлонович. Вот, Коленька, выпей... Отпей-ка глоточек воды. (*Потирая ладони, прохаживается, потирает ладошки, смеется, как^к маленький шалунишка.*) Хи-хи-хи... Так-с, так-с, так-с... Так и всё... Хи-хи-хи!..

Николай Аполлонович (*облегченно*). Сейчас я – приду: успокоюсь немного.

Анна Петровна. Куда ты, мой Кука: останься здесь, с нами...

Аполлон Аполлонович (*грозя^п пальцем ей*). Оставьте его... Ме-емме... Как не видите, что... (*К Николаю Аполлоновичу.*) Я советую тебе, Коленька, мой дружок, пооправиться, – знаешь-тили; и потом – приходи... (*Вдруг – с недоумением.*) Что это у тебя – а?.. Как так?.. Ты хромаешь?

Анна Петровна (*привставши*). Ах, ах – Nicolas!.. В самом деле?

Аполлон Аполлонович. Да, странно: являешься в дом, или, что то же самое, из него выходишь, хромая... ме-ме...

---

^к Далее было начато: малый маль<чик>

^п Было начато: тряся

Анна Петровна. Что случилось?..

Аполлон Аполлонович (*строго*). Ты слышишь?^м

Николай Аполлонович. Я... я... я...

Аполлон Аполлонович. Что такое?

Николай Аполлонович. Я... упал из трамвая...
(*Дотрагиваясь до колена.*) Коленом расшибся: оно и распухло... Там были^н толпы...

Аполлон Аполлонович (*безо всякой мотивировки*). Я вам говорил: развалили Империю, а когда развалили, то – нечему удивляться, ха-ха... (*кого-то пародируя*) и не в том вовсе дело теперь, чтоб пускать в ход патроны, а в том, чтобы... чтобы...

Анна Петровна (*к Николаю Аполлоновичу*). А ноет?

Николай Аполлонович. Немножко.

Аполлон Аполлонович (*вперяясь в больное колено*). Да, Коленька, – в самом деле, – с ушибами в подколенном суставе не шутят: ушибы – разыгрываются... в абсцессы.

Николай Аполлонович. Ну вот пустяки: я оправлюсь...

Аполлон Аполлонович. И – приходи к обеду...
(*Поглядывая на часы.*) Подадут уже скоро: сегодня – ранее... Я – с докладом... (*Николай Аполлонович уходит.*)

Анна Петровна. Не нагляжусь на сыночка.

Аполлон Аполлонович (*не то сам с собой, а не то с Анной Петровной*). Да, собственно говоря, я его не узнал. (*Поднимая брови.*) Эти... так сказать... чувства! (*Перебегая от зеркала к подоконнику – побарабанить пальцем.*) Порывы! (*Фыркая в бачки.*) Показывают, показывают (*закладывает руку под пиджачок – поворачивать кулачком*) естественность... ме-эме... так сказать (*пожимает плечами*), даже – хорошие свойства природы. (*Подбегает к зеркалу и смотрит рассеянно на себя – сле-*

---

^м Было начато: Ты слышишь, любезн<ый?>

^н Далее было: манифестации...

ва направо и справа налево; потом, – круто поворачиваясь.) Не ожидал-с я никак...

Анна Петровна. Я же вам говорила.

Аполлон Аполлонович (как бы побежденный). Да-с, знаешь... (подбегает к пепельнице и сплевывает)... тили... (К Анне Петровне.) Удивил! И, признаюсь, его поведение успокаивает... (Пожимая плечами.) Пари, – говорит! (Снисходительно.) Хм!.. Дал честное слово молчать... (Пожимая плечами.) Коли честное слово, то – честное слово: обязан сдержаться...

Анна Петровна. Говорите – пари: а какое?

Аполлон Аполлонович (спохватившись). Ну... там... говорил о пари.

Анна Петровна. О каком?

Аполлон Аполлонович. О каком-то таком: о своем. (Хватается за нос.) Мда... (Трет сухие ладошки.) Все это, может быть, – ме-емме – образуется: так сказать.

Входит Семеныч.

Семеныч (к Анне Петровне). Апартаменты ваши раскриты; извольте посмотреть-с?..

Анна Петровна. Я сейчас. (Идет за Семенычем.)

Аполлон Аполлонович (рассеянно им в спины). Надо бы... ме-эмме... озаботиться: камеристку... (Разводя руками, – сам с собой.) Что делать: не ждали... (Отбарабанивая дробь.) А, может быть, – в самом деле: еще образуется, войдет в свою норму.

Входит Семеныч и проходит мимо.

Аполлон Аполлонович. Ну что?

Семеныч. Да что-с?.. Сами с собою остаться желают! (Вдали раздаются звуки «Warum» Шумана.) Играют-с... (Проходит.)

Аполлон Аполлонович (довольный, бросает ему). А все-таки, меме, Семеныч, – не уподобьтесь... меме... мужику костромскому.

Семеныч. Ась?

Аполлон Аполлонович. Я говорю: ме-ме-ме...
Избегайте же так поступать, как мужик костромской.

Семеныч. А как так?..

Аполлон Аполлонович. Когда спит, топор в воздухе виснет.

Семеныч уходит: звуки «Wаgиn»^o льются звучнее; Аполлон Аполлонович садится в кресло и слушает, вытянув голову, музыку с детскими глазами и с отвисшим ртом; за правой дверью голоса.

Голос Николая Аполлоновича: «Семеныч, — скажите: не слышите ли вы, что как будто затикало...»

Голос Семеныча: «Да не тикает, экий тикун: все вам тикает нынче».

Голос Николая Аполлоновича:^п «Не тикает?»

Голос Семеныча: «Тикает:^р тьфу!..»

Из левой двери появляется Николай Аполлонович с палкой в руке, на которую он опирается; видимо, ему ходить вовсе трудно; он останавливается в дверях, не видя сидящего в кресле отца; губы его скорбно изогнуты; глаза устремлены перед собой; в это время раздается вдали мотив: «Уймитесь, волнения страсти...» — и отдаленный, фальшивый голос, распеваящий романс Глинки; это голос Анны Петровны; в столовой видны^с лакей и мальчишка; мальчишка высовывает голову в гостиную и видит в кресле Аполлона Аполлоновича; лакей, не видя Аполлона Аполлоновича, бросает из столовой.

Лакей. Каркнула птица певчая, ворон.

Мальчишка делает ему знаки; оба скрываются.

Аполлон Аполлонович (*сам с собою, вздыхая*). Да-с, знаешь-тили, сударь мой, Аполлон Аполлонович!

Николай Аполлонович вздрагивает и вперяется взором в отца; на лице его отображается безысходная грусть, смешанная с нежностью

---

^o Далее было: прерываются

^п Далее было: Нет, — в самом деле.

^р Было: Не тикает:

^с Было: из столовой виден

тью; он тихо подходит к отцу и кашляет; при звуке кашля Аполлон Аполлонович вздрагивает и привскакивает с места, хватаясь руками за ручки кресел[†] и испуганно повернув голову к сыну.

Аполлон Аполлонович (сердито). Ух, – ты? (*Щупая пульс.*) Разве можно так? Эдак ме-ме до родимчика можно...

Николай Аполлонович (с бесконечной усталостью, садясь рядом с отцом). Папаша: мне – очень нехорошо...

Аполлон Аполлонович (участливо). Что с тобой, Коленька?

Николай Аполлонович. Ничего: просто нервы... (*С искренним порывом.*) Простите еще раз меня... Я неискренне вел себя: все эти годы... Таился от вас... Расстояние увеличивалось меж нами... с годами...

Аполлон Аполлонович (внимая сперва недоверчиво, потом с мягкостью, не отвечает; и оба внимают голосу Анны Петровны; потом, после паузы). Рос ты – неискренним мальчиком... Может быть, я не умел быть естественным восприимчиком твоих игр... Но я, так сказать, силялся... что ли...

Николай Аполлонович. Я – рос один...

Аполлон Аполлонович (перебивая его и как бы защищаясь). Все же пытался я...[‡] меме... с тобою, трехлетним, мой друг, завязать социальные связи, поскольку лета позволяли; и – время: тебе предлагал отношения... меме... игрою в лото и... фигурами контреданса.

Николай Аполлонович (с грустью). Я помню, как вы затвердили однажды «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой» – вместо музыки, передо мною расхаживали фигурой кадрили, показывая фигуру кадрили; отрезали скороговоркой: «В руках его мертвый младенец лежал»...

[†] Далее было начато: делает

[‡] Далее было: мемемеме...

Аполлон Аполлонович. Ну и вот: я пытался же, Коленька, завязать отношенья, беря за конечность... (*поправляясь*) хотел сказать – ручку: тебя; и... ме-ме..., снисходя к твоим годам, тебе надувал под рукавчик тепло.

Николай Аполлонович. Помню: ловили мне летом в Финляндии мух; удивлялся я, с какой ловкостью вы это делали; (*устало улыбаясь и пытаюсь стряхнуть что-то очень тяжелое*) приговаривали: «Муха, Коленька, – птичка: забавная, знаешь, машинка»; и обрывали ей крылья и ножки; (*Аполлон Аполлонович отдается с улыбкою старческим воспоминаниям под фальшивенья Анны Петровны, откуда-то завывающей*) показывали на мушиное жало; и – говорили: «Вот, Коленька, если теперь вырвать жало у мушки, то оторвется и вся голова»... Мы разглядывали, как там ползает безголовая муха, передними лапками утирает отсутствие головы...

Аполлон Аполлонович. Я пытался, ме-ме, мой дружок, тебя развлекать кругом... ме-ме... естественных... ме-ме... научных вопросов.

Николай Аполлонович (*с той же больною улыбкой*). «Мамап» появлялась тогда, запрещая занятия эти.

Аполлон Аполлонович (*потирая переносицу*). Да, женщины, знаешь-тили, к сожаленью, страдают отсутствием обобщений, вполне объяснимым... ме-ме... остановкою мозгового развития, вытесняемого развитием их, так сказать, полового... ме-ме... аппарата. (*Взволнованно.*)^ф Обремененный служебной деятельностью, я, ме-ме, предоставил тебя аппарату... (*Схватываясь за нос.*) Хочу сказать: матери.

Николай Аполлонович. Я^х разучился в годах разговаривать с вами.

---

^ф Далее было начато: И я

^х Было: А я

Оба встают и взволнованно начинают похаживать.

Аполлон Аполлонович (*как бы оправдываясь*). А я не насиловал, так сказать,¹ твоих вкусов; ме-ме... предоставил полнейшую инициативу в естественно-родственных проявлениях тебе...

За окном проясняется небо, пылая кровавым закатом; багровые косяки ясно падают на паркеты и инкрустацию столиков; комната кажется огненной; там, где не красно, сгущаются тени.

Аполлон Аполлонович (*вступая в багровую полосу*²). Что касается до политических убеждений, — напрасно ты думаешь: трудное положение быть государственным человеком; но я никогда не... не... так сказать: не кривил... (*Без всякой мотивировки*.) Гуманитарные начала нам нужны; и — да: гуманизм есть великая вещь... ме... ме... выстрадавшая Джордано Бруно, который одною ногою стоял... ме-ме... в мраке средневековья, другою ж... ме-ме-ме... (*указывая рукой на багровые окна*) приветствовал... ме-ме... зорю возрожденья... (*трет себе переносицу*): ме-ме-ме — «*рукою*» хотел я сказать...

Дверь из внутренних апартаментов отворяется; два лакея проносят почтительно: белоснежные сенаторские панталоны и миниатюрный черный мундирчик с золотой грудью и золотым воротником.

Николай Аполлонович (*бросая взгляд на регалии*). Уезжаете ко двору?

Аполлон Аполлонович (*конфузясь*). Так себе, — экстренно вызвал меня государь-император... А, собственно говоря, подаю я в отставку: они... знаешь-ли-тили-шли... развалили Империю... (*Саркастически*.) Этот... меме... Святополк... этот... Мирский... И Витте... Они — болтуны же... (*Передразнивая кого-то.*) ... Гуманность, гуманность... А мы с Кобылинским смеемся в Сенате...

---

¹ Далее было: вкусов твоих; я...

² Далее было: зари

В сноповязалках гуманности больше; и я говорю Кобылинскому: «Сноповязалки нужны нам... Меме: государственное право нас учит...»

Багровые^м косяки потухают; Николай Аполлонович не слушает излишня отца; он точно прислушивается к^м какому-то звуку; вдруг он обрывает отца – с перекошенным, совершенно испуганным лицом.

Николай Аполлонович (*быстро и тихо*). Тсс!.. Послушайте... Слышите?..

Аполлон Аполлонович (*наставляя ухо к Николаю Аполлоновичу и прикладывая к уху руку*). Говоришь – что? Не слышу.

Николай Аполлонович (*бросая в ухо*). Ведь тикает?.. (*Выжидательно смотрит на отца.*) Слышите? Тик-тик-тик...

Аполлон Аполлонович (*добросовестно слушает*). Ничего не слышу; а что?..

Николай Аполлонович (*крайне угрожающе, отходя*). Так...^б Показалось...

Аполлон Аполлонович взглядывает на часы и трогается во внутренние апартаменты.

Аполлон Аполлонович. Пора бы обедать... (*Уходит.*)

Николай Аполлонович бросается от одного места к другому, прислушиваясь к неслышному тиканью; глухой, продолжительный, угрожающий рев далекого парохода; Николай Аполлонович^м отхрамывает к середине комнаты, схватываясь за голову, и с расширенными глазами бормочет.

Николай Аполлонович. Нет, нет: совершилось, исполнилось... Шаги:^б пошли...

---

^м Было: В столовой вспыхивает свет: багровые

^м Далее было: чему-то

^б Далее было начато: Мне

^м Далее было: отбегаю

^б Далее было: нагоняют, бегут...

Действительно слышны шаги из невидной части столовой и из комнаты, открытой из правого прохода; оттуда показываются по три черных домино, — таких, какие интриговали на бале;⁹ три маски выглядывают справа, из правого прохода; три — из левого; каждое домино вшептывает свою фразу Николаю Аполлоновичу.

Первое домино (*справа*). Помнит ли он,¹⁰ как представлялось действие негодяя над старикашкой?

Второе домино (*слева*). Как лязгнули ножницы в пальцах у негодяя, когда негодяй опрокинулся^а простригать старикашкины жилы?

Третье домино (*справа*). Увидевши пульс старикашки на шее, похожей на раковый хвостик...

Четвертое домино (*слева*). И негодяй лязгнул ножницами по артерии.

Пятое домино (*справа*). Тут вонючая кровь облила ему ножницы.

Шестое домино (*слева*). Старикашка же, — безбородый, морщинистый, лысый, — присевши на корточки, силится сжать пальцем шею, откуда с чуть слышными свистами прядала кровь; и — заплакал навзрыд.

Все шесть. Вот над чем размышлял он когда-то!

Домино — исчезают: Николай Аполлонович дико вскрикивает и несется к звонку; и звонит; его бьет лихорадка; вбегают лакей.

Николай Аполлонович (*лакею*). Послушайте... Вы осмотрели ли комнаты?..

Лакей (*недоуменно*). Что-с?..

Николай Аполлонович. А... уверены вы, что...^{1а} Подите-ка, поглядите-ка: нет ли здесь посторонних?

Лакей. Да, что вы?^б Какие же посторонние? Двери — заперты...

---

⁹ Далее было: трое

¹⁰ Было: Помнишь ты,

^а Далее было начато: на старикашк<у>

^{1а} Далее было: [в квартире] никто...

^б Было: Что вы, барин?

Николай Аполлонович (*растерянно*). Вы – уверены?..

Лакей (*с изумлением*).^в Барин, лица на вас нет.

Николай Аполлонович (*побарывая себя*). Ничего-с, ничего-с...

В столовой вспыхивает свет; появляется лакей с супницей; Семеныч провозглашает: «Суп подан», входит в гостиную, зажигает электричество и идет во внутренние апартаменты; Николай Аполлонович, мучительно перебарывая себя, старается, чтобы на лице его не отразилось ужасное волнение, которое он переживает.

Николай Аполлонович. Галлюцинации... Так-с: нервное переутомление.

Из внутренних апартаментов шествует Аполлон Аполлонович, ведущий к столу Анну Петровну; лакей снимает супницу; пара проходит в столовую; Николай Аполлонович, морщась от боли, ковыляет за родителями; слышно, как садятся за стол: виден лишь край стола, за которым сидит Аполлон Аполлонович, развертывая салфетку; он схватывает перечницу, ожесточенно переперчивая суп.

Голос Анны Петровны: «Вижу я – все по-старому: перец... А помните, – ссорились мы: не позволяла я вам переперчивать суп».

Семеныч, остановившийся в проходе между гостиной и столовой, услышавши слово «суп».

Семеныч (*высовываясь в столовую*). Суп – грибной, наварной...

Аполлон Аполлонович. Таки перец люблю... (*Проглатывает ложку супу и морщится.*) Перец!

Голос Анны Петровны: «Он – действует вам на сердце. И вызывает, ну там... Вы тогда прибегали к гимнастике; и – к “Гунияди-Янос”... “Гунияди-Янос” рекомендовала я и...»

Аполлон Аполлонович (*испуганно перебивая Анну Петровну*). Я и теперь прибегаю: прекрасное, знаешь ли,

^в Далее было начато: Что вы

средство от засоренья желудка: диета и «Гунияди-Янос»...

Голос Анны Петровны: «Аблеуховы страдают желудками: Кука – тоже...»

Семеныч (*высовываясь в столовую*). А им по сию пору ягоды вредны.

Аполлон Аполлонович. Ме... Ягоды?.. (*Всем корпусом поворачиваясь к Семенычу*.) Ягоды...

Семеныч (*высовываясь*). Да-с?

Аполлон Аполлонович. А скажите: арбуз – тоже ягода?

Семеныч. Арбуз, ваше высокопревосходительство, – овощь.

Аполлон Аполлонович (*перевортывается к Семенычу и вперяется в него с изумлением*). Такая... большая... (*Вдруг фыркает.*) ... Пфф-пфф... ягодка...

Семеныч. Пфф-пфф...

Вдруг все огни потухают: на сцене совершенный мрак.

Голос Аполлона Аполлоновича: «Что такое?»

Анна Петровна. Испортилось электричество?

Лакей. Забастовали рабочие электрической станции.

Занавес на^г мгновение опускается и вновь поднимается; гостиная освещена канделябрами; у разведенного камина сидит в кресле Анна Петровна с улыбкой послеобеденной сонливости; Николай

Аполлонович нервно помешивает угли в камине.

Анна Петровна. Жизнь теперь потечет – без порывов: спокойно.

Николай Аполлонович (*угрюмо*). Да.

Анна Петровна (*лукаво*). Кстати: кто эта такая брюнетка у вас – на столе? Увлечение очередное?

Николай Аполлонович (*как бы отмахиваясь*). И вовсе не увлечение.

^г Далее было: минуту

Анна Петровна (*сочувственно*). Молодость, молодость! Говоря откровенно, *mon cher*, увлекаться серьезно не стоит; я – знаю по опыту... (*Щурясь с лукавостью*.)
Дама?

Николай Аполлонович (*нехотя*). Ну да: подарила портрет.

Анна Петровна (*игриво*). Ну,^д дамою можно увлечься: жениться же – рано: ведь вот, Аполлон Аполлонович на мне женился солидным мужчиной; а все-таки – прожили жизнь... (*Подумав*.) Я вот думаю, эта отставка его – просто так: ему пост дадут – вот что...

Николай Аполлонович (*изнемогающим голосом*). Мне, мамочка, – что-то нехорошо: что-то нервы расстроились...

Анна Петровна. А что?..

Николай Аполлонович. Так: голоса в ушах...

Анна Петровна. Ты бы занялся водолечением.

В эту минуту из внутренних покоев выходит Аполлон Аполлонович в белых сенаторских панталонах, в мундире с золотой грудью и с золотым воротником; сбоку – шпага; он опоясан голубою лентою Белого Орла; он – при звезде; на шее – орден; под мышкой он держит треуголку с белым плюмажем; его нельзя узнать: он – стройный, прямой, сухой, сияющий; за ним – Семеныч.

Анна Петровна (*оглядывая Аполлона Аполлоновича в лорнет*). Во всем полном блеске... (*Театрально*.) Уноситесь в райские сферы...

Аполлон Аполлонович (*skonфуженно*). Так...^е всё...

Анна Петровна. По красным ступеням: в свои эмпирей...

Аполлон Аполлонович (*морщась*). Так...^ж всё... Мемме: еще вас я застаю – за чаем.

Лакей (*входя*). Лошади поданы-с!

---

^д Далее было: дамами

^е Было: Там...

^ж Было: Там...

Аполлон Аполлонович (*мелкими шажками идет к правой двери и останавливается на пороге, втыкаясь глазами в Семеныча*). А хотите, Семеныч, ме-ме... стать... ме-ме... митрополитом Ладожским и Печерским, Антонием?

Семеныч. Нет-с!..

Аполлон Аполлонович. Надеть митру, да и... — провозгласить, ме-эмме: «Верую в кошку серую... Ме-ме... Чаю... ме-ме... воскресения мертвых и сахару будущего... ме-ме... века...»

Семеныч. Хе-хе-с...

Аполлон Аполлонович стремительно проходит в дверь; Николай Аполлонович встает и, рассеянно потягиваясь, ковыляет к окну, прижимаясь лбом к окошку.

Николай Аполлонович. Огоньки, огоньки... И пространства воды... Да: как все надоело... Карета стоит.

Анна Петровна. А я говорю, что его не отпустят: вернется, по-новому вознесенный... там... в сферы свои...

Николай Аполлонович (*иронически*). А вы чаете воскресение мертвых? Нет, лучше бы...

Анна Петровна (*перебивая*). Когда мертвые воскресают.

Николай Аполлонович (*обрывает*). Лакей садится: поехали...

Быстро обертывается; и в ту же минуту оглушительный удар; стекла разлетаются вдребезги; в окно валит дым; Николай Аполлонович окаменевает; Анна Петровна вскакивает с кресла.

Пауза.

Голоса за окном: «Разнесло...» «Стой...» «Кучерато убило...» «Держи его...»

Женский визжащий голос: «Господи, одна слякоть!..»

Голоса усиливаются; Анна Петровна с животным воем бросается в дверь налево; из столовой выскакивает в гостиную повар с вы-

пученными глазами; Николай Аполлонович с сумасшедшим лицом усмехается повару.

Николай Аполлонович. Я же вам³ говорил... И я, и вы, — бомбы... Ведь я говорил... *(С той же дикой усмешкою идет в дверь налево, сшибаясь с лакеем, который грубо отталкивает Николая Аполлоновича; у лакея злое и перекошенное лицо.)*

Повар *(лакею, — не своим голосом).* Что?

Лакей *(яростно кричит).* Да что — разнесло!.. *(Бежит в столовую; там кричит.)* Эй... вы... кто там?.. Тряпок, щеток, воды... *(Бросая повару.)* Вся стена — в крови, под подъездом — сплошная лужа... О, черт!!.. Вот они чай-сахары... Улалáкали чертову куклу! *(Вдруг машет рукой и начинает всхлипывать; в разбитом окошке — сплошной галдеж.)*

Голоса: «Осади назад...», «Кучера-то оттащите вы: добрый был кучер».

Николай Аполлонович *(входя в гостиную, с тою же сумасшедшей иронией к повару).* Я всем говорил, что мы — бомбы; и вот — разрываемся.

Повар. Он рехнулся!

З а н а в е с

---

³ Далее было: говорил: Пёпп... Пёппович... Пепп...

Примечания

С. 68. ...мирзы Аб-Лая... поступившего на русскую службу... – Вероятно, имеется в виду султан и хан Средней киргизской орды Аблай (ум. в 1781 г.), который, как сообщает его правнук Чокан Валиханов, «в 1739 году присягнул на вечное подданство России», однако в 1756 г. «признал себя вассалом богдыхана» (Сочинения Ч. Ч. Валиханова, под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1904. С. 3). Статью «Аблай» см. в кн.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 426–430.

С. 69. ...эпоху фон Плеве... – Вячеслав Константинович Плеве (1846–1904) – с 1902 г. министр внутренних дел, шеф отделения корпуса жандармов; последовательно проводил политику подавления оппозиционных сил и настроений. Убит 15 июля 1904 г. эсером Е. С. Созоновым.

...изображение его в «Шуте»? – Журнал под таким названием в России не издавался; в данном случае это – условное обозначение иллюстрированных сатирических журналов, в изобилии печатавшихся во время Первой русской революции (зафиксировано 249 названий подобных изданий; см.: *Русская сатирическая периодика 1905–1907 гг.* Сводный каталог / Сост. З. А. Покровская. М., 1980).

...с амфиболами? – Амфиболы (в геологии) – группа породобразующих минералов, широко распространенных в земной коре, подкласса ленточных силикатов.

С. 70. *Нетопырь* – «род млекопитающих летучих животных <...> летучая мышь» (*Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. II. С. 539; репр. переизд. – М., 1978).*

---

* Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно (*Даль*) с указанием тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами).

С. 73. ...в Куокалле... – Куоккала (ныне Репино) – дачное место в Финляндии на побережье Финского залива, вблизи Петербурга.

С. 74. *Ангелика* – «самое рослое у нас бурьянное растение из сем<ейства> зонтичных; купырь, дягиль» (*Даль*, I, 16).

...у Констана. – Подразумевается ресторан «Контан» (Мойка, д. 58), владелец – Август Людвигович Контан.

С. 76. ...у Зимней Канавки... я Лиза, а Герман – придет... – Подразумевается картина 2 действия 3-го оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» (1890) по одноименной повести А. С. Пушкина: сцена встречи Германа и Лизы на набережной Зимней канавки (небольшого канала, соединяющего Неву с Мойкой).

С. 81. ...звуки «Полета Валькирий». – Эпизод начала 3-го действия оперы Рихарда Вагнера «Валькирия» (1852), входящей в его тетралогия «Кольцо нибелунга».

С. 82. *Би-ба-бо* – простейшая кукла, состоящая из головы и платья в виде перчатки; голова имеет специальное отверстие под указательный палец.

С. 84. ...перил Мойского канала. – Подразумевается река Мойка.

...в николаевке. – Николаевка – шинель с пелериной и стоячим воротником; этот фасон получил распространение в годы царствования Николая I.

«Вы жертвою пали...» – Похоронный марш (музыкальная обработка Н. Н. Иконникова) на основе стихотворения неизвестного автора «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (1870-е гг.) и стихотворения А. Архангельского «В дороге» (1878). См.: Песни русских поэтов. В 2-х т. Л., 1988. Т. 2. С. 346, 423–424 («Библиотека поэта». Большая серия).

С. 86. ...у Кистинтина Кистинтиновича у великого князя... – Великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915) – поэт, переводчик, драматург (печатался под литерами К. Р.), с 1889 г. президент Петербургской Академии наук, с 1900 г. главный начальник военно-учебных заведений.

С. 88. «Биржевые Ведомости» (в разговорной речи: «Биржовка») – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге с 1861 по 1917 г. (с 1902 г. – утренний и вечерний выпуски); одна из наиболее популярных газет в России. «Новое Время» – ежедневная газета,

издававшаяся в Петербурге в 1868–1917 гг. (с 1876 г. ее издатель – А. С. Суворин), придерживалась консервативно-националистических установок.

Речь Родичева... – Федор Измайлович Родичев (1854–1933) – политический деятель, сторонник конституционной монархии; с 1905 г. – член Конституционно-демократической партии (в 1906 г. избран в состав ЦК).

«Патронов не жалеть»... – «Холостых залпов не давать! Патронов не жалеть!» – приказ, обнародованный в октябре 1905 г., во время всероссийской стачки, петербургским генерал-губернатором и товарищем министра внутренних дел Д. Ф. Треповым.

С. 91. *...в часовне великомученика Пантелеймона.* – Пантелеймон (Пантолеон) Исцелитель (ум. в 305 г.) – святой, врач-христианин, лечивший больных безвозмездно. Мощи его хранились в Афонской Пантелеймоновской часовне в Москве (на Никольской улице у Владимирских ворот), куда стекались страждущие.

С. 92. *Карапызиться* – ср.: «*Карапузиться, приседать и прятаться, жаться позадь чего, делаться малорослым*» (*Даль*, II, 90).

С. 94. *...формуляр ~ Нечист?* – Ср. словарный пример: «У него формуляр нечист, замаран подсудностью» (*Даль*, IV, 538).

С. 97. *Альфреско* – стенная живопись водяными красками по сырой штукатурке.

С. 98. «*Morituri te salutant*». – Приветствие римских гладиаторов, обращенное к императору («*Ave, Caesar, <Imperator>, morituri te salutant*»); засвидетельствовано в «Жизни двенадцати цезарей» Светония («Божественный Клавдий», 21).

...к катоптрике. – Катоптрика (устар. термин) – раздел оптики, разрабатывающий теорию изображений, даваемых зеркально отражающими поверхностями.

Апостат – «еретик, раскольник; отщепенец, вероотступник» (*Даль*, I, 20).

С. 99. *Аквилон* – северо-восточный ветер (в Италии и Греции), считался также и северным ветром.

Анаморфоза (анаморфоз) – получение правильного рисунка от неправильного, при отражении последнего в соответственном вогнутом или выпуклом зеркале; ненормальное развитие частей растения.

С. 101. *...очисткою Авгиевых конюшен...* – Один из подвигов Геракла (греч. миф.) – очищение за один день много лет не

убиравшегося, заросшего навозом скотного двора, принадлежавшего Авгию, царю племени эпеев в Элиде.

Кантонисты – до 1856 г. солдатские сыновья, прикрепленные к военному ведомству с самого рождения и обучавшиеся в специальных школах; также малолетние евреи, принимавшиеся в 1827–1856 гг. на военную службу и отдававшие до достижения 18-летнего возраста в кантонистские школы на воспитание.

С. 102. *Пора, мой друг, пора...* – Неточно цитируются начальные строки стихотворения А. С. Пушкина (1834).

С. 108. *Пырскать* – брызгать, особ. изо рта; прыскать; <...> сыпнуть чем внезапно, обдать» (*Даль*, III, 548).

С. 109. *Заломистый* – ср.: «Заломистое место, в реке, наполненное заломом, корягами, хворостом» (*Даль*, I, 596).

Вылеглый – ср.: «Вылеглый хлеб, полегший» (*Даль*, I, 297).

...ухотню-то их – помню. – «Ухотня <...> отдаленный крик, шум, голоса» (*Даль*, IV, 524).

Пискатель – ср.: «пискотень <...> пищанье, продолжительный, многоголосный писк, хныканье» (*Даль*, III, 114).

Фарафорки – ср.: «фарафорка <...> привеска, балаболка, кисточка для украсы» (*Даль*, IV, 532).

...чиканула. – Ср.: «чиконуть по чем, ударить, треснуть, бить палкою» (*Даль*, IV, 604).

...в теменцах. – Ср.: «Теменца <...> дальняя пасмурность, облако, тучка» (*Даль*, IV, 397).

С. 117. *Смутолочит...* – «Кто смутолочит <...>, кто виною беспорядков, баламут» (*Даль*, IV, 239).

Чистохват – «провор, ловкий мошенник» (*Даль*, IV, 608).

...смыргался с бабою... – Неологизм, вероятно, восходит к диалектному «смыгаться» – «заботиться, <...> суетиться, соваться» (*Даль*, IV, 239).

Слиза – «лакомка» (*Даль*, IV, 221).

Смердич – «сын, потомок смерда» (*Даль*, IV, 232).

С. 118. *Сморкачи.* – Ср.: «Сморкач, сморкун <...>, кто часто, шумно сморкается» (*Даль*, IV, 237).

В торричиеллево́й пустоте... – Торричеллиева пустота – безвоздушное пространство, образующееся над поверхностью жидкости в закрытом сверху сосуде. Это явление было объяснено в 1643 г. итальянским физиком Э. Торричелли (1608–1647).

С. 119. ...не Наторпа... Конан-Дойля. – Пауль Наторп (1854–1924) – немецкий философ, представитель марбургской школы неокантианства. Артур Конан Дойль (1859–1930) – английский прозаик; был известен в России в начале XX в. главным образом как автор повестей и рассказов о сыщике-любителе Шерлоке Холмсе.

С. 120. Фактотумы – доверенные лица, исполняющие чьи-либо поручения.

С. 125. Смирняга – «смирный, кроткий человек» (Даль, IV, 235).

С. 127. Читал Кайгородова... – Дмитрий Никифорович Кайгородов (1866–1924) – известный естествоиспытатель-фенолог, педагог, автор многочисленных научно-популярных очерков растительного и животного мира России. Белый читал его книги в отроческие годы (см.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 99, 187, 206, 250, 316).

С. 128. «*Theorie der Erfahrung*» – «Kants Theorie der Erfahrung» («Теория познания Канта», 1871, 2-е изд. 1885), исследование немецкого философа, главы марбургской школы неокантианства Германа Когена (1842–1918).

Кóнтианства? – Подразумевается Огюст Конт (1798–1857), французский философ и социолог, основоположник позитивизма, наиболее авторитетной и популярной философской системы в среде русской интеллигенции во второй половине XIX в.

С. 130. Безочье – ср.: «безочный, безокий, слепой, невидущий, невишной, незрячий, темный» (Даль, I, 69).

Пáдера (падер) – бранное: «одер, одрань, падаль, стерва» (Даль, III, 7).

С. 131. ...канарейка, поющая полным голосом... колокольчиком... – Ср.: «Канарейки, поющие полным голосом, россыпью, дудкою, овсянкой и колокольчиком» (Даль, II, 84).

С. 132. ...понцы же – перекидная сеть, ловчая... – Ср.: «понцы <...> перекидная сеть, запрокидная, для ловли птиц, тайник, тайничок» (Даль, III, 288).

...на мотив: «Выхожу один я на дорогу». – Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841) переложили на музыку 29 композиторов; наиболее популярно музыкальное переложение Е. С. Шашиной (1861), включавшееся в нотные сборники народных песен.

С. 133. *Воркуны* – «болкуны, большие бубенчики. Поехали с воркунами» (Даль, I, 242).

С. 135. *Костюм Помпадур...* – Помпадур – платье, вошедшее в моду между 1750 и 1774 гг., названо по имени фаворитки французского короля Людовика XV маркизы де Помпадур (1721–1764).

Блонды – кружева из шелка-сырца золотистого цвета (при сохранении естественного цвета сырья), а также белого или черного цвета.

...*шляпу «Bergère»*. – Bergère (фр.) – пастушка.

С. 137. «*Maison Tricotons*»... – Такого магазина дамских мод в Петербурге в описываемое время не было.

С. 138. *Гостиннодворка* – ср.: «*Гостинодворец*, купец или сиделец его, торгующий в рядах. *Разрядилась, как гостиннодворка, жена сидельца*» (Даль, I, 387).

Аршинница – ср.: «*Аршинник* <...> мелочный торгош тканями» (Даль, I, 26).

Грандмизэр – возможно, имеется в виду Гранд-Мизер уверт, один из методов карточной игры в бостон.

...*демикотоновое, изабеллова цвета... драдедамовое...* – Демикотон (фр. *demi-coton* – плотная хлопчатобумажная ткань) – «очень плотный, жесткий хлопчатобумажный утóчный атлас», «применялся для шитья верхней одежды, теплых халатов, покрытия шуб». Драдедам (фр. *drap des dames* – дамское сукно) – «очень легкое сукно полотняного переплетения, выпускавшееся чаще светлым, иногда с тканым орнаментом в полоску» (Кирсанова Р. М. *Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв. (Опыт энциклопедии)*. М., 1995. С. 87–88, 91). «*Изабелловый цвет, бледно-соломенный*» (Даль, II, 10).

Завели волокушу... – Ср.: «*Волокуша* <...> две длинные, волочащиеся по земле оглобли, с нахлесткой, вязком или колодкой и парюю копыльев внизу для таски бревен. // Род беззубой, тяжелой бороны, или большой деревянный треугольник, или снаряд иного рода, для выравнивания земли под пашню, под дорожку, или для расчистки снега. // Доска, приспособленная к вывозке снега или сора с дворов и улиц, посредством оглобель, постромок <...>» (Даль, I, 237).

С. 141. *Горячильня* – «заведение <...> для горяченья, нагриванья чего-либо» (Даль, I, 385).

С. 144. ...в голове – додекаэдры!.. – Додекаэдр – один из пяти типов правильных многогранников; имеет 12 пятиугольных граней, 30 ребер, 20 вершин.

...не Анри Безансон – Анни Безант.. – Безансон – город в восточной Франции. Анни Безант (1847–1933) – английская писательница и общественный деятель, одна из лидеров теософского движения, с 1893 г. председатель Всемирного теософского общества.

...деваханическому другу ~ с будхической искоркой... – Девакан (санскр. – «место богов») – обозначение неба в теософии; сфера, в которую переходят человеческие существа, сбросив свои физические и астральные тела. «Буддхи (санскр.). Все-ленская Душа или Разум» (Блаватская Е. П. Теософский словарь. М., 1994. С. 100).

С. 146. Не устраивайте Домостроев... – «Домострой» – памятник древнерусской литературы (XVI в.), нормативное руководство по вопросам религии и государства, семейным отношениям, ведению хозяйства и домоводству. См.: Домострой / Издание подготовили В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994 («Литературные памятники»).

С. 148. ...юбку-панье... – Юбка-панье (фр. panier – корзина) – дамская юбка на каркасе из ивовых прутьев или китового уса.

...с ротондой в руке. – Ротонда – длинная женская накидка без рукавов с прорезями для рук.

...как раз избрюшите... – «Избрюшить кого, забрюшить, избодать, избутыскать, испырать» (Даль, II, 12).

С. 153. Па-де-катр, силь-ву-плэ! – Падекатр – «парный бальный танец, появившийся в начале XX века. Исполнение его занимает четыре такта. Первый и второй такты состоят каждый из четырех шагов <...> Третий и четвертый такты состоят из двух полных туров вальса или четырех полуоборотов» (Васильева-Рождественская М. Историко-бытовой танец. М., 1987. С. 199). S'il vous plaît (фр.) – пожалуйста.

С. 154. Гранд-теню – grande tenue (фр.), парадная форма.

Дранец – «кого драл медведь» (Даль, I, 490).

...боксерским восстанием. – Ихэтуаньское восстание в северном Китае (1898–1901), возглавленное тайным религиозным обществом «Ихэц-юань». Восставшие применяли комплекс да-

осских гимнастических приемов, напоминавших кулачный бой, европейцы поэтому называли их «боксерами».

С. 155. *Абдикационный акт...* – Абдикация (фр. *abdication* – отречение, отказ) – отречение от престола, сложение с себя власти или сана.

...*платье шанжан...* – Шан-жан – в искусстве текстиля сочетание контрастных по цвету утков и основы. «Сан-Жен» – шелковая ткань чаще атласного или полотняного плетения, нити утка и основы которой разного цвета; название – по имени главной героини популярной пьесы Викторьена Сарду «Мадам Сан-Жен» (1893).

С. 156. *Не ком-иль-фо!* – *Comme il faut* (фр.) – как нужно, как необходимо; исправно; приличный (о манерах, поведении).

...*ветерок «флёр-кимёр».* – Подразумевается марка духов.

С. 157. «*Сенатские Ведомости*» – газета, издававшаяся в Петербурге в 1809–1917 гг. (до 1893 г. – под названием «Санкт-петербургские Сенатские Ведомости»); официальный орган Правительствующего сената.

С. 159. «*Я им бросил апельс.*» – *Appel* (фр.) – призыв, обращение, воззвание.

...*лансье, контреданс...* – Лансье – английская кадриль; бальный танец, известный с середины XIX в. Контрданс – танец, возникший в Англии в XVII в.; название объединяет множество танцев, построенных по каре или по линии, где четное количество пар стояло друг против друга.

С. 160. ...*барбетная батаррея...* – Барбет – насыпь внутри крепостного вала, на которую ставятся орудия для стрельбы поверх вала.

Достойный беатификации. – Беатификация – в католической церкви акт причисления того или иного лица к числу блаженных, совершаемый папой Римским.

С. 161. *Бессмачный* – «безвкусный, невкусный» (*Даль*, I, 73).

С. 162. *Таксиль* Лео (наст. имя Габриэль Антуан Пажес; 1854–1907) – известный французский публицист, автор многочисленных произведений, направленных как против ортодоксальной церкви, так и против масонства. В книге-мистификации «Дьявол в XIX столетии», изданной под псевдонимом Батайль, необоснованно обвинил масонов в демопоклонстве, сатанизме и приверженности к изуверским обрядам.

С. 163. *Палладиизм* – согласно Таксилю-Батайлю, «масонство высшее», представляющее собой «чистое демонопоклонство»: «Палладиизм, в сущности, управляет масонством всего мира» (Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом. СПб., 1904. С. 315).

«*Московские Ведомости*» – ежедневная газета последовательно консервативного направления, издавалась в 1756–1917 гг.

С. 164. «*Кто вы, кто вы, гость суровый...*» – Искаженная автоцитата из стихотворения «Праздник» («Слепнут взоры: а джиорно...», 1908), входящего в книгу Белого «Пепел»; в оригинале:

Кто вы, кто вы, гость суровый –
Что вам нужно, домино?»
Но, закрывшись в плащ багровый,
Удаляется оно.

(Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М., 2006. Т. 1. С. 240 («Новая Библиотека поэта»)).

С. 179. *Амплификация* (лат. *amplificatio* – расширение) – стилистическая фигура: нагнетание в тексте синонимических тропов или повторяющихся однородных конструкций; в переносном смысле – всякое многословие, излишество средств.

Аббревиация (лат. *abbreviatio* – сокращение) – способ образования имен существительных – аббревиатур, при котором используются части нескольких мотивирующих слов.

С. 185. ...*хозяин скаплюжит*. – «Каплюжить или каплюжничать, сливать в кабаке капли, остатки из выпитой посуды, упиваясь этим <...> скаредничать, крохоборничать» (*Даль*, II, 87).

С. 186. *С пикончиком...* – Пикон – род алкогольного напитка или эссенция, добавляемая в алкогольный напиток.

С. 187. *Карюзлик* – «заморыш, сморчок; маленький и уродливый» (*Даль*, II, 95).

С. 193. *Телепень* – в переносном смысле: «болван или повета» (*Даль*, IV, 396).

Да не кекай же... – Кекать – икать (*Даль*, II, 104).

Бабич – «бабий угодник, прихвостень, волокита» (*Даль*, I, 34).

С. 194. *Карамазый* – «черномазый, чернявый, смуглый» (*Даль*, II, 90). *Киселяй* – «вялый, плохой человек» (*Даль*, II, 110).

С. 196. *Писали писаки ~ писано-переписано...* – Ср.: «Писали писаки, читали собаки»; «Писано переписано – село Борисово (говорит о письме незнающий грамоте)» (*Даль*, III, 113).

Писарь, пиши мыслете ногами. – Ср.: «Такой писарь, что мыслете пишет, пьяный человек» (*Даль*, III, 113).

...цветущее состоянье письмен. – Ср.: «Цветущее состояние письмен, словесности» (*Даль*, III, 113).

С. 197. *Настрочу: ябед!* – Ср.: «Он просьбу ябедную строчит» (*Даль*, IV, 342); «*Ябеда* <...> клевета, напраслина, извет, наговор» (Там же, 670).

С. 198. *Навертыш* – «буравчик, одноручный буравок» (*Даль*, II, 385).

С. 199. *Навахляли делов!* – «Навахлять что, сделать или сработать дурно, кой-как, небрежно, наскоро» (*Даль*, II, 384).

С. 202. *Распростуха* – «распростой человек, прямой, прямодушный, откровенный или радушный, доступный, простой в обращении», «весьма недалкий умом» (*Даль*, IV, 71).

С. 210. *Бурчя* – «ворчя, воркотун, брюзгач» (*Даль*, I, 143).

С. 212. *...таким абдраганом...* – «*Абдраган* <...> страх, испуг, боязнь» (*Даль*, I, 1).

...пупышем знал... – «*Пупыш*, *пупышек*, цветочная головка, зародыш, почка на растеньях» (*Даль*, III, 539).

С. 213. *...голову пролабаните.* – «*Лобанить* <...> бить по лбу» (*Даль*, II, 261).

С. 217. *...Гауризанкарами бреда...* – Гауризанкар (Гауришанкар) – горная вершина в Гималаях, высота 7144 м; до 1913 г. ошибочно отождествлялась с находящейся на расстоянии 60 км от нее вершиной Джомолунгма (Эверест) – наивысшей на Земле.

С. 227. *Ах, вы – база немая...* – Ср.: «*База* <...> бестолковый басурманин. Эх вы, база немая!» (*Даль*, I, 1).

...затрхохлели мы с вами... – Вероятно, образовано (с опиской) по связи с глаголом «трухляветь», «трухлеть» – «становиться трухлым, гнить, дряблеть; поедаться молью, побиваться червоточиной; рыхлеть, рассыпаться» (*Даль*, IV, 438).

С. 230. *...растемяшили все это...* – «*Растеме(я)шить* что кому <...> растолковать, объяснить хорошо; заставить понять <...> раскусить, размозговать, понять» (*Даль*, IV, 75).

Шпандоренье – ср.: «*Шпандорить* <...> приструнить, взять строго в руки» (*Даль*, IV, 643).

...для стегалки... – Ср: «Постеб(г)алка, плетка, погонялка, кнутишка» (Даль, III, 344).

...власти-то послупились. – Ср.: «послупать, послупить кору с дерев» (Даль, IV, 335); слупиться – «лупиться, сходить лупясь, задираясь» (Даль, IV, 225).

С. 231. *Фордыбака* – «нахал, надутый грубиан, буян, наглый крикун» (Даль, IV, 537).

Белебеню. – «Белебенья <...> пустомеля, пустоплет, балабола, болтун, враль» (Даль, I, 81).

С. 232. «*The complete*» (англ.) полный набор (в ресторанном меню).

С. 233. ...с пушкой: в полдень. – Подразумевается петербургский обычай – ежедневный пушечный выстрел с Петропавловской крепости ровно в полдень.

С. 235. *Вячеслава Константиныча* – нет... – Имеется в виду В. К. Плеве (см. примеч. к с. 69).

Пал Порт-Артур. – Порт-Артур – город и российская военно-морская крепость на северо-востоке Китая, на южной оконечности полуострова Ляодун. Имеется в виду сдача Порт-Артура (20 декабря 1904 г. / 2 января 1905 г.) противнику после многомесячной обороны в ходе русско-японской войны.

С. 236. *Айдаком?* – «Ехать айдаком <...> охлябь, верхом без седла, на голой лошади» (Даль, I, 7).

Поразбивали цейхаузы... – Цейхгауз – вещевой склад в военной части.

С. 237. *Звездная Палата* – здесь: перифрастическое обозначение высших государственных сфер – титулованных лиц, близких к престолу и закулисно направлявших политику России («Звездная палата» – высшее судебное учреждение в Англии в 1487–1641 гг.; заседало в зале с потолком, украшенным звездами).

С. 240. *Шелудивики* – ср.: бранное «Шелудивик <...> шваль, сволочь» (Даль, IV, 628).

С. 241. ...набарaboшил наш барин... – «Барaboшить <...> буторажить, суматошить, тревожить, ерошить, клочить; пугать и возмущать» (Даль, I, 47).

Бандо – украшение из лент на дамских платьях.

С. 242. ...наварварил наш барин. – «Варварить (шуточ.) праздновать, кутить, гулять, пить» (Даль, I, 164).

С. 244. *Псевдогаллюцинации* – по определению врача-психиатра В. Х. Кандинского, «весьма живые и чувственно до крайности определенные образы (т. е. конкретные чувственные представления), которые, однако, резко отличаются для самого воспринимающего сознания от истинно галлюцинаторных образов тем, что не имеют присущего последним характера объективной действительности, но, напротив, прямо сознаются как нечто субъективное, однако вместе с тем, – как нечто аномальное, новое, нечто, весьма отличное от обыкновенных образов воспоминания и фантазии» (Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях: Критико-клинический этюд. СПб., 1890. С. 25–26).

С. 245. *Пхун* – ср.: «*Пхун, пхач* <...> кто пихает, толкает» (*Даль*, III, 106).

С. 246. ...*угомозитесь...* – «*Угомозиться, увозиться, успокоиться, угомониться*» (*Даль*, IV, 469).

С. 253. *Вы, как тютюк меня...* – «*Тютюка* <...> щенок, котенок; собачонка, собачка» (*Даль*, IV, 452).

С. 258. *Антипирин* – белый кристаллический порошок, употребляется в медицине как жаропонижающее и противоревматическое средство.

С. 260. *Учливый* – «учтивый, вежливый, пристойный, скромный» (*Даль*, IV, 529).

...*жена-то халдея ~ халда!* – «*Халда* <...> грубый, бесстыжий человек, наглец, нахал, крикун, горлан, особ. женщина»; «*халдей, халдюк и халыга, халда*» (*Даль*, IV, 541).

С. 261. ...*помпеанскую фреску...* – Здесь: копия с одной из фресок, обнаруженных при раскопках античного города Помпеи, засыпанного при извержении вулкана Везувия в 79 г.

...*на площади Марка...* – Площадь Св. Марка – центральная площадь Венеции, с собором Св. Марка, Дворцом Дожей, колокольней Св. Марка и зданиями Прокураций.

...*в калаитовом я ожерелье...* – Видимо, подразумевается каламит – минерал, разновидность тремолита.

Кантабиле (итал. *cantabile*) – певучее исполнение на музыкальных инструментах (подражание пению).

...*спойте кантилену!* – *Кантилена* (итал. *cantilena*) – напевная, плавная мелодия.

С. 262. ...*в ватерпруфе...* – *Ватерпруф* – непромокаемое пальто.

С. 263. ...*бравандит*. – «*Бражничать, бравандить <...> пить хмельные напитки; пировать, гулять, пропивать имущество*» (*Даль*, I, 122).

...*гимнастика, Мюллера, например...* – Популярный комплекс телесных упражнений, обнаруженный в 1904 г. датским спортсменом И. П. Мюллером под названием «Моя система» («15 минут ежедневной работы для здоровья»). В 1911 г. Мюллер приехал в Россию, выступал в Москве в Политехническом музее.

С. 269. ...*звуки «Wagum» Шумана*. – «*Wagum?*» («Почему?») – пьеса из фортепьянного цикла «Фантастические пьесы» (1837; «*Phantasiestücke*», op. 12) немецкого композитора Роберта Шумана (1810–1856).

С. 270. «*Уймись, волнения страсти...*» – Романс М. И. Глинки «Сомнение» (1838) на слова «Английского романса» Н. В. Кукольника. См.: Песни русских поэтов. В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 522, 638 («Библиотека поэта». Большая серия).

С. 271. «*Кто скачет, кто мчится под холодной мглой*» ~ «*В руках его мертвый младенец лежал*»... – Начальная и заключительная строки баллады В. А. Жуковского «Лесной царь» (1818) – перевод одноименной баллады Гёте («*Erkönig*», 1782). Белый был знаком с этим произведением с раннего детства.

С. 273. ...*выстраданная Джордано Бруно* ~ «*рукою*» хотел я сказать... – Эти высказывания об итальянском философе-пантеисте и поэте Джордано Бруно (1548–1600) в действительности, согласно мемуарам Белого, принадлежали историку литературы, профессору Московского университета Алексею Н. Веселовскому: «...заря возрождения, о которой сказал Алексей Веселовский однажды: “Джордано Бруно, стоя одною ногою во мраке средневековья”, – и далее, далее, далее (нагромождения придаточных предложений, во время которых оратор забыл, что “ногою”), – “другую приветствовал он зарю возрождения!”» (*Андрей Белый*. На рубеже двух столетий. С. 128–129).

...*Святополк... этот... Мирский... И Витте...* – Князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857–1914) – министр внутренних дел (август 1904 – январь 1905 г.), пытался найти линии сближения между правительством и оппозиционными политическими силами. Граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – с 1903 г. председатель Комитета министров, в 1905–1906 гг. – Совета министров; под его руководством составлен Манифест 17 октября 1905 г.

А мы с Кобылинским... – Петр Петрович Кобылинский (1847–1918) – член Государственного совета; с 1899 г. сенатор гражданского кассационного департамента, с 1905 г. – 1-го департамента Сената.

С. 276. «*Гунияди-Янос*»... – Гунияди Янос – целебный источник, богатый слабительными солями, на Офенских минеральных водах в Будапеште. Упоминание этого слабительного средства могло иметь игровой подтекст: по мнению теософов, венгерский генерал Ян (Янос) Корвин Гуниади (1387?–1456), национальный герой борьбы с турками, был преемником мифического основателя «розенкрейцерского Ордена» Христиана Розенкрейца (см.: *Малмстад Джон. Кое-что об Андрее Белом. II. Розенкрейцерская шалость в «Петербурге»* // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 210–211).

С. 278. *...голубую лентою Белого Орла...* – Орден Белого Орла – первоначально польский орден (в России – с 1815 г.), его носили на синей ленте.

С. 279. *...митрополитом Ладожским и Печерским, Антонием?* – Подразумевается митрополит (с 25 декабря 1898 г.) Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846–1912).

С. 280. *Улалакали чертову куклу!* – «Улала(о)кать кого <...> убить» (*Даль, IV, 487*).

Содержание

А. В. Лавров, Джон Малмстад

Театральная версия романа Андрея Белого «Петербург» 3

Петербург. Историческая драма

Картина первая	65
Картина вторая	85
Картина третья	107
Картина четвертая	131
Картина пятая	151
Картина шестая	183
Картина седьмая	204
Картина восьмая	229
Картина девятая	241
Картина десятая	259

ПРИМЕЧАНИЯ	281
------------------	-----

Андрей Белый

Петербург

Историческая драма

Редактор *Б.Н. Романов*

Художественный редактор *В.Н. Сергутин*

Верстка вклейки, оформления – *А.Б. Метелкин*

Верстка – *Л.А. Шелкова*

Корректор – *Л.Н. Морозова*

Оператор – *Ирина Чижикова*

*Информационная поддержка –
журнал «Новое Время» («The New Times»)*

Подписано в печать 8.06.2010. Формат 84x108^{1/32}
Бумага офсетная. Печ. л. 9,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 1801

Издательство «Прогресс-Плеяда»

Гл. редактор С.С. Лесневский

125009, Москва, Тверской бульвар, 14. стр. 1, офис 705

Тел./факс: (495) 648-07-86, 648-07-87

E-mail: progresspl@yandex.ru

ISBN 978-5-9049-9507-2

9 785904 995072

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издательство
ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА

1995

Александр Блок. Собрание сочинений. В двенадцати томах
Т. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1904)
Стихотворения. Книга первая (1898–1904)
Литера, 1995. 576 с.

1997

Андрей Белый. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи
Автограф, 1997. 606 с., ил.

Александр Блок. Собрание сочинений. В двенадцати томах
Т. 2. Книга-альбом. Нечаянная Радость (1907). Земля в снегу (1908)
Автограф; REN-TV, 1997. 312 с., ил.

1998

Александр Блок. Двенадцать. Скифы
Репринтное воспроизведение издания 1918 года
1998. 56 с., ил.

В.М. Жирмунский. Поэзия Александра Блока
Преодолевшие символизм
Автограф, 1998. 116 с.

Андрей Мейлунас, Сергей Мироненко
Николай и Александра. Любовь и жизнь
1998. 626 с.

П.В. Палиевский. Движение русской литературы
1998. 32 с.

1999

Альбом Пушкинской выставки 1880 года
Издание Общества Любителей Российской Словесности
1999. 128 с., ил.

Анна Ахматова. Requiem. 1935–1940
1999. 64 с., ил.